

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Филология и искусствоведение

Научный журнал

№ 4(2)

Киров
2012

Главный редактор
В. Т. Юнзблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор (зам. главного редактора);
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
Н. О. Осипова,
доктор филологических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук, профессор;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
О. И. Колесникова,
доктор филологических наук, доцент

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. В. Редькина
Компьютерная верстка Ю. В. Холмовой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

**Теория языка. Русский язык: история и современность.
Языковое разнообразие России. Вопросы славянского языкознания**

Язык СМИ. Гендерная лингвистика. Проблемы лексикологии. Региональный этнонимикон

<i>Редькина О. В.</i> Языковая игра в газетном заголовке начала XXI в. как способ семантического приращения	6
<i>Рысева У. А.</i> Объявления о знакомстве: аспекты лингвистического изучения	12
<i>Чистюхина С. Н.</i> Метафоризация профессиональной номинации как источник возникновения межотраслевой полисемии	15
<i>Керимова Р. А.</i> Метафора как основной стилистический прием в поэзии К. Кулиева	21
<i>Комарова П. Г.</i> Межъязыковая и внутриязыковая паронимия	24
<i>Мишланова С. А., Сироткина Т. А.</i> Региональный этнонимикон как средство репрезентации «другого»	27

**Языки мира. Сопоставительное языкознание.
Сравнительно-исторические и типологические исследования.
Проблемы межкультурной коммуникации. Переводоведение**

Межкультурная коммуникация. Перцептивная лингвистика

<i>Байкова О. В., Байкова А. В.</i> Языковая ситуация как один из детерминирующих факторов речевого поведения этнических групп в иноязычной среде (на примере российских немцев Кировской области)	32
<i>Бафинова И. А., Овчинникова И. Г.</i> О влиянии коллокаций лексем осваиваемого языка на организацию ментального лексикона русско-английских билингвов	35
<i>Островская К. З.</i> Анализ речевой ситуации «простого» удивления с позиции двух видов реакции удивления	38
<i>Мякотникова С. Ю.</i> Перцептивные типы слов английского языка (на материале Американского национального корпуса)	43
<i>Порческу Г. В.</i> Вероятностные критерии описания звучащего английского предложения	52

**Когнитивные аспекты анализа языковых фактов. Лексикография.
Семиотика культуры. Жанровая характеристика анекдота**

<i>Маркова И. В.</i> Социокультурный концепт “superiority” в английском языке: опыт междисциплинарного исследования	60
<i>Арзамасцева Н. Ю.</i> Функционирование устойчивых словосочетаний в ментальном лексиконе носителей немецкого языка (экспериментальное исследование)	64
<i>Гайдукова Т. М.</i> Цветовая метафора в антропоцентрической сфере (на материале немецкого языка)	68
<i>Заграевская Т. Б.</i> Афроэтносоциолектизмы в англоязычной лексикографии XIX в.: словарь Дж. К. Хоттена “The slang dictionary”	73
<i>Кюрегян А. А.</i> Семиотика культуры и культурные коды	79
<i>Чистякова И. В.</i> Анекдот как литературный жанр	81
<i>Зиннатуллина А. М.</i> Узуальное использование адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках	85

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Литературные образы. Поэтические функции. Архетипы. Межтекстовые связи

Дзюба Е. М. Образы национальной идентификации в жанрах русской литературы последних десятилетий XVIII в.	89
Алексеева Н. В. Поэтические функции круга в романе Г. Газданова «Эвелина и её друзья»	95
Алексеева Н. В., Соломенцева К. В. Архетип богатыря и его трансформация в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»	98
Звягина С. В. Реминисценции и их функции в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ»	102
<i>Сведения об авторах</i>	108

CONTENTS

- Redkina O. V.* Language game in the headlines early XXI century as a way to semantic expansion
- Ryseva U. A.* Announcements of acquaintance: aspects of linguistic studying
- Chistukhina S. N.* Metaphorization of Professional Nomination as a Source of Inter-branch Polysemy
- Kerimova R. A.* Metaphor as the basic stylistic reception in poetry to K. Kuliev
- Komarova P. G.* Translingual and intralingual paronymy
- Mislanova S. L., Sirotkina T. A.* Regional ethnonymicon as means of stranger's representation
- Baykova O. V., Baykova A. V.* The language situation as one of the determining factors of ethnic groups verbal behavior in a foreign language environment (By the example of Russian Germans in Kirov region)
- Barinova I. A., Ovchinnikova I. G.* Influence of lexeme collocations of mastering language on mental lexicon structure of Russian-English bilinguals
- Ostrovskaya K. S.* The analysis of the speech situation of "simple" surprise from the position of two types of surpr rise-reaction
- Myakotnikova S. Yu.* Perceptive types of the words of the American English (on material of the American National Corpus)
- Porchesku G. V.* Statistic criteria of description of the spoken English sentence
- Markova I. V.* Sociocultural Concept "Superiority" in English: Interdisciplinary Research
- Arzamastseva N. Yu.* The functioning of phraseological units in the mental lexicon of German individuals (experimental study)
- Gaydukova T. M.* Colour metaphor in anthropocentric sphere (on material of the German language)
- Zagraevskaya T. B.* Afroethnosociolectisms in English lexicography of the XIX th century: "The slang dictionary" by J. C. Hotten
- Kuregyan A. L.* The culture of semiotics and linguocultural codes
- Chistiakova I. V.* Anecdote as a Literary Genre
- Zinnatullina L. M.* The use of usual adverbial phraseological units in the English and Russian languages
- Dzyuba E. M.* Images of national identification in genres of Russian literature in last decades of XVIII century
- Alexeeva N. V.* Poetic functions of the circle in the G. Gazdanov's novel "Evelina and her friends"
- Alexeeva N. V., Solomentseva K. V.* The archetype of the hero and his transformation into a V. P. Astafyev's novel "Damned and killed"
- Zvyagina S. V.* Reminiscences and their function in the novel of A. F. Pisemsky "One Thousand Souls"

ЛИНГВИСТИКА

Теория языка.

Русский язык: история и современность.

Языковое разнообразие России.

Вопросы славянского языкознания

Язык СМИ. Гендерная лингвистика.

Проблемы лексикологии. Региональный этнонимикон

УДК 811.161.1'23

О. В. Редькина

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ НАЧАЛА XXI в. КАК СПОСОБ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРИРАЩЕНИЯ

В статье анализируется использование языковой игры в заголовках современных российских газет. В качестве основной функции языковой игры рассматривается расширение семантического объема как отдельных единиц, входящих в состав заголовочной конструкции, так и всей конструкции в целом.

The paper analyzes the issues related to the use of the language game in headlines by contemporary Russian newspapers. As a main feature of the language game is considered as the extension of the semantic of the individual units that make up the headlines, and the entire construction.

Ключевые слова: заголовок, газета, современный русский язык, рубеж XX–XXI вв., активные процессы, семантика, приращение, смысл.

Keywords: headlines, newspaper, modern Russian language, active processes, semantics, expansion.

Существенные перемены в жизни российского общества вызвали к жизни новый газетный стиль: в отличие от советских изданий, официально и беспристрастно сообщавших о событиях, круг которых был строго очерчен цензурой, современная российская газета свободна в выборе и тем, и ракурса их освещения, и языковых средств. В наши дни газета не просто сообщает о фактах, но и даёт им оценку – эти две функции газетного текста уже неотделимы друг от друга. Интересно то обстоятельство, что многие современные люди, имея возможность узнавать о текущих событиях из новостных лент в Интернете,

наряду с этим всё же не оставляют привычки просматривать и газеты (в их печатном или электронном варианте), обращаясь к ним не столько за информацией, сколько именно за оценкой событий.

Язык современных российских газет отличается стремлением к эффектности, броскости, неординарности, нередко вызывающей и граничащей с эпатажем. Ярче всего это проявляется в газетных заголовках, как части газетного текста, на которую читатель обращает внимание прежде всего и которая должна вызвать его желание прочитать тот или иной материал.

Заголовок является одним из важнейших элементов газетного текста, и семантика заголовка непосредственно связана с семантикой текста. Многие лингвисты отмечают определяющую роль заголовков и их особую функцию в понимании текста [1].

Интерес лингвистов к семантике и прагматике газетных заголовков в последние десятилетия достаточно высок. А. А. Лютая, исследуя особенности современных газетных заголовков на материале центральных российских газет за 2000–2008 гг., приходит к выводу о том, что главной функцией заголовков современных средств массовой информации является привлечение внимания читателя. По мнению А. А. Лютой, «основной смысл заголовочной конструкции переходит в общий смысл текста газетной публикации. Между заглавием и текстом существуют проспективно-ретроспективные связи. Название имеет двустороннюю сущность и, как правило, позволяет прогнозировать содержание публикации. Заголовок выражает основной замысел, идею текста и всегда находится в сильной позиции по отношению к тексту» [2].

Одним из средств привлечения внимания к заголовку служит использование в нем приёмов языковой игры, которые и являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Феномен языковой игры вызвал всплеск научного интереса в отечественной лингвистике на рубеже XX–XXI вв. [3]

В работах, посвящённых языковой игре, различают 1) языковую игру, создаваемую при преднамеренном использовании языковых средств без нарушения языковой нормы и используемую в целях повышения экспрессивности речи; 2) языковую игру, осуществляемую в случае сознательного отступления от языковой нормы [4]. В рамках данной статьи вслед за А. П. Сковородниковым будем понимать языковую игру как «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [5].

Следует отметить, что языковой игрой, по мнению большинства исследователей, можно считать лишь то намеренное нарушение языковых норм, которое приводит к изменению семантического объёма исходного высказывания, к появлению у него новых оттенков смысла. Русский язык таит в себе неисчерпаемый потенциал для порождения новых смысловых нюансов, которые обнаруживают себя в процессе нешаблонного использования языковых средств, обязательно основанного на тонком чувстве языка и знании меры. По меткому и образному замечанию Б. Ю. Нормана, «язык многогранен, и подобно тому как самоцветный камень своими гранями переливается и вспыхивает неожиданно под лучами света, так и языковую единицу человек может заставить “заиграть”. В слове или предложении вдруг появляются новые оттенки и значения, которые вызывают глубинные ассоциации, порождают сложный смысл» [6]. Языковая игра всегда произвольна, осознанна; если она связана с нарушением языковой нормы, то такое нарушение непременно имеет определённую смысловую сверхзадачу. В этом отличие языковой игры, с одной стороны, от ненамеренного нарушения нормы по причине недостаточного владения ею, а с другой – от игры слов, каламбура, который зачастую является «переиначиванием» фактов языка, не меняющим семантического «веса» языковых единиц; как правило, каламбур основан на случайном сближении слов и выражений и не открывает нового ракурса в восприятии привычных языковых средств и форм.

Анализ значительного числа газетных заголовков [7] позволяет говорить о наличии достаточно регулярных моделей применения в них языковой игры, которые будут охарактеризованы ниже (курсив во всех примерах наш. – О. Р.).

1. Языковая игра, основанная на семантическом сдвиге

1) обыгрывание разных значений слова

а) столкновение разных значений одного слова внутри заголовка:

«*Приёмные* дети и *неприёмные* дни: Супруги Зеленчуковы воспитывают 17 детей. Белгородские власти считают, что это – “проблема Зеленчуковых”» [Новая газета. 2006. 08–14 июня]. – В заголовке прилагательное *приёмный* употребляется два раза, каждый раз – в новом значении: *приёмный* ‘усыновлённый, удочерённый’ и *приёмный* ‘отведённый, предназначенный для приёма, присутственный’. В данном случае языковая игра создает двуплановость восприятия заголовочной конструкции и служит усилению контраста между «миром людей» и «миром чиновников», помогает заострить внимание читателя на социальной проблеме;

б) прояснение семантики слова, употреблённого в заголовке, при помощи подзаголовка:

«Лужков *снимает* рекламу: В Москве на 40% сократят объёмы уличной рекламы» [Новая газета. 2006. 13–15 февр.]. – Словосочетание *снимать рекламу* имеет значение ‘создавать рекламные ролики’, однако в данном случае имеется в виду другое значение, которое актуализируется подзаголовком, – ‘убирать, ликвидировать’. Параллельно происходит и уточнение значения слова *реклама*: ‘рекламный ролик’ и ‘рекламный щит, рекламная растяжка’;

«*Безотцовщина* курортного города: Пятигорск остался без мэра и местного парламента» [Независимая газета. 2006. 22 мая]. – В данной заголовочной конструкции существительное *безотцовщина* семантически связано с существительным *отец* в том значении, в котором оно входит в состав устойчивого оборота *отцы города* ‘руководители; те, кто находится у власти’. Эта связь становится очевидной благодаря подзаголовку, где употребляются слова *мэр* и *парламент*. Перед нами неузальная мотивация, поскольку существительное *безотцовщина* в рамках языковой нормы словообразовательно мотивировано основой существительного *отец* в единственном значении ‘ближайший родственник, один из родителей’. При формальном сохранении нормативной деривации здесь присутствует явная семантическая «подмена» производящей основы. Такое «запутывание» словообразовательных и смысловых связей является реализацией языковой игры и становится источником новой образности;

в) семантическое столкновение заголовка и подзаголовка – как правило, в подзаголовке происходит переосмысление определённого (ключевого) слова из заголовка. Подзаголовок может содержать либо эту же лексему в другом значении, либо другую лексему, которая вызывает ас-

социативную связь с ключевым словом заголовка. В результате «столкновения» значений рождается новый смысл, не выводимый из каждого значения, взятого в отдельности:

«*Отборные* люди России: Чиновникам предложено взять столько собственности, сколько они смогут *отобрать*» [Новая газета. 2006. 11–14 мая]. – В данном случае подзаголовок «снижает» значение заголовка: в заголовке актуализируется основное значение прилагательного *отборный* ‘лучший, исключительный, образцовый’, в подзаголовке употреблен глагол *отобрать* ‘отнять силой’, который раскрывает окказиональное употребление прилагательного *отборные* в заголовочной части;

«*Сносная* жизнь: Прикрываясь нуждами города, краснодарские чиновники отбирают у граждан жильё и земельные участки» [Новая газета. 2007. 14–16 мая]. – Заголовок содержит прилагательное *сносная*, которое на этапе, когда прочитан только заголовок, актуализирует в сознании читающего свою основную семантику ‘приемлемая, терпимая’. Дальнейшее чтение подзаголовка смещает смысловые акценты: становится понятно, что происходит снос домов, следовательно, прилагательное *сносная* начинает соотноситься с существительным *снос* (хотя по языковым нормам словообразовательно с ним и не связано), что служит источником языковой игры. Кроме того, при помощи подзаголовка становится очевидно, что данное в заголовке определение *сносная* для такой жизни есть не что иное, как ирония на грани сарказма, поскольку для людей ситуация, когда отбирают и разрушают их дома, приемлемой быть не может;

«*Генеральный прогон*: Что стоит за театральной отставкой генерального прокурора Устинова» [Новая газета. 2006. 05–07 июня]. – В заголовке употреблено существительное *прогон*, основное значение которого ‘последняя перед премьерой репетиция в театре’; в подзаголовке читаем об отставке генерального прокурора, что вызывает вполне определённый ряд ассоциаций (отставка – уволили – прогнали – прогон), в результате чего существительное *прогон* в заголовке начинает восприниматься как производное от глагола *прогнать* в значении ‘выдворить, изгнать’, несмотря на окказиональность такой деривации. Помимо этого отставка прокурора в подзаголовке характеризуется как *театральная*, что тоже подкрепляет возникшие в данной заголовочной конструкции дополнительные ассоциативно-семантические связи.

Как видно из приведённых примеров, в результате семантического столкновения, переосмысления сочетание заголовка и подзаголовка приобретает отчётливо иронический смысл, часто за счёт окказиональных словообразовательных и семантических связей.

Иногда происходит «удвоение» семантики слова, употреблённого в заголовке. На основное значение «наслаивается» ещё одно, как правило, нормативно не имеющее с первым семантических и словообразовательных связей и основанное на ассоциациях, созвучии, омонимии:

«*Скверные* новости» [Новая газета. 2007. 16–18 июля]. – Уже сам заголовок красноречиво сообщает, что данная заметка посвящена событию, оцениваемому автором статьи отрицательно. В дальнейшем, прочитав газетный материал, узнаём, что новости эти – о закрытии сквера у станции метро «Китай-город» в Москве. Созвучие слов *сквер* и *скверный*, не имеющих узуальных словообразовательных связей, но ассоциативно-семантически связанных в контексте, генерирует дополнительные смыслы, происходит то самое «удвоение» семантики;

2) *семантическое переосмысление, связанное с обыгрыванием устойчивых сочетаний*

«С поля перешли к брани: Крестьяне протестуют против отъёма земли» [Новая газета. 2005. 03–05 окт.]. – Фразеологизм *поле брани* с основным значением ‘место воинской битвы, сражения’ в данном случае разбивается на составляющие – существительные *поле* и *брань*, которые в приведённом заголовке функционируют как самостоятельные, полнозначные слова. Значение существительного *поле* остается неизменным – ‘участок земли’, т. е. место, пространство, связанное с основной деятельностью крестьян, тогда как существительное *брань* реализует свои омонимичные значения [8]: устаревшее книжное ‘битва, сражение’ (во фразеологизме) и ‘ругань, словесное выражение отрицательных эмоций’ (в изолированном употреблении). Необходимо отметить и стилистическую неравнозначность рассматриваемых языковых единиц: если выражение *поле брани* определяется словарями как поэтическое, образное, высокое, то свободное сочетание стилистически нейтрально и не имеет экспрессивного наполнения. Переключка свободного сочетания с фразеологизмом, актуализация омонимии и стилистический контраст – все это в совокупности порождает дополнительные смыслы, вовлекает данную заголовочную конструкцию в область языковой игры;

«Гаишники хотят *выкинуть номер*: Глава российской ГИБДД Виктор Кирьянов предложил убрать с автомобильных номеров коды регионов» [Собеседник. 2010. 24–30 нояб.]. – В данном случае языковая игра также основана на двойном восприятии сочетания *выкинуть номер* – в его фразеологическом и прямом значениях. Фразеологическое значение актуализируется в заголовке, прямое – в подзаголовке. Интересно отметить, что эти значения не противопоставляются, не взаимоисключают друг друга – наоборот,

фразеологическое значение 'совершить неожиданный, странный поступок' является неодобрительной оценкой действия, названного свободным сочетанием *выкинуть номер*, где глагол *выкинуть* употреблён в своём прямом значении 'исключить, убрать';

«В ЖКХ *всё течёт, ничего не меняется*» [Новая газета. 2006. 17–19 апр.]. – Заголовок вызывает ассоциацию с известным афоризмом «Всё течёт, всё изменяется» и является его преобразованным вариантом: происходит смена знака, замена утверждения отрицанием (*всё изменяется – ничего не меняется*), которая становится источником языковой игры. В данном случае актуализируется прямое значение глагола *течь* 'литься', в результате чего на первый план выходит семантика, связанная с насущными, житейскими, «низменными» проблемами российского жилищно-коммунального хозяйства, которая отодвигает в тень «высокое», вневременное философское значение исходного афоризма;

«Немцы готовы прийти на *выручку*: Они полагают, что *выручка* будет приличная» [Новая газета. 2006. 06–09 июля]. – В данном примере языковая игра построена на «подмене» значения слова: в заголовке – фразеологизм *прийти на выручку* 'оказать помощь, поддержку; спасти', в подзаголовке – существительное *выручка* 'деньги, прибыль'. Игровой эффект основан на снижении: фразеологизм «прийти на выручку» содержит указание на высокие морально-нравственные качества и стремления, а существительное «выручка» подразумевает коннотации 'расчет, выгода, отсутствие высоких принципов';

«Кто *отвечает за базар* на основных московских рынках» [Собеседник. 2009. 05–11 авг.]. – Семантическое пространство данного заголовка увеличивается за счёт двуплановости его восприятия, связанной с наличием у сочетания *отвечать за базар* двух значений – прямого литературного 'нести ответственность за территорию рынка' и криминально-жаргонного 'отвечать за свои слова, обещания'. Фоновые знания читателя газеты о том, что некоторые московские рынки связаны с криминальными структурами, даёт ему ключ к пониманию скрытых смыслов, заложенных в заголовке;

3) *семантическое переосмысление, связанное со звуковым сходством*

а) языковая игра, основанная на омофонии:

«Полный *бак-с*: Литр бензина и доллар сравнялись в цене» [Новая газета. 2007. 10–12 дек.]. – Существительное *бак* с результатом добавления «словоера» – частицы -с, исторически имевшей услужливо-почтительное значение, а в современном русском языке служащей только для выражения шутовства и иронии, – совпадает по звучанию с жаргонным названием доллара *бакс*.

В итоге заголовок получает двойной смысл, который становится понятен благодаря подзаголовку;

«Партия *взялась за виллы*: Главный единокоросс Петербурга был замечен в ста метрах от Финского залива. Там строится гигантский особняк – вместо детской базы» [Новая газета. 2005. 24–26 окт.]. – Сочетание *взяться за виллы* (т. е. начать строить виллы, озаботиться обустройством виллами) по звучанию очень похоже на фразеологизм *взяться за вилы* ('начать сопротивление с использованием подручных средств'). Языковая игра построена не только на этом фонетическом сближении, но и на семантическом контрасте: *виллы* – это реалия из жизни богатых, высокообеспеченных граждан, тогда как *взяться за вилы* может только простой народ, поэтому одной из функций языковой игры в данном случае является ироническое подчёркивание разрыва в уровне благосостояния представителей власти и обычных людей, т. е. заострение внимания на социальных проблемах;

«*То не Блэр* – то Глазьев: Вторым по расхожести мифом о "Родине"... является "новый лейборизм" а-ля *Тони Блэр* "товарища" Глазьева» [Новая газета. 2006. 23–25 янв.]. – Языковая игра связана с шутивным сближением английского имени *Тони* (Тони Блэр – премьер-министр Великобритании в 1997–2007 гг.) и исконно русского сочетания местоимения с частицей *то не*, основанным на их фонетическом сходстве;

б) языковая игра, связанная с частичным сходством звучания:

«В обход *великого шокового пути*: Казахстан построил стабильную экономическую систему, избежав социальных потрясений» [Новая газета. 2005. 03–06 нояб.]. – Новые смыслы возникают благодаря замене прилагательного *шёлковый* в составе сочетания *Великий шёлковый путь* фонетически минимально отличающимся от него прилагательным *шоковый*. В результате рождается целый «букет» ассоциаций: от лежащих на поверхности и связанных с противопоставлением Казахстана России, которая в своем развитии не сумела обойтись без шоковых мер в экономике, до более глубоких, основанных на подчёркивании связи Востока и Европы: Казахстан – восточная страна с европейским подходом к устройству своего государства, тогда как и Великий шёлковый путь связывал в Средневековье восточные страны с Европой; то, что власти Казахстана стремятся избежать шоковых мер в экономике, воспринимается в связи с этим как одностороннее проявление восточной мудрости и стремление к европейской стабильности;

«*Памфлеты по-киевски*: Савик Шустер – об украинском юморе, нефтяных наркоманах и невинных жертвах оранжевой революции» [Новая газета. 2005. 04–07 авг.]. – Языковая игра по-

строена на частичном сходстве звучания слов *котлеты* и *памфлеты*. Фактором, ассоциативно объединяющим эти два столь разных понятия, является «место действия» – Киев, откуда получил распространение особый рецепт приготовления котлет («котлеты по-киевски») и куда уехал работать известный тележурналист С. Шустер, дающий в интервью, заголовок которого мы анализируем, острые, во многом нелицеприятные оценки современной украинской действительности (этим объясняется появление в заголовке слова *памфлеты*);

«*Ещё не Тэтчер*: Ангела Меркель, будущий бундесканцлер Германии, обещает быть более строгой в отношениях с Россией, но отрицает своё сходство с “железной леди”» [Новая газета. 2005. 13–16 окт.]. – В данном случае в заголовке обыгрывается частичное сходство слов *вечер* и *Тэтчер* и происходит замена первого вторым в составе устойчивого сочетания *ещё не вечер*. Такая перекличка сообщает высказыванию дополнительные смыслы: во-первых, намек на то, что автор материала воспринимает Ангелу Меркель как «тёмную лошадку», которая может проявить себя в неизвестном пока качестве, с неожиданной стороны. Это подчёркивается семантикой выражения *ещё не вечер* ‘не конец, есть время для изменений’. Кроме того, лексема *ещё* в сочетании *ещё не Тэтчер* подразумевает, что велика вероятность того, что А. Меркель в политическом отношении к России станет похожа на М. Тэтчер, и это только вопрос времени (*ещё* – значит ‘в данный момент не произошло, но произойдёт позднее’);

«*Ра-бы-не-мы*: В Центральном Доме предпринимателя режиссер Владимир Герчиков показал свой новый фильм “Реакция” – о реакции народа на процесс Ходорковского. Народу было немного» [Новая газета. 2005. 03–06 нояб.]. – Написание обоих слов, входящих в заголовок, через дефис и постановку дефиса между ними можно рассматривать как средство, приближающее восприятие печатного текста к восприятию звучащей речи: если в печатном варианте мы чётко видим границы слов, поскольку нормативно они разделяются пробелами, то в потоке звучащей речи не всегда есть такая возможность. Выбранное в данном случае графическое оформление даёт возможность двоякого понимания, двоякой «расстановки пробелов»: *рабы не мы* (расхожая, десемантизированная фраза из революционно-социалистического прошлого) и *рабы немы* (это второй, более глубокий пласт восприятия заголовка, связанный с боязливо-отстранённым отношением российской общественности к процессу по делу Ходорковского; в данном случае семантика существительного *рабы* уже не стёртая, штампованная, а выражающая отрицательную авторскую оценку);

4) языковая игра, основанная на использовании прецедентных имён

«*“Витязь” в пятнистой форме*: 29 декабря отряду специального назначения “Витязь” внутренних войск МВД исполняется 30 лет» [Собеседник. 2007. 19–25 дек.]. – Прецедентным именем выступает название поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»;

«*Убедить Билла*: Международная федерация журналистов призывает “Майкрософт” защитить свободу прессы в России» [Новая газета. 2008. 11–13 февр.]. – Обыгрываются название фильма «Убить Билла» и имя Билл Гейтс.

2. Языковая игра, реализованная с использованием словообразовательных средств

Наиболее заметной моделью, при помощи которой осуществляется данный тип языковой игры, является контаминация – неузуальный способ образования новых слов путём междусловного наложения с совмещением соседних частей исходных слов на основе их формального тождества [9]. Н. А. Янко-Триницкая пишет, что междусловное наложение «состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова. Таким образом, возникает сложное слово особого типа, включающее в своё значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу – основы обоих объединившихся слов, причем в качестве определяемого выступает второе слово, а в качестве определяющего – первое» [10].

Приведем примеры реализации данной модели языковой игры в газетных заголовках.

«*Канцтоварищи*: Несмотря на огромный дефицит бюджета, депутаты и чиновники не стесняются тратить миллионы казённых рублей на приятные мелочи: элитный скотч, дизайнерские стикеры и суперклей» [Новая газета. 2009. 17 июня]. – Контаминация слов *канцтовары* и *товарищи*;

«*Тандемократия*» [Новая газета. 2008. 21–23 янв.]. – Контаминация слов *тандем* и *демократия* (материал о перспективах совместного правления В. Путина и Д. Медведева);

«*Митрополитбюро*» [Новая газета. 2006. 06–09 апр.]. – Контаминация слов *митрополит* и *политбюро*;

«*Интелегенды*: Даниил Гранин: “Когда говорят, что нужно создавать гражданское общество, я спрашиваю: из кого?”» [Новая газета. 2005. 20–23 окт.]. – Контаминация слов ‘интеллигенты’ и ‘легенды’;

«*Книгилизм*: Такое впечатление, что литература никому не нужна» [Новая газета. 2005. 14–16 нояб.]. – Контаминация слов *книги* и *нигилизм* (статья об отсутствии интереса к чтению в современном обществе).

Как отмечает А. В. Рацибурская, «новообразования-гибриды отличаются не только произвольным характером внутрисловных, межморфемных границ, но и увеличением семантического объёма, семантической компрессией, что отражает стремление автора к максимальной информационной ёмкости текста в рамках ограниченного пространственно-временного континуума, а также желание автора достичь определённого стилистического (в частности, комического) эффекта. В связи с этим многие сложные дериваты, созданные неузуальными способами, отмечены явной установкой на языковую игру и имеют оценочный характер» [11].

И действительно, если мы проанализируем каждый из приведённых выше примеров, то увидим, что это единицы, обладающие высокой степенью семантической насыщенности, единицы-«пружины», туго закрученные, и при восприятии этих слов в сознании реципиента (читателя) начинает работать механизм, запускающий «раскручивание» такой языковой «пружины» и «высвобождение» всех заложенных в неё смыслов.

Рассмотрим подробнее один пример с существительным-гибридом: «Дачная *кутюрьма*: Как Валентин Юдашкин декорировал забор колючей проволокой» [Новая газета. 2007. 10–12 сент.]. – В данном случае слово *кутюрьма* является «сгустком» смыслов и коннотаций, которые сконцентрированы в одной-единственной языковой единице. Лексема образована путем контаминации слов *кутюрье* (профессия главного героя заметки В. Юдашкина) и *тюрьма* (образ, с которым начали ассоциироваться дачные владения модельера, после того как он обнёс свой участок забором высотой 3 метра с колючей проволокой). Из содержания газетного материала мы узнаём, что такие действия Юдашкина вызвали осуждение и активный протест хозяев близлежащих домов, которые начали выяснять, насколько законны действия знаменитого соседа, и отстаивать свои права, поэтому не случайна фонетическая и смысловая близость гибридного образования *кутюрьма* со словом *кутерьма*, т. е. 'суета, переполох, неразбериха' (именно эта семантика актуализируется у реципиента прежде всего, непосредственно после первого прочтения заголовка; остальные смыслы обнаруживаются по мере дальнейшего чтения – подзаголовок и самого текста заметки). Мы видим, что существительное *кутюрьма* одновременно содержит указание на главного героя истории, на результат его действий и на отношение к этой ситуации соседей. Таким образом, всё содержание небольшой заметки в сжатом, «спрессованном» виде заложено в семантике слова-гибрида, придуманного для заголовка.

Все рассмотренные выше случаи являются примерами уместной, оправданной языковой игры, которая действительно выполняет свою основную функцию – путём тех или иных отклонений от нормативного употребления языковых единиц актуализирует ассоциации, неявные связи, рождает новые смыслы, оттенки значений слов и выражений.

Однако нельзя не сказать и об имеющихся в современных газетах случаях нарочитой, искусственной языковой игры – так сказать, «языковой игры ради языковой игры». Приведем примеры подобных заголовков:

«Хороший Минин при плохой игре: 4 ноября – День народного единства против кремлёвских бояр» [Новая газета. 2005. 03–06 июня]. – Подобное преобразование фразеологизма *хорошая мина при плохой игре* не добавляет ничего нового ни к пониманию данного выражения, ни к восприятию ситуации, которая с его помощью описывается;

«Элитка на склоне» [Собеседник. 2007. 23 июля]. – Видоизменение прецедентного имени – названия повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» – в заголовке статьи о встрече активистов молодёжного движения «Наши» на озере Селигер. Ни семантически, ни ассоциативно повесть Стругацких и описываемое событие не связаны; основания для их сближения, как нам представляется, отсутствуют, поэтому попытка языковой игры в данном примере не является оправданной и ведёт к ситуации коммуникативной неудачи.

Таким образом, грамотное, уместное использование языковой игры способствует семантическому расширению слов и выражений, образующих заголовочную конструкцию в современных информационных печатных СМИ, сообщает им новые коннотации, ассоциативные связи, концентрирует добавочные, скрытые смыслы. Степень «считывания», способности к восприятию этих смыслов зависит, в первую очередь, от уровня эрудиции, языковой и внеязыковой компетенции реципиента – читателя газеты.

Примечания

1. См., напр.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981; Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности: монография. М.: ЛИБРОКОМ, 2010; Кайда А. Г. Авторская позиция в публицистике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991; и мн. др. работы.
2. Лютая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Волгоград, 2008. С. 19.
3. Назовем лишь некоторые работы: Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002; Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука,

2006; *Ильясова С. П., Амири А. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2009.

4. *Куранова Т. П.* Языковая игра в речи теле- и радиоведущих: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Ярославль, 2008. С. 5.

5. *Сквородников А. П.* Языковая игра // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 388–389.

6. *Норман Б. Ю.* Указ. соч. С. 4.

7. В настоящей статье рассматриваются российские печатные информационные издания: «Новая газета», «Независимая газета», «Собеседник».

8. Как омонимы данные слова рассматриваются в основных толковых словарях. Ср.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. С. 58; Словарь современного русского литературного языка / гл. ред. В. И. Чернышев. Т. 1. А–Б. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ст. 605–607. В новейших словарях для существительного *брань* значение ‘битва, сражение’ не фиксируется (см., напр.: *Лопатин В. В., Лопатина А. Е.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009. С. 48).

9. Подробнее о контаминации см.: *Рацибурская А. В.* Особенности новообразований в современных средствах массовой информации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. Вып. 4. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 111–116.

10. *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001. С. 471.

11. *Рацибурская А. В.* Указ. соч. С. 115.

УДК 812

У. А. Рысева

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ЗНАКОМСТВЕ: АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена аспектам лингвистического анализа текстов объявлений о знакомстве. В рамках основополагающего для современного языкознания антропологического подхода рассматриваются коммуникативный, гендерный и прагматические аспекты характеристики текстов брачных объявлений.

The article is devoted to aspects of the linguistic analysis of texts of announcements of acquaintance. Within an anthropological approach, fundamental for modern linguistics, there are considered the communicative, gender and pragmatic aspects of the characteristic of texts of marriage announcements.

Ключевые слова: антропологический принцип, коммуникативная лингвистика, гендерная лингвистика, прагмалингвистика, брачное объявление.

Keywords: anthropological principle, communicative linguistics, gender linguistics, pragmatic linguistics, marriage announcement.

В настоящее время объектом изучения многих наук, особенно гуманитарных, является человек. Современная лингвистика базируется именно на принципе антропоцентризма, который представляет языковую систему в максимальной приближенности к человеку, о чём свидетельствуют работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, Ю. Н. Караулова, Г. В. Колшанского, Е. С. Кубряковой. Ю. С. Степанова и др. [1]

Сущность антропоцентризма как основного принципа лингвистических исследований заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её совершенствования. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [2]. Антропоцентрический принцип в лингвистике связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык – человек». Сейчас «взамен требования изучать систему (или структуру) языка выдвигается требование изучать языковую способность идеального говорящего/слушающего, его языковые знания, его компетенцию... внутреннее состояние говорящего, языковые механизмы мозга, структуры представления в нём знания языка и т. п.» [3].

Антропоцентрический подход представлен и в нашем исследовании, посвящённом брачным объявлениям, шире – объявлениям о знакомстве. Цель данной статьи – показать, какого рода информацию о человеке можно получить, анализируя созданные человеком тексты (на примере текстов объявлений о знакомстве) с точки зрения их коммуникативной, прагматической и гендерной составляющей. Статья представляет собой фрагмент будущего диссертационного исследования и отражает ряд его важных положений.

Когда-то брачные объявления считались уделом людей неудачливых и публиковались в газетах мелким шрифтом. Первое объявление появилось в газете в конце XVII в. и ставило своей целью именно знакомство: «*Молодая леди, бывшая в игорном доме вечером в прошлый четверг и получившая удар в грудь деревянной тростью, коль скоро захочет встретить меня в воскресенье в 2 часа или написать мне по следующему адресу... узнает благоприятные для себя сведения. Её согласие доставит высшее удовольствие её покорному слуге*» [4]. В наши дни ситуация изменилась: всеобщее раскрепощение, новые технологии и ряд других факторов постепенно превращают объявления о знакомстве в науку, в искусство. Объявления о знакомстве становятся весьма распространённым способом начать общение, причём сейчас авторы подобных объявлений преследуют самые различные цели. Так, целью объявления о

знакомстве может быть установление серьёзных отношений и последующее создание семьи, а могут быть и встречи «без обязательств», поиск попутчика, совместное посещение какого-либо клуба по интересам, общение, переписка (без визуального контакта) и т. п.

Предмет данной статьи составляют именно брачные объявления, то есть объявления, конечная цель которых – создание прочных, полноценных отношений, вступление в законный брак. Материалом служат объявления, публикуемые в газетах, сети Интернет, интерактивных телепередачах знакомств.

Брачные объявления (далее – БО. – У. Р.) представляют собой особый вид лингвокультурных текстов, затрагивающих сферу частной жизни людей. Адресанты, дающие объявления, ставят перед собой единственную задачу – решить проблему межличностных отношений, проблему одиночества. Будет ли решена данная проблема, получит ли абонент отклик на своё объявление, зависит от ряда обстоятельств, в том числе и от качества текста объявления.

Необходимо учитывать, что, с одной стороны, тексты БО должны строиться клишированно, но, с другой стороны, они при этом должны отражать личность автора. Поэтому среди объявлений с одним и тем же коммуникативным замыслом наряду со стереотипными можно встретить и оригинальные БО, отличающиеся от других по содержанию, структуре, стилю. Исследователи отмечают, что наиболее эффективными, то есть получающими наибольшее количество откликов, являются нестандартные по форме и содержанию объявления, например такие, которые содержат рифму или стих [5], ср.:

Меня мама родила царевной,
А судьба в лягушку превратила.
Просто я решила: он – царевич,
Оказалось – чудо-юдо было.
Вот живу квакушкой, что же делать?
Ведь вокруг Кошечев даже мало.
Не поется мне, а я бы спела!
И не пляшется, а я б сплясала!
(Моя семья. 2012. № 36).

Наше исследование предполагает многоаспектный анализ брачных объявлений как речевого жанра. В частности, будут рассмотрены коммуникативный, гендерный, прагматический аспекты характеристики.

Коммуникативная лингвистика – это «направление в современной лингвистике, рассматривающее в качестве единицы коммуникации речевые акты (утверждение, просьбу, вопрос и т. д.), коммуникативная значимость структурных элементов которых (слов, словосочетаний, предложений) проявляется в связном тексте» [6].

Коммуникация – это действительность языка, его актуально наличное бытие. Коммуникативному акту присущи неповторимые специфические особенности, которые составляют его качественную уникальную определенность [7]. Основной единицей коммуникации является текст; у лингвистов не вызывает сомнения тот факт, что языковые личности [8] общаются не словами и не предложениями, а текстами. Успех процесса коммуникации или коммуникативная неудача являются следствием многих причин: каковы социальные роли участников коммуникации, их отношение к речевой ситуации, возрастные особенности и т. д. В ещё большей степени прослеживается зависимость успеха общения от языковой компетенции личности или, другими словами, от качества коммуникации. В связи с этим на первый план выдвигается категория субъекта, «осуществляющего выбор (или отказ от выбора) языковых средств в соответствии со своими осознаваемыми и неосознаваемыми намерениями или производящего оценку выбора этих средств в соответствии со своими осознаваемыми или неосознаваемыми психологическими установками» [9].

В узком смысле БО как раз представляет собой подобный текст, где описаны социальные статусы автора и адресата объявления, возраст, пол, особенности внешности [10]. Ср., напр.: *Мне 29 лет, рост 163, привлекательная, внимательная, высшее образование, но вдова* (Моя семья. 2012. № 37); *Александр, 51 год, 172/74, серьёзный, добрый, люблю природу* (Новый вариант. 2012. № 38).

В широком смысле БО представляют собой акт социокультурной коммуникации, поэтому отражают социокультурную картину среды, в которой находится адресат, являются своеобразным «зеркалом общества» [11]: отражают структуру общества, его нормы, представления и даже половозрастные и профессиональные особенности адресантов и адресатов. Поэтому одной из перспективных задач нашего исследования станет восстановление портрета языковой личности по данным материала объявлений о знакомстве.

Сейчас в отечественной лингвистике происходит бурный рост исследований, посвящённых изучению *гендерного* параметра в языке и речи. Описывая особенности этих работ, О. Л. Каменская предлагает «развести» их по двум направлениям. Так, первое направление – гендерная лингвистика, по мнению учёного, исследует язык и речевое поведение с применением гендерных методов, а объектом второго направления – лингвистической гендерологии – является изучение категории гендера с применением лингвистического инструментария [12].

Как полагает А. В. Кирилина [13], в самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух основных проблем.

1. Язык и отражение в нём пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей равного пола (исследуются в первую очередь номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода и т. п.), какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее заметно/отчетливо выражены.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно-специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций и так далее – т. е. специфика мужского и женского говорения.

Дать представление об авторах БО и абонентах нам представляется наиболее уместным посредством гендерных стереотипов, имеющих место в обществе. Поскольку важной характеристикой для определения какого-либо смысла как стереотипного является его повторяемость, регулярная воспроизводимость в текстах БО, то на основании стереотипа можно не только говорить об индивидуальных чертах, но и выявлять типичные характеристики авторов и адресатов БО и шире – отражение ментальности.

Поскольку автор БО из спектра стереотипных представлений старается выбрать наиболее приближенные к эталонным, то гендерный стереотип может быть сформулирован в виде суждения, включающего оценку, выражение позитивного или негативного отношения к содержанию [14]. Ср.: *Познакомлюсь с состоявшимся мужчиной 40–45 лет, способным ценить домашний труд женщины и умеющим содержать дом и семью. Если есть такие, пишите, только не из МЛС (мест лишения свободы. – У. Р.). Шутникам и лобеласам не беспокоить* (Моя семья. 2012. № 35).

Основываясь на анализе языкового материала, можно говорить о том, что положительные представления о слабом и сильном поле совпадают у мужчин и у женщин. Таким образом, гендерная стереотипизация, зафиксированная при анализе самопрезентации, зеркально соотносится с характеристиками адресата. В целом, образ женщины можно создать, опираясь на следующие стереотипы: «Женщина должна быть сексуальной и привлекательной», «Хорошо, когда у женщины покладистый характер», «Женщина должна быть верна и праведна», «Женщина должна заниматься домашним хозяйством», «Приоритетом для женщины должна быть семья» (и в то же время «Для женщины приоритетом может быть не только семья, но и карьера, работа»),

«Всем женщинам свойственна романтичность», а также «Женщины обычно предпочитают скрывать свой возраст».

При описании мужчины частотными являются следующие стереотипы: «Внешность для мужчины – не главное», «Хорошо, когда мужчина крепкого телосложения», «Мужчина должен быть трудолюбивым», «Мужчина должен быть финансово состоятельным», «Настоящий мужчина должен быть надежным, порядочным, серьезным», «Мужчина должен хорошо относиться к семье и женщине»; «Мужчина должен проявлять нежные чувства и привязанность к женщине», «Современные мужчины не делят с женщинами работу по дому» и «Мужчина в семье должен выполнять свои обязанности».

Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) выделяется как область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания [15].

Также прагмалингвистика определяется как наука, которая занимается выбором наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на слушающего или читающего, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения [16].

Прагматический аспект в исследовании объявлений о знакомстве включает в себя изучение соотношения между высказыванием, говорящими и контекстом, в частности – изучение намерения говорящего при коммуникации. О целях подобных объявлений уже было сказано выше. Ср.: *Одинокий мужчина без вредных привычек, пенсионер, 63 года, познакомится с доброй простой женщиной для общения* (Новый вариант. 2012. № 38); *Желаю создать семью с молодой интеллектуальной леди... Возможно совместное строительство* (Моя семья. 2012. № 34); *Только для создания полноценной семьи ищу жену себе и маму 11-летнему сыну* (Моя семья. 2012. № 36); *Женщина, 51 год, рост 165 см, познакомится с мужчиной без особых жизненных проблем, в качестве друга, любовника* (Новый вариант. 2012. № 39).

Как видим, лингвистический анализ объявлений о знакомстве может быть весьма разнонаправленным, стало быть, в ходе исследования необходимо использовать различные методы. Наряду с наблюдением и описанием могут быть применены и такие специальные методы, как опрос и

анкетирование, квантитативный анализ, объективный прагмалингвистический анализ, контекстуальный анализ и др. Результатом такого многоаспектного исследования станут новые знания о человеке и тех особенностях типовой модели построения речевого произведения [17], которая может иметь целый ряд возможностей своего языкового воплощения, при этом разнообразие реализаций предполагает их обусловленность спецификой конкретного жанра.

Примечания

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999; *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004; *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990; *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3–15; *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Российский гос. ун-т, 1995. С. 149–238; *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 40. 1981. № 4.

2. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей ... С. 212.

3. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма ... С. 12.

4. *Москаленко Ю.* Где и когда появились первые брачные объявления? URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-29453/>. Дата обращения 08.10.2012.

5. *Кошелева Ю. П.* Самоопределение одиноких людей в тексте газетного объявления // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 107–115; *Шибанова Е. А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (На материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. URL: <http://www.dslib.ru/jazyko-znanie/schibanova.html>. Дата обращения 01.10.2012.

6. *Шукин А. Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель, 2006.

7. *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. С. 44.

8. *Караулов Ю. Н.* Указ. соч.

9. *Пузырев А. В.* Указ. соч. С. 78.

10. *Рысева У. А.* Заголовок брачного объявления как отражение ожиданий и предпочтений автора // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. С. В. Чернова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 29.

11. *Базылев В. Н.* Брачное объявление: опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания: сб. ст. / под ред. А. В. Кирилиной. М.: Рудомино, 2000. С. 109.

12. *Каменская О. А.* Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2002. С. 15.

13. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.

14. *Рысева У. А.* Отражение гендерных стереотипов в текстах брачных объявлений // Антропология языка: сб. ст. / отв. ред. С. Р. Омельченко. Вып. 2. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 166–172.

15. *Сусов И. П.* История языкознания. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. С. 269. (Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия.)

16. *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. 1981. № 4. С. 325–326.

17. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

УДК 81'373

С. Н. Чистюхина

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПОЛИСЕМИИ

В данной статье метафора рассматривается как прием терминообразования, описывается процесс появления терминологических значений у общеупотребительных слов посредством метафорического переноса и дальнейшее развитие семантики в других областях знаний, ведущее к образованию межотраслевой полисемии.

The article deals with the metaphor as a means of term formation. The process of common words occurring of terminological meanings with the help of metaphorical transfer of meaning and further evolution of their semantics in other branches of knowledge which lead to the formation of inter-branch polysemantic terms are described.

Ключевые слова: метафора, термин, номинация, межотраслевая полисемия.

Keywords: metaphor, term, nomination, inter-branch polysemy.

Для того чтобы понять природу межотраслевых полисемантов – многозначных терминов, значения которых относятся к разным областям знаний, но объединены наличием прямой или опосредованной связи и образованы посредством метафорического переноса, – необходимо, прежде всего, подробно остановиться на самой сущности метафоры.

Метафора как феномен художественной литературы никогда не была обделена вниманием исследователей, но как один из основных способов номинации в языке науки несправедливо отодвигается на второй план. Ни одно слово, будь то единица общеупотребительной лексики или термин, не появляется в языке сразу с несколькими значениями и не бывает изначально многозначным. Этот факт подтверждает и анализ за-

имствованной лексики, когда многозначная в языке-доноре единица заимствуется в язык-реципиент только в одном значении и лишь потом приобретает остальные.

В последнее время взгляд на природу и эстетическую ценность метафоры изменился. Метафора стала осознаваться не только как литературный прием, а как проявление глубокого когнитивного процесса, «если раньше метафору считали ингерентно лингвистическим явлением, то теперь метафора – проявление фундаментального действия» [1].

Анализ номинаций в языке науки показывает, что словообразование происходит как морфологическим, так и лексико-семантическим способом, при этом ответ на вопрос о правомерности использования метафоры в терминологии кажется очевидным по причине наличия огромного количества метафор в терминологических номинациях.

Метафора является источником полисемии не только в литературном, но и в научном языке. «Метафора и полисемия могут рассматриваться как процесс и результат действия сложных языковых и когнитивных механизмов, как средство концептуализации эмпирических знаний... Метафора в терминологии... вскрывает механизм концептуализации знаний, отражает языковую картину определенной предметной области» [2].

С познавательной точки зрения метафора является одним из способов репрезентации знания и относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам, которые соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами. «Наиболее адекватная теория метафоры», как считает Л. М. Алексеева, «должна включать в себя не только семантическую, синтаксическую и когнитивную теории, объясняющие, каким образом необычное сочетание слов приводит к созданию новых понятий, но и контекстуальные теории относительно внешнего мира, содержащие сведения о словесных ассоциациях, а также о взаимодействии между людьми и их окружением, создающим знание» [3].

Некоторые философы и ученые считали метафору единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления, особенно Ф. Ницше, который сводил к метафоре все способы мышления и считал, что познание метафорично и имеет эстетическую природу [4].

Пожалуй, одним из доказательств того, что метафора является интереснейшим и в то же время сложным и многогранным языковым явлением, служит обращение к ней не только лингвистов, но и философов и психологов, поскольку проведение аналогии и сравнения – неотъемле-

мые компоненты научной мысли, «поэтому метафора как разновидность аналогии занимает почетное место среди способов объективизации научного знания» [5]. Эта ситуация закономерна, так как описание полученных научных знаний на естественном языке возможно лишь с опорой на уже известные из предыдущего опыта образы. Благодаря таким описаниям очерчивается связь между старыми и новыми знаниями, метафора является потребностью человеческого мышления, «мостом», соединяющим уже известные представления и понятия с познаваемыми впервые, выстраивая, таким образом, целостную систему научного знания, доказывая одновременно наличие связи между ее элементами.

В науке метафора имеет два употребления: первое – когда ученый открывает новое явление, создает новое понятие, и он должен его назвать. Зачастую он использует существующие языковые средства, за каждым из которых уже закреплено значение, но чтобы быть понятным, он выбирает такое слово, значение которого способно навести мысль на новое понятие. Таким образом, слово приобретает новое терминологическое значение посредством старого, которое за ним сохраняется. Второе употребление состоит в служении метафоры не только наименованию, но и мышлению, в использовании ее в качестве инструмента познания. Метафоризация межотраслевых полисемантов представляет собой сложный и противоречивый процесс, связанный с познавательной деятельностью исследователя и типом его мышления, с одной стороны, и с необходимостью зафиксировать результат познания в вербализованной форме, «плавно» вписывая его в наличную систему научного знания, с другой стороны [6].

Процесс метафоризации в языке науки происходит в результате осмысления имеющихся старых знаний, опыта, полученного при взаимодействии человека с окружающим миром, анализа источника метафоры, его свойств с целью метафорического отображения в новом образе. «С формальной точки зрения метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается “областью отправления” функции отображения, а цель – “областью прибытия”» [7].

Метафора существует в языке науки как вполне обычный творческий процесс человеческого познания, который объединяет понятия, в норме не связанные, для более глубокого проникновения в суть дела. Понятно, что не все объекты легко доступны нашему мышлению, но обо всем мы можем составить ясное и четкое представление, опираясь на уже имеющиеся в нашем багаже знания, поэтому наше сознание обращается

к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных или неизвестных.

В языке науки метафора выступает прежде всего в номинативной функции – служит для создания новых наименований. При этом в процессе метафорического переноса в целях номинации автор оценивает определенный набор альтернатив среди свойств рассматриваемых объектов, в результате чего в дальнейшем происходит «навязывание» выдвинутых для метафорического переноса свойств предмета. Даже первые механизмы и приспособления, создаваемые человеком с целью совершенствования быта, были направлены на выполнение некоторых функций человека, совершенствование и оптимизацию труда, т. е. уже происходил своего рода перенос некоторых способностей живого объекта на неживой. Получается, что практически весь процесс мышления буквально пронизан метафорами, которых зачастую мы даже не осознаем. И поэтому изучение метафоры как языкового явления не должно происходить в отрыве от попытки понять процессы мышления, на основе которых рождается метафорическая номинация, в данном случае метафоризация межотраслевых полисемантов.

Более того, принимая во внимание системность человеческих знаний и понимание того, насколько метафорична наша понятийная система, можно предположить, что понятия системно соотносены с языковыми метафорами. Обоснованием этого может служить возможность передать значения разных межотраслевых полисемантов посредством метафор обиходного языка. Например, “black cat” – черный кот, являющийся предметом суеверий различных народов, послужил основой для номинаций: “black cat” 1. *биол.* – рогоз широколистный (растение получило свое название по форме черно-бурого бархатистого соцветия); 2. *геол.* – углистый сланец (основой номинации послужило большое количество золы и смолистых веществ в составе породы). Терминологические значения метафоричного словосочетания “black cat” являются межотраслевыми полисемантами, основой образования которых является общеупотребительное выражение. То есть в данном случае мы можем говорить о радиальном способе развития полисемии, центром которой следует считать обиходное метафоричное выражение.

Создание переносных значений слова избавляет язык от необходимости бесконечного создания новых слов и в то же время облегчает общение и изучение языка его носителями, иными словами: метафоры выгодны языку. Говоря о метафорической номинации в терминологии, прежде всего следует остановиться на терминах

ботаники, ведь названия растений изобилуют метафорами: horsetail (лошадь + хвост) – хвощ полевой; гладкая косичка иголок на стебле ассоциируется с длинным хвостом лошади; stickseed (липучка + семя) – репейник, череда олиственная, названная так по свойству семян прилипать к одежде или шерсти животных.

Повышенная информативность является одним из свойств метафоры, насыщенность текста метафорами способствует его лучшему запоминанию. При восприятии метафоры в сознании может возникнуть целый ряд понятий, объединенных общими признаками, проводится аналогия возникших образов. В. К. Харченко среди важнейших функций метафоры выделяет эвристическую, поскольку «научный стиль речи не только не чужд образным вкраплениям, но и сам поиск гипотезы подчас начинается с художественного сравнения, образа... метафора лежит в основе мышления», и объяснительную, «дарующую языковую поддержку при изучении физики, музыки, биологии, астрономии, живописи, при изучении любого ремесла» [8].

Гносеологическая функция метафоры позволяет рассматривать ее как средство обогащения языка научного знания.

В профессиональном общении создание и использование межотраслевых полисемантов-метафор представляется весьма эффективным, поскольку они позволяют экономно и вместе с тем точно и исчерпывающе передать смысл, вычленив необходимый образ из смежных. Такие свойства метафоры делают ее одним из основных и наиболее динамичных приемов терминообразования.

Метафора функционирует не изолированно, а в системе языка. Поэтому употребление метафоры в языке науки ставит ее на другой, более высокий уровень системной организации.

Понимание межотраслевого полисеманта-метафоры вне терминологического поля не может быть полным, для правильной интерпретации необходим анализ реального факта употребления.

Интерпретация метафоры требует больших усилий, чем слова первичной номинации, так как происходит через отторжение буквального смысла, который отодвигается на задний план как неподходящий. Например, в межотраслевом полисеманте “pigtail” легко прослеживается основа номинации (поросенок + хвост), однако в профессиональном дискурсе такая номинация не может восприниматься буквально, она лишь наталкивает сознание на образ, схожий с тонким закрученным жгутом. А межотраслевой полисемант имеет следующие значения: *электр.* гибкий соединительный проводник, кабель; *нефт.* гибкий провод сейсмоприемника, соединяющий сейсмоприемник с сейсмокошой; *хим.* свернутый спиралью; *биол.* подмаренник цепкий; *мед.* катетер.

При установлении аналогии важно брать типичные признаки сравниваемых объектов, хотя каждый человек обладает своим проецированием образов, памятью и воображением, которые, в свою очередь, в значительной степени формируются метафорами. Абстрактные понятия в нашем сознании систематизируются благодаря метафорам.

Номинативность большинства метафор в языке науки объясняется использованием ресурсов обыденного языка для названия новых научных объектов, когда общеупотребительные слова получают новые терминологические значения. Или уже известные термины употребляются для именованья новых объектов. Эти процессы номинации объясняются выявленной автором аналогией свойств или функций термина-источника и термина-цели. И в том и в другом случае семантическая связь между основным и производным значениями остается. Ярким примером здесь может служить “tail” хвост, задняя часть, послуживший основой для целого ряда терминологических номинаций, образовав тем самым большую группу межотраслевых полисемантов (см. рисунок).

В языке науки часто встречаются метафоры, обозначающие признаки объектов, названия которых не обязательно являются метафорическими, но в словосочетании может появиться термин-словосочетание, обладающий метафорическими семантическими признаками (“fault liability” – *авт.* подверженность воздействию помех; *юр.* ответственность за небрежность).

В ряде наук, где получение новых знаний происходит эмпирическим путем, метафора позволяет объединить объекты в группы на основании некоторых свойств и служит основанием для описания целого ряда признаков некоторых терминов точных наук и производства: “stick” – *тех.* стержень, шток, прут, рукоятка; *маш.* рукоять (ковша экскаватора); *электр.* штанга (изолирующая); *авт.* рычаг управления коробкой передач,

мет. линейка, рейка, рукоятка. В теоретических построениях метафора помогает понять сущность ненаблюдаемых объектов, элементарных частиц, процессов и абстрактных понятий: “sterilization”:

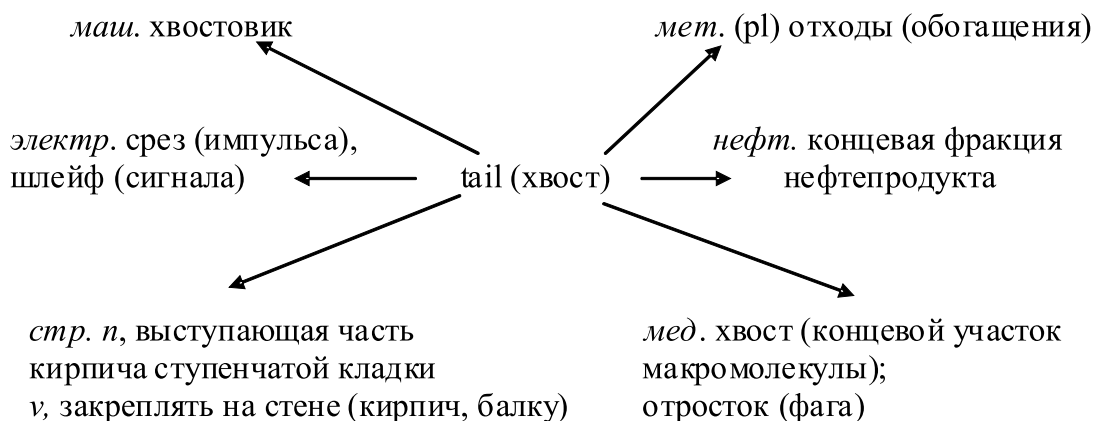
(destroy the fertility (of soil)
↓
destroy the fertility (of human being)
↓
neutralize (process)

(*мед.* обеззараживание, стерилизация;
тех. обезвреживание (отходов);
экон. нейтрализация (какого-либо процесса)).

Несправедливо констатировать сохранение значения термина при переходе из одной научной сферы в другую: даже в случаях, когда семантические признаки остаются неизменными и существенно не меняется дефиниция, учитывая, что новое употребление термина происходит по аналогии с предыдущим, можно полагать, что мы имеем дело с метафорой, с одной стороны, и с многозначностью – с другой стороны. Таким образом, получается, что межотраслевые полисеманты по своей природе метафоричны.

Сравнение является важным компонентом научного мышления. «Метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли» [9]. Метафора образуется в языке через сравнение, поэтому она является не только языковым феноменом, но и результатом мыслительной активности. Для понимания процесса метафоризации необходимо обратиться к взаимодействию идей, происходящему в процессе сравнения.

Вслед за научным открытием происходит номинация, в которой ученый неизбежно сравнивает новое изобретение с уже известными и, соответственно, наименование может осуществляться посредством использования существующей языковой единицы, в значении которой отражены признаки впервые изобретенного по-

нятия, «метафора открывает “эпистемиологический доступ” к понятию» [10].

При этом ученый понимает, что он употребляет слово не в общепринятом для него значении и осознанно идет на это. Таким образом, исследователь не только избегает трудности, сопряженной с созданием новой лексической единицы, но и упрощает понимание сущности изобретения реципиентом, так как, зная характеристики уже известного явления, ему будет проще составить представление о новом. «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [11].

Интересен вопрос о снятии семантического конфликта при употреблении метафоры в научном общении, когда термин появляется в новом для него терминологическом поле. «Творец метафор – это тот мастер с даром слова, который из выражения, непригодного для буквальной интерпретации, создает высказывание, значимое с точки зрения новой интерпретации, которая вполне заслуживает названия метафорической, поскольку порождает метафору не только как нечто отклоняющееся от нормы, но и как нечто приемлемое» [12]. Во время исследования в мозгу ученого идет накопление информации, которая способна впоследствии претерпевать изменения и накладываться на закрепленные в сознании ранее иконические образы. Возможная перекombинация полученных ранее и новых образов ведет к формированию новых, прежде не закрепленных в языке смыслов, это неизбежно ведет к появлению межотраслевой полисемии.

В отличие от литературного языка, где основное назначение метафоры состоит в украшении речи, придании ей образности, в языке науки метафора, как правило, используется для заполнения лакун, обеспечивая соблюдение закона экономии языкового знака.

При метафорическом переносе слово, приобретая новое значение, не утрачивает основного, становясь межотраслевым полисемантом. (Ср. метафорическую семантику вышеприведенных межотраслевых полисемантов.)

Наука постоянно находится в развитии. Знания о мире неисчерпаемы, и поэтому описывающие их терминологические системы открыты и «находятся в движении». Внутри них постоянно образуются новые элементы. Множество объектов, наполняющих действительность, бесконечно. Человек не может иметь представление о каждом из них, и метафора способствует пониманию сложных, труднодоступных явлений через их сравнение с более простыми и хорошо известными. Однако это не значит, что она расширяет

знания и кругозор, – она лишь обеспечивает возможность понимания. При метафоризации логические границы, рамками которых является определенная область знаний, расширяются, что способствует установлению аналогии, не проводимой в пределах одной предметной области. И объекты одной сферы представляются терминами другой.

При передаче значения метафорической номинации от говорящего к слушающему возможности сложности интерпретации, поэтому осмысление нового знания проходит лучше, если опыт участников схож. «Метафора как раз является “орудием” сравнения объектов, принадлежащих заведомо различным родо-видовым категориям» [13].

Заложенная в самой природе метафоры возможность двойного прочтения, с одной стороны, предусматривает некоторую осторожность при передаче научного знания, но дает возможность эффективной передачи полученного знания – с другой стороны, иначе говоря – межотраслевыми полисемантами.

Языковой знак обладает устойчивостью, выражающейся в его функции фиксации внеязыковой действительности. На базе этой основной функции формируется вторая – функция преобразования, выражающаяся в преодолении устойчивости и, как следствие, – развитии нового, метафорического значения.

Научные наблюдения сами по себе могут не передавать сходство физических объектов и абстрактных процессов и явлений. Сознание человека обладает преобразующей способностью, именно оно стремится к отысканию сходства. Таким образом, при метафорической проекции сходство, скорее, создается человеком и является продуктом его воображения и мыслительной деятельности.

Создавая метафору, ученый движется дальше в своем научном поиске от уже известного к новому, еще не изученному. Чем больше признаков он обнаруживает, тем больше метафор может применить по отношению к объекту. Если на стадии открытия он опирается на профессиональные знания, то на стадии вербализации понятия он может применять непрофессиональные знания, образующие основу для будущей номинации. Осмысление ученым новой информации ведет к созданию специального терминологического поля, адаптированного для успешного функционирования в нем метафоры. Таким образом, механизм становления метафоры включает не только процесс конструирования значения термина с опорой на основное значение слова, служащего источником термина-метафоры, но и процесс формирования терминологического поля, служащего «средой обитания» термина-метафоры.

«...Для понимания субъективных смыслов высказывания адресату обычно приходится затрачивать намного больше когнитивных усилий при условии, что он заинтересован в осуществлении грамотной интерпретации» [14].

Развитие семантической неоднозначности происходит при пересечении двух понятийных схем, когда движение мысли от нового объекта сталкивается с содержанием понятия уже известного. В результате получается наложение двух различных областей и наслоение образов, следствием которого становится их понятийное и образное сочетание.

Таким образом, метафора служит рационально-систематизирующим фактором переноса представлений на новые, неизвестные из предыдущего опыта объекты, является средством упорядочения и систематизации знаний, иллюстрирующим целостность и системную организацию окружающего мира, и служит механизмом понимания как на научном, так и на обыденном уровне.

«Семантическая проницаемость и гибкость слова, допускающего метафорическую (как, впрочем, и любую другую образную) интерпретацию, рефлектирует аналогичную гибкость языка в целом и прежде всего его лексической системы» [15].

Каждая метафора проходит свой путь развития от создания до угасания образности многократно, потому что каждый носитель языка, воспринимая метафору впервые, ощущает ее образность, которая впоследствии стирается.

Межотраслевые полисеманты-метафоры существуют в пределах соответствующих терминологических систем. Динамика метафоры – процесса метафорического переосмысления – часто непредсказуема, так как мир ассоциаций, лежащих в основе семантического переосмысления, безграничен. Динамика метафоры способна производить впечатление, что совокупность терминов-метафор совершенно произвольна и не поддается систематизации. Однако сформировавшаяся и функционирующая в языке метафора – метафора в статике, соотносится с какой-либо системой знаний.

За межотраслевым полисемантом-метафорой всегда стоит какой-нибудь объект или абстрактное понятие, связанные с определенной предметной областью или профессиональной деятельностью.

Межотраслевой полисемант-метафора конвенционален, понятен кругу специалистов соответствующей области знаний, поэтому не может быть авторским, окказиональным.

Процесс метафоризации межотраслевой полисемии состоит в перекодировании языкового знака общепотребительной, обыденной сферы в более сложный языковой знак – термин.

Формирование метафорического образа происходит по аналогии с уже сложившимися понятиями, когда образ одного фрагмента действительности прилагается к другому. Взаимодействие двух объектов создает основной признак метафоры – ее двойственность. Метафора не только называет предмет или явление, но и характеризует его. «Смысл новообразованной метафоры заключается в возникновении нового семантического согласования (уместности) на руинах разрушенной буквальной семантической несовместимости (в установлении пересечения содержания двух понятий в некотором ранее ускользавшем от внимания признаке). Можно сказать, что в метафоре и в этом плане осуществляется рационализация иррационального» [16].

После образования метафоры как межотраслевого полисеманта в сознании формируется некая статическая картина внеязыковой реальности и ее подвижное языковое отражение в виде соответствующего терминологического поля употребления.

Примечания

1. *Бондаренко И. В.* Английская терминология мореходства как предмет филологического исследования: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1992.
2. *Бучина Г. А.* Роль метафоры в структурировании и функционировании лексики ограниченного употребления: на материале военной лексики в русском и английском языках: автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
3. *Алексеева Л. М.* О метафорической природе термина. Пермь, 1996.
4. *Ницше Ф.* Сборник произведений. М., 1993.
5. *Никитина С. Е.* Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / отв. ред. Н. А. Слюсарева. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
6. *Алексеева Л. М.* Указ. соч.
7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
8. *Харченко В. К.* Функции метафоры: учеб. пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–79.
10. *Лазарева О. В.* Метафора: функционирование и когнитивное значение (на базе алхимических текстов). Ростов н/Д: Изд. центр ДГТУ, 2008.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Указ. соч.
12. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
13. *Баранов С. Г.* Научная метафора: модельно-семиотический подход. Ч. 2. Теория научной метафоры. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993.
14. *Самигуллина А. С.* Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2008.
15. *Шувалов В. И.* Метафора в лексической системе немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
16. *Сибиряков И. В.* Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании: автореф. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2005.

УДК 808.1

Р. А. Керимова

МЕТАФОРА КАК ОСНОВНОЙ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

В данной статье рассматривается один из доминирующих художественных приемов в поэзии К. Кулиева – метафора. Выявляются стилистические особенности употребления метафоры и ее роль при создании различных образов. Поэт новаторски подходит к использованию метафорических образов, они отличаются оригинальностью, выразительностью и эмоциональной наполненностью.

In given clause one of dominating art receptions in K. Kuliev – metaphor poetry is considered. Stylistic features of the use of a metaphor and its role come to light at creation of various images. The poet innovatively approaches to use of metaphorical images, they differ originality, expressiveness and emotional fullness.

Ключевые слова: метафора, образ, К. Кулиев, поэзия, стилистический прием.

Keywords: a metaphor, an image, K. Kuliev, poetry, stylistic reception.

В системе стиля К. Кулиева одним из доминантных средств словесной образности являются метафоры. С помощью метафор в своих стихотворных текстах поэт создает различные оригинальные образы. Заменяя старое, стершееся значение слова новым, писатель тем самым расширяет его семантический объем, смысловые, эмоционально-экспрессивные связи, раскрывает в нем новые оттенки.

Данный прием в стихотворениях К. Кулиева способствует раскрытию метафоричности и повышенной ассоциативности его творчества. Многие ученые традиционно рассматривают метафору как сокращенное сравнение, при этом исключая из нее предикаты подобия (*похож, напоминает*) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно, точно*). Вместе с ними элиминируются основания сравнения, мотивировки, ситуативные обстоятельства, модификаторы. Метафора лаконична, она сокращает речь.

Основой, составляющей метафоры, обычно являются два компонента – определенное значение (свойство актуального субъекта) и образ вспомогательного субъекта, что свидетельствует о ее семантической двойственности.

В поэзии К. Кулиева переносное значение слова не вытесняет основного, так как в совмещении значений и заключается действенность метафоры. Роль поэтической метафоры в твор-

честве балкарского поэта довольно серьезна, так как для его произведений характерно усиление принципа семантической неопределенности слов при контекстуальной полисемии, когда возрастает число значений, совмещаемых в одном контексте, что позволяет ему использовать метафорическое сравнение слов, совершенно различных по смыслу.

В поэтических текстах К. Кулиева метафоры наиболее полно воплощают идею жизни, движения, поиска и тем самым занимают весьма существенное место в индивидуальном стиле с точки зрения функционального многообразия их реализации. Большое значение в системе поэтических метафор К. Кулиева имеет частота использования поэтом существительных, прилагательных и глаголов, входящих в состав метафор. А особенно ярко проявляется одна из существенных черт его поэтического творчества – сочетать одновременно и актуализировать в произведениях прямое и переносное значения, вследствие чего возникают новые авторские метафоры.

Одним из следствий индивидуализации языковых метафор является существенное увеличение сферы денотатов. Совокупность денотатов в стихах балкарского поэта охватывает разнообразные сферы природной среды, а также материальной и духовной жизни человека.

Частотность применения К. Кулиевым метафор в своей поэзии обусловлена, на наш взгляд, не только широкими возможностями ассоциативного использования образов и высоким семантическим потенциалом, а в первую очередь философской направленностью его поэзии.

Метафоры в основном индивидуально-авторские, либо общекультурные, созданные в условиях контекста, которые в дальнейшем переходят в разряд авторских. Употребление данного приема наблюдается не только в одном или нескольких тематических направлениях, он охватывает всю лирику балкарского поэта.

К. Кулиев использует метафоры для различных сравнений и сопоставлений:

• внешности (в основном женского образа): // *Иногда ты грешишь, природа! Что за человек? Лицо красиво, / Только сердце у него – урода: В нем отравы и оно – крапива* // [1];

• природных явлений: // *Неужто вечно я смогу на вас глядеть, / Холмы, покрытые чистойшим первым снегом, / Следить, как теплится закатов зимних медь, / Тропу отбесную торить под летним небом?* // (С. 130);

• чувств, мыслей, ощущений: // *Моей любовью ты была. И вот / моей ты стала болью, жгучей раной. / Смерть и красивых у живых берет, / В замену ставит камень бездыханный* // (С. 77);

• восприятия мира и ощущения времени: // *Жизнь моя, чем была ты? Может, ливнем / счастливым, / Благодатной грозой, что, сойдя с перевала, / Утоляла картофель и арбузы и сливы / И тиеничные нивы, не скупясь, поливала //* (С. 127);

• представления о художественном творчестве: // *Ты чиста, как снег вершины, / Ты проста, как старый камень, / Как река, полна веселья, – песенка родного края //* (С. 66).

Часто автор для описания внешности использует метафорические сравнения, большинство из которых впоследствии перешли в разряд авторских. Например, это такие сопоставления, где волосы любимой девушки поэт сравнивает с *ливнем, дождем*, с указанием цвета – *темный*: // *Как темный ливень волосы твои! / Ко мне пришла ты, словно дождь весны //* (С. 32). В данном случае мы наблюдаем употребление существительного *ливень*, по значению относящегося к природному явлению в сочетании с прилагательным *темный*, с помощью которого автор уточняет цвет волос.

Балкарский поэт в стихотворениях часто сравнивает своих героинь с цветами, садами, то есть в этом сравнении улавливается несколько смыслов и характеристик образов:

• красота девушки;

• «цветение» девушки, как цветка.

// *С чем вас ни сравнили б поэты – / С цветком, со звездой ли вдали, – / Не льстит вам сравнение это, / Красавицы нашей земли! // Фирюза! Это взлет журавля ослепил нам глаза? / Это девушки имя, иль розы в цветку, / Иль решили назвать Фирюзой красоту? //* (С. 54). В данном случае К. Кулиев сравнивает девушку с *журавлем, с цветком* и видит в ней воплощение женской красоты.

В лирике балкарского поэта множество созданных им метафорических женских образов, которые предстают перед нами в самых неожиданных сравнениях. В этом же стихотворении он сравнивает молодую женщину с *лянью, утром, счастьем*: // *...Мне ланью молодой / Казалась ты – в горах, в лесной оправе. / Мне крылья красота твоя дала, / И я поднялся к солнцу, к небосводу. / Ты – утро, пред которым пала мгла, / Ты – счастье, победившее невзгоды //* (С. 39). Здесь автор для описания молодой женщины сравнивает ее с ланью.

Высока частотность использования метафор в описании природных явлений, и созданные впоследствии образы удивляют своей оригинальностью. Они приобретают особое свойство, которое наделяет их эффектом осязаемости и одушевленности. Часто балкарский поэт использует в своих стихах одновременно сразу два художественных приема: метафорические сравнения и обращения.

Использование природных образов придает стихотворениям глубину анализа жизненных процессов, философский смысл, а также раскрывает мировосприятие и бережное отношение автора ко всему живому: // – *Скажи, земля, что хочешь ты? // – Рождай пшеницу летом! / – О чем мечтаете, цветы? / – Цвети весенним цветом! // Луг ночью при луне / цветет нездешним цветом. / То, что болит во мне, / Сравнимо с лугом этим. // Рассвет – моя любимая пора. / В его лучах вдали блестит гора, / Он отражается на снежных склонах. // Ручей бегающий застонал: – Я так хочу остаться чистым, / Чтоб быть прозрачным, как всегда, / Как будто не было обвала! / Хочу я, чтоб моя вода / Поила девушек усталых. // С камня на камень – то зелен, то ал – / Ты по ущелью, бушуя, бежал. / Песни, пропахшие горечью гор, / Я не могу позабыть до сих пор, / Ах, мой Чегем! // Тихо спишь, сонные деревья, / Снегом опущенные деревья. / Ночь приходит к нам, приходит к вам, / Всем нам сказки снятся по ночам. / Белый снег ложится вам на плечи, / Вы белы под снегом, словно свечи. // – Чинара! Тихий дождь идет. / Ты счастлива, чинара? / – Да //* (С. 40).

Метафоры, с помощью которых поэт воплощает мысли, чувства и эмоциональные состояния лирического героя, отличаются особой широтой лексико-семантического варьирования и богатством ассоциативного наполнения самого образа: // *Воспоминанья – это дерева. // На них шумит зеленая листва, / Напоминая то, что было прежде, – / Воспоминание под стать надежде. // Ночь. Спокойно дети спят. / Спит река, и спит дорога. / Черный лес и белый сад. / Спи и ты, моя тревога, / Словно сорок лет назад, / Крепко спи, как дети спят. // Свет прозрения и блеск огня, / Свет моей любви, моей заботы, / Прошлого и завтрашнего дня. / Свет надежды, честности, работы, / Свет исканья, вдохновенья, взлета, / Озаряй, не покидай меня! // Сказал я печали: – Приди и владей / Душой – пусть исторгнет стихи о печали! //* (С. 53).

Нельзя не отметить частотность использования автором единиц образно-тематического поля, относящегося к водной среде, для передачи чувств, мыслей, которые преобразовываются в авторские метафоры и символы. К. Кулиев с помощью таких метафор описывает свое душевное состояние, и необычность их использования заключается в сочетании и сопоставлении разных по тематике и семантике предметов, которые с наибольшей точностью доносят до читателя суть: // *Я верил и любил. / Любовь и вера – Вот хлеб мой и вода! // ...Сегодняшняя грусть моя – посланница / Под вешним ливнем мокнущих высот, / Но скоро дождь пройдет, а грусть останется, / Иль будет литься дождь, а грусть пройдет //* (С. 65).

Понимание жизни и проблем мироздания часто воплощается через метафоры, например: // *...Жизнь – как река, ей тоже течь и течь. / Но берег жизни нашей – наша речь. // ...Легок путь наш или же тяжел, / Светит радость или боль нас гложет, / Юды – реки; тот, кто в них вошел, / Не стремиться к берегу не может. // Дни мои, зову я вас порой, / Я кричу, прошу вас возвратиться. / Но, обретшие свободу птицы, / Дни мои, вы скрылись за горой. // И в годы черные случалось / Сны золотые видеть мне, / Случалось, что потом сбывалось / То, что привиделось во сне. // Я жил порою, будто был горой, / И, как скала, незыблем был порой, / Порою я был ольхой, от ветра гнул, / И как подсолнух, к солнцу я тянулся. // Так живет. Равно благодарит / Жизнь за темный дождь и белый свет, / Зная труд, как пахарь, говорит / С землепашцем. Так живет поэт // [2].*

Достаточно часто и очень органично метафоры передают представления о поэтическом творчестве и родном языке: // *...Тропы тонкие, как лезвия, / Нелегко идти скользя, / Глубока река Поэзия, / Брода в ней найти нельзя. // Поэзия – не ангел и не джин, / А женщина, что по земной дороге / Проходит мимо хижин и руин, / И камень жжет ее босые ноги. // Я труд свой тяжкий не клян, / Он хлеб дает мне, дарит счастье. / Я не напрасно спину гну / И в день погожий, и в ненастье. // Язык, рожденный мудрецом-провидцем, / Рожденный пахарем в былые дни, / Тебя не станет – хлеб не уродится, / В ущельях не засветятся огни! // Любая строка – это путь муравья, / Истершего горб о невидимость ноши. / Рука добывала и в клочья рвала / Непостижимые формулы ночи // [3].*

Метафоры для К. Кулиева являются неисчерпаемым источником для передачи практически неограниченного круга смыслов во всех сферах материальной и духовной жизни человека. Поэт новаторски подходит к использованию метафорических образов, они отличаются оригинальностью, выразительностью и эмоциональной наполненностью.

В процессе нашего исследования мы выявили еще одну индивидуальную черту в системе стиля автора – «поляризацию крайностей», которая происходит путем одновременной актуализации прямого и переносного значений. Созданные в результате этого образы выделяются свежестью, они образуются на основе гармонии новых, потаенных доселе смыслов: // *Мои стихи – ручьи, они журчат, / Теряются в потоках на равнине. // Реке отрадно видеть над собой / снега вершин и купол голубой. // Ей нравится листва густая сень, / и солнце радует ее, и тень. / Среди зеленых трав течет река. / Долга ее дорога, далека. // Весь день шел*

дождь – и глину и песок / перемесил в одно сплошное месиво // [4].

Обозначенные стилистические и художественные особенности в лирике К. Кулиева рожают эффект осязаемости образа, почти физического воздействия на читателя, придают образу повышенную экспрессию; с другой стороны, расширяется и углубляется сфера переносных смыслов, что выводит поэтический текст на уровень обобщений и выводов философского и онтологического плана.

Важность данного художественного приема в поэзии К. Кулиева определяется также тем, что он выполняет конструктивную функцию. Пронизывая весь текст, метафорические сравнения нередко становятся основой развертывания лирической мысли. В разной степени конструктивная функция метафор проявляется в таких стихах, как «Говорю с поэзией», «Певица», «Воспоминанья» и других.

В стихотворениях балкарского поэта метафора противопоставляет сравниваемые объекты и сокращает не только сравнение, но и противопоставление, исключая термин отрицания: *«Это девушки имя, иль розы в цвету».*

В поэзии К. Кулиева метафора выполняет две основные функции – функцию характеристики и функцию номинации индивидов и классов объектов. В тексте они четко противопоставлены в субстантивной метафоре. В одном случае существительное занимает место таксономического предиката, в другом – субъекта или другого актанта. Основной для поэзии К. Кулиева при использовании метафоры является функция характеристики. Занимая позицию предиката, метафора постепенно утрачивает предметное значение и вместе с тем большую часть входящих в него семантических компонентов. Смысл метафоры ограничивается указанием на один или несколько признаков.

В стихотворениях «Женщине Балкарии», «Фирюза», «Тихие стихи», «Женщина купается в реке» метафора поддерживается местоимениями: *Фирюза! Это взлет журавля; Ты – счастье, победившее невзгodu; Сердце твое – это боли клубок.* Среди существительных метафоризируются прежде всего имена предметов и естественных родов, а среди признаков слов – слова, выражающие физические качества и механические действия.

В поэтических текстах К. Кулиева метафоризация значений во многом обусловлена народной символикой и национальным колоритом. Мало кто из балкарских писателей и поэтов так писал о судьбе балкарской женщины, как К. Кулиев: // *...Сердце твое – это боли клубок, / Память твоя – страданий итог // [5].* В стихотворении «Балкарской женщине» поэт для

описания тяжести судьбы, выпавшей на долю балкарских женщин, использует такие художественно-стилевые константы, как *боль, камень, страдания, терпение*.

В поэтических текстах автора метафора при сравнении объектов сокращает не только сравнение, но и противопоставление, исключая термин отрицания. Расширение денотативной области метафоры с индивида на категорию сужает и фиксирует её значение. Например, в стихотворении «Тихие стихи» *лань* – «*красивая нежная девушка*», сходство со стереотипом класса позволяет выделить определённую разновидность внутри другого класса, в данном случае класса людей.

При выявлении такой индивидуальной особенности в системе стиля К. Кулиева, как создание эффекта осязаемости абстрактных явлений, мы пришли к выводу, что роль метафоры важна при этом процессе, и созданные образы в основном носят философский характер. При этом высока частотность использования автором природных явлений, в частности образов воды, животных, растений, а также времен года. Оригинальность и необычность этих образов заключается в сочетании одушевленных предметов с неодушевленными, и «оживление» происходит при использовании обращения, а также диалога с ними.

Природные явления являются доминирующим источником и основой для создания метафор, и они впоследствии в стихотворениях приобретают образное и символическое значения. Например, поэт сравнивает *дождь* с жизненными процессами, временем, а также может использовать его в описании внешности человека. *Море* часто выступает для описания глубины и цвета глаз. *Река* для него – это символ вечности бытия, она, подобно человеку, радуется, плачет, поет. С помощью метафор автор по-своему интерпретирует обычное явление природы, и эти образы открываются нам в совершенно новом и необычном виде.

При употреблении метафор особенно ярко проявляется одна из сущностных черт поэтического творчества К. Кулиева – сочетать одновременно актуализацию прямого и переносного значений слова, вследствие чего возникают новые авторские метафоры. Поэзию К. Кулиева отличает повышенная метафоричность, целое стихотворение может быть построено на поэтических метафорах. Поэтическая метафора выступает основным конструктивным приёмом, *доминантой* художественного стиля произведения. Главное ясно: метафоризация в поэзии К. Кулиева служит для того, чтобы наиболее ярко и образно показать и подчеркнуть мировосприятие и гуманное отношение поэта ко всему живому на земле.

Примечания

1. Кулиев К. Ш. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. М., 1977. С. 67 (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц).
2. Кулиев К. Ш. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1987. С. 67.
3. Там же. С. 43.
4. Там же. С. 112.
5. Там же. С. 167.

УДК 81.1

П. Г. Комарова

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ И ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ ПАРОНИМИЯ

В статье рассматриваются такие явления, как межъязыковая и внутриязыковая паронимия. Основанием для различения явлений межъязыковой и внутриязыковой паронимии послужили результаты эксперимента, посвящённого исследованию характерных особенностей восприятия англицизмов англичанами с последующей графической фиксацией на английском языке.

The article deals with such phenomena as translingual and intralingual paronymy. Differentiation of translingual and intralingual paronymy is based on the results of the experiment dedicated to the research of characteristics of perception of anglicisms by Englishmen with the subsequent graphic fixation in the English language.

Ключевые слова: паронимы, межъязыковая паронимия, внутриязыковая паронимия, англицизмы, лексическое заимствование.

Keywords: paronyms, translingual paronymy, intralingual paronymy, anglicisms, lexical borrowing.

Традиционно термин «паронимия» понимается как явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном).

Термин «пароним» был предложен Аристотелем, который называл так производные слова.

В 60–70-х гг. XX в. в советском языкознании сложилось понимание паронимов как однокорневых слов, принадлежащих к одной части речи («болотный – болотистый», «главный – заглавный», «выплата – оплата – плата» и т. п.). Некоторые учёные считали паронимами только такие однокоренные слова, тождественные по грамматическим (морфологическим) свойствам, которые имеют созвучные префиксы и общее место ударения («надеть – одеть», «советник – советчик»). Таким образом, структурное сходство паронимов обуславливает их известную смысловую соотносительность.

Иногда различают паронимы словарные и контекстные, то есть имеющие любое звуковое подобие («щеколда – щиколотка», «контузить – конфузить»). Под паронимией в этом случае понимается непреднамеренное смешение (речевая ошибка) или специальное сближение сходных по звучанию слов (в том числе и однокорневых); последнее расценивается как особый стилистический приём – паронимазия. Такое понимание паронимии идёт от античных риторик.

В рамках данного подхода сложились более узкие трактовки паронимии: 1) как сближения только разнокорневых слов («леса лысы» – В. Хлебников); 2) как явления народной этимологии («бульвар – гульвар», «пиджак – спинжак»).

В контрастивной лингвистике при исследовании языков, преимущественно родственных, говорят о межъязыковой паронимии – случаях частичного морфологического сходства, обусловленного генетической общностью сопоставляемых языков или данных слов при семантическом различии последних (рус. родной – чеш. *rodinný* ‘семейный’, франц. *épaule* ‘плечо’ – исп. *espalda* ‘спина’).

В настоящей статье рассматриваются явления межъязыковой и, соответственно, внутриязыковой паронимии в связи с изучением результатов эксперимента, полученных в ходе исследования восприятия англичанами англицизмов (слов, заимствованных из английского языка) с последующей графической фиксацией на английском языке.

В предпринятом эксперименте информантами выступили десять англичан, которые являлись студентами Центра русского языка и культуры Санкт-Петербургского государственного университета. Их возраст от 19 до 25 лет. Знание русского языка соответствовало элементарному уровню. Четверо англичан изучали ранее французский и немецкий языки, один – французский и испанский языки. Остальные англичане не изучали другие иностранные языки, кроме русского.

Материалом послужили 100 существительных, заимствованных из английского языка. Выбор англицизмов в качестве экспериментального материала не случаен. В конце XX в. особенно интенсивно заимствуется лексика из английского языка. С. Г. Ильенко так пишет об этом: «Изменения, происходящие в России и предопределяемые ориентациями на создание правового демократического государства, плюрализм, рыночную экономику, приобщение к мировой цивилизации, сразу же в виде конкретных лексем дают о себе знать в языковой системе. Отсюда, в частности, почти неудержимое стремление к заимствованиям: *брифинг, истеблишмент, консенсус, маркет, брокер, бартер, рейтинг, ваучер, спонсор, шоу-бизнес, шоп, имидж, респондент, амбивалентный* и др.» [1]. На сегодняшний день слова, заимствованные из английского языка, в русском языке по

численности превышают все остальные иноязычные заимствования и связаны с наиболее актуальными сферами жизни современной России: политикой (*импичмент, инаугурация, стикер*), экономикой, финансовым делом (*бартер, демпинг, импорт*), информатикой (*байт, модем, принтер*), сферой рекламы и СМИ (*бестселлер, блокбастер, ньюсмейкер*), спортом (*бодибилдинг, боулинг, фитнес*), искусством (*андеграунд, инсталляция, мэйнстрим*). По словам В. Г. Костомарова, «заимствования из английского языка многие считают самой яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития, сравнивая их поток с французским наводнением, пережитым в XVIII веке» [2]. Как отмечает С. В. Власенко в статье «Что англизируется: русский язык или русское языковое сознание?», «изобилие таких чужеродных, “неудобных” как для слуха, так и для восприятия терминов, пронизывающих многие сферы жизни: *дилер, спонсор, авторней, омбудсмен, рейдер, мониторинг, аутсорсинг, ноу-хау, риэлторский рынок, оффшорный банк, франшизные предприятия, дистрибуторские сети, пенитенциарные заведения, финансовый менеджмент, трастовый фонд, бизнес-процессы, электронный ритейл, нефтяные фьючерсы, девелоперы инфраструктуры* и др., – говорит о характерной устойчивости процесса заимствования и масштабности их адаптации в современном русском языке» [3].

Экспериментальный материал был начитан русским диктором, женщиной, владеющей нормативным произношением, и предъявлялся в случайном порядке в виде звучащего списка. Согласно инструкции информанты прослушивали список англицизмов и записывали их английские эквиваленты, если англицизмы были ими узнаны. Полученная графическая фиксация была проанализирована экспериментатором.

Цель данного эксперимента – установить, как англичане узнают слова, заимствованные из английского языка, опираясь на их звучание в русском языке.

Данные проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что правильное опознание англичанами слов, заимствованных из английского языка, было вполне удовлетворительным (90% от общего числа англицизмов). 10% от общего числа англицизмов было опознано неправильно (см. таблицу).

Анализ причин ошибок, допущенных информантами при опознании англицизмов, послужил основанием для различения явлений межъязыковой и внутриязыковой паронимии.

1. Ошибки, вызванные межъязыковой паронимией

Межъязыковую паронимию мы определяем как явление частичного звукового сходства слов, принадлежащих к разным языкам, при их полном семантическом различии.

Англицизмы, опознанные неправильно

Предъявленные англицизмы	Информанты				
	1	2	3	4	5
Грант	grand (большой)	–	grand (большой)	–	grand (большой)
Демпинг	tempting (заманчивый)	–	–	–	–
Комикс	–	comet (комета)	–	–	–
Курсор	–	–	–	course (курс)	course (курс)
Модем	–	–	–	–	model (модель)
Пентхаус	–	inhouse (внутренний)	–	–	pink house (розовый дом)
Плеер	–	–	layer (слой)	–	–
Трейдер	–	–	–	–	–
Триллер	–	–	–	–	–
Экспорт	expert (эксперт)	–	expert (эксперт)	–	expert (эксперт)

Предъявленные англицизмы	Информанты				
	6	7	8	9	10
Грант	–	–	–	grand (большой)	–
Демпинг	tempting (заманчивый)	–	–	–	–
Комикс	–	–	–	–	comet (комета)
Курсор	–	–	–	–	–
Модем	–	model (модель)	–	–	–
Пентхаус	–	–	pink house (розовый дом)	–	–
Плеер	–	–	–	–	–
Трейдер	–	–	–	brade (лезвие)	–
Триллер	–	–	–	–	trailer (трейлер)
Экспорт	expert (эксперт)	expert (эксперт)	–	–	expert (эксперт)

Примечание. Англицизмы, опознанные информантами правильно, отмечены прочерком.

В большинстве случаев при опознании англицизмов информанты ориентировались на звуковой облик слова. Некоторые слова, заимствованные из английского языка в русский, обладают большим звуковым подобием не со своими прототипами, а с другими английскими словами, как правило, семантически не соотносимыми с англицизмами. Поэтому у информантов зачастую возникали ложные ассоциации. Так, например, из-за акустического сходства русской фонемы /e/ и соответствующей ей английской фонемы /e/ (обе фонемы – нелабиализованные гласные переднего ряда среднего подъёма) англицизм *демпинг* (прототип – *dumping* ['dʌmpɪŋ]) был опознан как *tempting* ['temptɪŋ] ‘заманчивый’. Заимствованное слово *курсор* (прототип – *cursor* ['kɜːsə])

было заменено словом *course* [kɔːs] ‘курс’, поскольку русский гласный /u/ на слух больше напоминает английскую фонему /ɔː/ (/u/ и /ɔː/ – лабиализованные гласные заднего ряда), чем гласный /ɜː/. *Триллер* (прототип *thriller* ['θrɪlə]) был опознан как *trailer* ['treɪlə] ‘трейлер’, поскольку русская /t/ в слове [t]риллер соответствует английской /t/ в слове [t]railer и на слух совсем не напоминает /θ/ в слове [θ]riller.

2. Ошибки, вызванные внутриязыковой паронимией

Внутриязыковую паронимию мы определяем как явление частичного звукового сходства слов внутри одного языка при их семантическом различии (полном или частичном).

Некоторые ошибки информантов были вызваны наличием в английском языке двух или более слов, близких по звучанию, но разных по значению, то есть паронимов. Так, например, англицизм *грант* (*grant* [gra:nt]) был опознан как *гранд* [grænd] ‘большой’, заимствованное слово *комикс* (*comics* [kɒmiks]) – как *комет* [kɒmit] ‘комета’, модем (*modem* [ˈmɔdəm]) – как *модель* [ˈmɒdəl] ‘модель’, англицизм *пентхаус* (*penthouse* [ˈpenthəʊs]) был опознан в одном случае как *розовый дом* [*ˈpɪŋk ˈhaʊs*] ‘розовый дом’, в другом – как *собственный* [*ˈɪnhəʊs*] ‘собственный’, *плеер* (*player* [ˈpleɪə]) – как *слой* [*ˈleɪə*] ‘слой’, *трейдер* (*trader* [ˈtreɪdə]) был заменен словами *лезвие* [*ˈleɪz*] ‘лезвие’, *экспорт* (*export* [ˈɛkspɔ:t]) – словом *эксперт* [ˈɛkspɜ:t] ‘эксперт’.

Как известно, явление паронимии рассматривается в разных разделах языкознания: лексикологии, словообразовании, стилистике, культуре речи. Лексикология изучает паронимию как одну из системных категорий в лексике (паронимы – лексические единицы, группирующиеся на основе сходства формы). Для словообразования паронимы представляют интерес в силу их словообразовательной соотнесённости. Стилистика изучает паронимы как экспрессивные средства языка. Культура речи анализирует проблему непреднамеренного смешения (тогда это речевая ошибка) паронимов в речи. В данных случаях паронимия рассматривается как явление внутри одного языка.

Контрастивная лингвистика говорит о межъязыковой паронимии при сопоставительном исследовании языков в тех случаях, когда звуковое сходство паронимов обусловлено их частичным морфологическим сходством в связи с генетической общностью сопоставляемых языков.

Мы рассматриваем явление межъязыковой паронимии в связи с процессом лексического заимствования. Так, англицизмы, адаптируясь к системе русского языка, претерпевают определённые фонетические трансформации и за счёт этих трансформаций приобретают большее звуковое сходство не со своими прототипами, а с другими английскими словом, семантически не соотнесёнными с англицизмами.

Примечания

1. Ильенко С. Новая реальность как источник лексических и синтаксических сдвигов в современной русской речи // Новые российские реалии и их отражение в современном русском языке. Варшава, 1994. С. 77.

2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999. С. 110.

3. Власенко С. В. Что англизируется: русский язык или русское языковое сознание? (Взгляд переводчика-психолингвиста на заимствованные англицизмы с позиции профессиональной коммуникации) // Система языка и языковое мышление. М., 2009. С. 36.

УДК 814

С. А. Мишланова, Т. А. Сироткина

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОНИМИКОН КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ДРУГОГО»

В статье показано, что различные способы репрезентации концепта «этничность» образуют этнонимикон. Подчеркивается, что этнонимикон включает не только первичные номинации, или собственно этнонимы, но и вторичные, отэтнонимные номинации, а также фразеологизмы и сравнения. Поскольку в основе вторичного семиозиса лежат стереотипные представления о представителях иных этнических групп, они проявляются и в ассоциативном эксперименте как фрагмент языковой картины мира каждого этноса.

The paper shows that different ways of representation of the concept “ethnicity” form ethnonymicon. It is emphasized that ethnonymicon includes not only the primary nominations, or ethnonyms, but secondary ones, the so-called ethnonym-derived nominations, as well as idioms and comparisons. The secondary semiosis is based on the stereotypes about members of other ethnic groups, which appear in the associative experiment as a part of language image of the world in each ethnic group.

Ключевые слова: этноним, этнонимикон, этнические стереотипы, языковая картина мира.

Keywords: ethnonym, ethnonymicon, ethnic stereotypes, language image of the world.

В современном мире процесс глобализации сопровождается активизацией национальной самоидентификации и, как следствие, возникновением межэтнических конфликтов. Особую актуальность в связи с этим приобретают исследования представлений о «своих» и «чужих» в различных формах их объективации, в том числе языковой [1]. Пермский край в силу своего географического положения и исторических условий является полиэтничным (на его территории проживает более ста народностей), поэтому изучение его этнонимикона (многообразия способов вербальной репрезентации принадлежности себя к тому или иному этносу, в том числе названий народов) необходимо для понимания межэтнической ситуации и развития толерантности к Другому. Поскольку под этничностью понимают присущие данному сообществу язык, особенности духовной культуры и т. д., то очевидно, что концепт «этнос» состоит из областей «язык», «материальная культура», «духовная культура», «внешность» и некоторых других.

Концептуальная область «язык» представляет собой одну из наиболее значимых. Именно отличие по языку является основным отличием одной нации от другой, и это отчетливо проявляется в текстах живой речи: «Зырянский у них язык свой. На

© Мишланова С. А., Сироткина Т. А., 2012

заводах работали. Санки у них свои были. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили»; «Мама! Как вогулы-то говорят? По-русски, по-татарски?»; «Есть татаре, у их зовут “абдул непутный ревет”»; «Да ты никакой язык не понимаешь. Ни белорусской, ни татарской»; «От ихнова слова от мордвинского»; «Своя нация – цыганы. Говорят по-своему между собой, не поймёшь» [2].

Другая концептуальная область – «материальная культура» – также важна при различении «своего» и «чужого»: «Платок-от у тебя каки-то татарской. Раньше оне фсё такие любили»; «Вот ляпа. Обляпалась вся. Штаны как у татарки выпушшэны наверх. Вот чудо морское» [3].

Концептуальная область «духовная культура» актуализируется в основном своей религиозной ипостасью: «В Вёлсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар» [4].

В речи диалектоносителей хорошо представлены взаимоотношения православного и старообрядческого населения. Так, православные в оценке старообрядцев являются «басурманами»: «Не читаю я ничё у басурманина, они щепетники» [5] (Словарь русских говоров Южного Прикамья 2010: 44). Напротив, в оценке православных странным считается поведение представителей разных старообрядческих согласий – белOVERов, голбинцев: «БелOVERы ни с кем не кормили детей, каждый в отдельной чашке, и сами так же» [6]; «Кроме староверов-то у нас голбинцы были, в голбцах молились» [7].

Однако основным отличием, по которому можно узнать представителя этноса, являются какие-либо внешние признаки: «У них своя нация – сами черные, под вид цыганов. Раньше назывались казаки. И они гордились, что так назывались»; «Вогулы – народ, особая нация, степные люди, косы носят, глазки у них узенькие, похожи на первобытных людей. Они сюда приезжали» [8].

Как известно, с понятием «концепт» тесно связано понятие «стереотип»: именно в стереотипах отражается «интерпретация тех или иных базовых концептов, которая задается всей совокупностью бытовых, социально-экономических, социально-политических, исторических, природных, этнических, культурологических факторов» [9]. В то же время, наряду с термином «стереотип» в этнологии используется термин «этнический образ» – форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов» [10].

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марицы у нас. У них-то разговор свой» [11]. Именно особенности языка чаще всего отмечаются в различных приговорах и песенках: «Тру-та-та, тру-та-та, вышла кошка за кота. Ладила за бари-

на, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» [12].

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так его не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация – цыганы» [13].

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только пермянки, – оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре» [14].

4. Манера одеваться: «Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?» [15].

5. Особенности вероисповедания. Оpozнание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нация». Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте. Однако основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является все же «антропостереотипичность, т. е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида» [16]: «Личность такая мариец. Глаза узкие» [17].

Часто в языке мы можем наблюдать акты «ксенономинации», т. е. номинации через чужое. Ксенонимы – это слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [18].

Анализ этнонимического материала позволяет нам говорить о том, что в результате процесса ксенономинации возникают две большие группы отэтнонимных ксенонимов:

1. Лексические и фразеологические единицы, служащие названиями различных предметов и явлений окружающей действительности. Они не имеют яркой коннотации и представляют собой термины, являющиеся:

а) названиями одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» [19];

б) названиями растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» [20]; «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не *татарские мыльца*, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили *татарские мыльца*, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [21]; «Ето китайская роза. Герань была. Большущая такая. Бурдовые и розовые букеты вот таки больши» [22];

в) названиями игр: «Мы раньше ишшо *зыряном играли*, ноне уж так-ту не играют, о святках одного средят, долгушего, остальные над им галятся» [23];

г) названиями географических объектов (топонимами): «*Вогульские чурки* – чурок или скала. Камень называют ишшо»; «*Вогульское* – это берег называютца, площадь такая, берег»; «Понизе острова Ябрусскова есь *Вогульская* – называем так луг, берег»; «Из Мордвы. Они работали там. И прозвали так – *Мордовская деланка*»; «*Мордовская деланка* – там мордва населяли, потом снова ушли» [24];

д) названиями птиц: «У нас новая птица появилась – *татарская ворона*. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» [25].

2. Лексемы, называющие человека, его действия и состояния. Данные ксенонимы, как правило, имеют яркую коннотацию, отражают ассоциации, связанные с представителями различных этносов.

Как известно, модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые связаны, в том числе, с социальными категориями – мужской/женский, старший/младший, свой/чужой [26].

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* у представителей русской культуры имеет значение «ничего не умеющий, бестолковый»: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уж нерусский – так нерусский: так и ешь, раззява» [27].

Синонимичными слову нерусский в данном значении являются этнонимы *татарин*, *вотьяк*, *вогул*: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка»; «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотьяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты» [28].

Отрицательную оценку получает у носителей говоров неумение говорить по-русски: «Это которой по-русски говорить не умеет, вот и *вотьяк*» [29].

Как мы видим, чаще всего в переносном значении выступают собственно этнонимы. Реже выполняют оценочную функцию различные отэтнонимные образования, например глаголы или прилагательные: «Ходит и всех *обцыганиват*, обманыват всех окаянный»; «Сосед-то у меня шибко *тунгусливой*, слова от него не дожدهшься» [30].

Кроме того, в данную группу ксенонимов входят индивидуальные и коллективные прозвища: «Ивана Андреевича все *Вогулом* звали. Мать у него вогулка с Усть-Улса»; «Сыпучане – *монгольцы*», «*Монголы* – в Сыпучах» [31]. В ряде случаев этимология подобных прозвищ остается невыясненной, в других случаях местные жители знают, за что их соседи получили то или иное отэтнонимное прозвище – например, жителей деревни Коми-Березовка, предки которых на ру-

беже XIX–XX вв. переселились из коми-зырянского села Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что подобного населения, к тому же не посещавшего храмы, рядом не было.

Показательны в плане ксенонимации фразеологизмы с этническим компонентом.

Как известно, фразеологизмы в большей степени, чем единицы других языковых уровней, вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей.

Особенно продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель»; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» [32].

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться» [33].

Как мы видим, отэтнонимные образования, в том числе фразеологизмы, образуются от названий тех этносов, которые актуальны для русских, проживающих с ними в тесном контакте. Если для русских Прикамья это *татары*, то, например, для жителей Волгоградской области – такая субэтническая группа русского народа, как *казаки*: «Вид казака, а ум дурака», «Казак без лошади, что рыба без лодки», «Казак работает на быка, а бык на казака», «Казаку конь себя дороже», «Конь без казака, что лодка без рыбака» [34].

Этноним *лоть* не представлен в Прикамье так ярко, как на Русском Севере, однако и здесь упоминание об этом северном народе содержит фразеологизм *Шиша да Лопа* – случайные, незначительные люди; сброд, пустословы: «У нас пекаря Шиша да Лопа, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то» [35].

Этнонимы в составе экспрессивных оборотов выражают различные эмоции человека. Например, *будь ты жид* – восклицание, выражающее удивление, неприятие: «Будь ты жид, почет-то Любка туды идет» [36]. *Злой татарке не приведи Господь* – то же, что *врагу не пожелаю*: «Злой татарке не приведи Господь. Вот так вот голову обносит, лишь бы не пасти, лишь бы не пасти. Какие адские боли!..» [37].

Фразеологизм *ногайская кобыла* характеризует не в меру резвящуюся девочку-подростка: «Мать дочь ругат: ты ногайская, говорит, кобы-

ла. Вон эки девки-те, как ногайские кобылы носятся» [38]. Как известно, ногайцы «особое внимание уделяли выращиванию выносливых коней, способных переносить длительные переходы... Ногайские лошади были сильные и очень выносливые, выращивались табунным способом» [39].

Показательны в плане сопоставления «своих» и «чужих» устойчивые сравнения. Как *цыгане* – говорят о людях, не любящих жить подолгу на одном месте: «Как цыгане: своего дома не имели. Седня здесь – завтра там» [40]. Темный цвет лица и узкий разрез глаз служат поводом для возникновения сравнений *как китаец, глаза как у китайца*: «Да вот у нас тут в суседах есть парень. Такой чернуший, как китаец»; «Проспишь до утра. А утром глаза как у китайца станут. Распухнет лицо от комаров» [41].

Таким образом, процесс вторичного семиозиса в области этнических имен приводит к возникновению ксенонимов, как называющих предметы и явления внешнего мира, так и характеризующих человека. Чаще всего при этом актуализируется сема «чужой», входящая в семантическую структуру этнонаименований. В некоторых случаях, помимо этого, реализуются и некоторые потенциальные семы конкретных этнонимов (*цыган* – «обманщик», *татарин* – «злой», *еврейка* – «жадная» и т. д.). В процессе функционирования данных единиц коннотация может стираться, однако принцип номинации через «чужое» остается неизменным и способствует появлению новых лексических единиц.

Для выявления того, какие ассоциации связаны с некоторыми этнонимами-понятиями, было проведено анкетирование, на вопросы анкеты в сентябре 2007 г. отвечали студенты II курса филологического факультета ПГПУ (100 человек). Данная анкета содержала следующие задания: «Задание 1. Заполните пропуски в данных фразах, добавляя в них те слова, которые отражали бы, на ваш взгляд, какие-то характерные черты представителей данных национальностей: 1. Он по-русски___; он по-татарски___; он по коми-пермяцки___. 2. Как истинный русский, он___; как истинный татарин, он___; как истинный коми-пермяк, он___. 3. Он русский, но он___; он татарин, но он___; он коми-пермяк, но он___». Задание 2. Вы услышали данные фразы. Что, по-вашему, они могли бы означать? Русский есть русский._____. Татарин есть татарин._____. Коми-пермяк есть коми-пермяк._____».

Данная методика уже была использована лингвистами. В частности, И. М. Кобозева, исследуя ассоциации, возникающие в результате использования этнонимов *немец, англичанин, француз и русский*, пишет: «Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести... те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватами. Одно из таких явлений... – это относительное единообразие в интерпретации псевдотавтологий типа X есть X, которые информативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно предсказывается свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа» [42].

Для нашей анкеты были взяты вопросы о *тата́рах* и *коми-пе́рмяках* как народах, с которыми русские проживают на территории Прикамья в наиболее тесном контакте. Так, «коми-пермяки и русские на протяжении многих веков жили в соседстве и тесном взаимодействии. Историческое дружеское взаимодействие народов проявляется в положительном отношении русских к коми-пермякам» [43]. «Взаимодействие русских с татарами начинается в XVI–XVII веках, когда татары перемещаются с районов Волжской Булгарии на южные земли Пермского края, в бассейны реки Сылвы, Ирени, Бабки и других» [44].

Результаты проведенного исследования подтверждают сделанные нами ранее выводы о том, что концепт «этнос» состоит из нескольких концептуальных областей: «язык», «внешний вид», «особенности характера и поведения», «материальная культура», «духовная культура» (см. таблицу).

Как мы видим, автостереотип русских основан во многом на представлениях о характере и особенностях поведения представителей своего этноса. Фраза «по-русски...» была продолжена словами *щедр, гостеприимен, душевен, великодушен, свободолюбив, храбр, отважен, горяч*. Область «язык» актуализируется в высказываниях *говорит и ругается матом*.

Та же концептуальная область лежит в основе представлений русских о соседнем татарском населении. Фраза «по-татарски...» была продолжена лексемами *трудолюбив, хитер, вспыльчив, чистоплотен, щедр, гостеприимен, доброжелателен, общителен*. Область «язык» представлена словами *говорлив и балякает*.

Показатели вербализации концепта «этнос» в ассоциативном эксперименте, %

Этноним	Концептуальные области				
	«Язык»	«Внешний вид»	«Особенности характера и поведения»	«Материальная культура»	«Духовная культура»
Русские	13	0	70	13	4
Татары	25	0	43	20	12
Коми-пермяки	10	5	85	0	0

При характеристике коми-пермяков актуализируется область «внешний вид», вербализующаяся с помощью характеристики *низкого роста*. Отмечена реализация области «язык»: *немногословен*. Но и здесь область «особенности характера и поведения» является ведущей: *необщительный, замкнутый, наивен, непонятен, гостеприимен, простодушен, скромнен, глуповат, тих, далек*. Отметим, что на данном курсе в отдельной группе обучаются студенты коми-пермяцкого отделения, которые не принимали участия в анкетировании, но многие ассоциации русских студентов связаны именно с теми, кто учится с ними рядом. Отсюда одна из характеристик: *чавкает семечками на лекциях по русской литературе*.

Область «материальная культура», образующая концепт «этнос», начинает актуализироваться при ответе на вопрос «как истинный...».

Истинный русский, по мнению студентов, *пьет водку и закусывает солеными огурцами; любит вкусно поесть, попариться в бане; любит русскую баню, пельмени, водку, соленые огурцы и философию Канта* (последняя фраза имеет отношение уже к области «духовная культура»).

Каждый татарин, как отмечают испытуемые, *умеет готовить свое национальное блюдо; умеет готовить азу и всегда напоит вас чаем; любит плов и холодное оружие; умеет делать чак-чак; умеет великолепно готовить и знает толк в винах*. При ответе на этот вопрос актуализируется также область «духовная культура»: истинный татарин *верующий, набожен*.

При характеристике коми-пермяков задействована и область «язык»: истинный коми-пермяк *говорит с сильным акцентом и ценит свой язык*.

Таким образом, функционирование регионального этнонимикона отражает этноспецифику языкового сознания его жителей. На примере использования этнонимов в речи русских жителей Пермского края мы видим, что основными способами репрезентации категории этничности являются концептуализация, стереотипизация и ассоциирование, а главным средством ее вербализации служит региональный этнонимикон.

Примечания

1. Алимуратов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003; Березович Е. А. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–20; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002; Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. М., 1996.

2. Материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

3. Там же.

4. Там же.

5. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. С. 44.

6. Там же. С. 49.

7. Там же. С. 195.

8. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

9. Малышева Е. Г. Спортивный дискурс как отражение специфики русской ментальности // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сб. науч. тр. Вып. 14. Ч. 1. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 130.

10. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. С. 216.

11. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же.

16. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Указ. соч. С. 216.

17. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

18. Березович Е. А. Указ. соч. С. 3.

19. Словарь пермских говоров: в 2 вып. Пермь, 2000–2002. С. 434.

20. Там же.

21. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. С. 226.

22. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

23. Словарь пермских говоров. С. 339.

24. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

25. Прокошева К. Н. Указ. соч. С. 58.

26. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. 280 с.; Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

27. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

28. Там же.

29. Там же.

30. Там же.

31. Там же.

32. Прокошева К. Н. Указ. соч. С. 372.

33. Там же.

34. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е. В. Брыкина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. Вып. 3. К – Н. Волгоград: Изд-во ВГМПК РО, 2007. С. 14–15.

35. Прокошева К. Н. Указ. соч. С. 425.

36. Словарь пермских говоров. С. 73.

37. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. С. 207.

38. Прокошева К. Н. Указ. соч. С. 169.

39. Трехбратов Б. А. История и культура народов Прикубанья с древнейших времен до начала XX века. Краснодар: Традиция, 2011. С. 155.

40. Материалы экспедиций в д. Акчим ...

41. Там же.

42. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 103.

43. Этнокультурные процессы русского населения Пермского края на современном этапе: материалы этносоциального исследования / подгот. Г. Н. Чагиным, Е. Н. Шестаковой. Пермь, 2006. С. 29.

44. Там же. С. 30.

**Языки мира. Сопоставительное языкознание.
Сравнительно-исторические и типологические исследования.
Проблемы межкультурной коммуникации.
Переводоведение**

**Межкультурная коммуникация.
Перцептивная лингвистика**

УДК

О. В. Байкова, А. В. Байкова

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОДИН
ИЗ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Вопросы изучения современной социолингвистической ситуации этнических групп в иноязычном окружении в настоящее время являются актуальными, так как интерес к их изучению связан, прежде всего, со сложностью установления закономерностей и тенденций развития процессов языковой жизни в современном обществе.

Modern sociolinguistic situation in different ethnic groups is a subject of special attention nowadays. This interest accounts for the fact that research in this sphere describes the principles and the complexity of language development in modern society.

Ключевые слова: языковая ситуация, речевое поведение, российские немцы Кировской области

Keywords: sociolinguistic situation, verbal behavior, the Russian Germans of Kirov region

В настоящее время особую актуальность приобрели вопросы, связанные с социолингвистическим изучением современной языковой ситуации этнических групп, функционирующих в иноязычном окружении.

Интерес к изучению языковых ситуаций связан с тем, что при отсутствии подобных ситуаций возникает сложность установления закономерностей и тенденций развития процессов языковой жизни в современном обществе, где языки всегда взаимосвязаны в рамках сложной коммуникативной системы и дополняют друг друга, обеспечивая в своей функциональной дистрибуции все коммуникативные и экспрессивные потребности общества (подробно см. [1]).

Понятие «языковая ситуация» активно используется в языкознании с 1960-х гг. XX в. и тесным образом связано с его социальным аспектом языка [2]. По мнению В. А. Аврорина, языковая ситуация является конкретным типом взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития. Языковая ситуация должна включать в себя социальные условия функционирования языка, сферу и среду его употребления, а также формы его существования [3].

Следует отметить, что ученый в равной степени применяет термин «языковая ситуация» для одноязычных и неоднородных ситуаций. Языковую ситуацию одноязычного народа он рассматривает как функционирование всех форм существования языка «во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа» [4]. Однако гораздо чаще приходится наблюдать ситуацию двуязычия или многоязычия, то есть функционирование в пределах одного региона или в пределах страны не одного, а двух или нескольких языков.

Это обстоятельство учитывает в своем социолингвистическом определении Л. Б. Никольский, который отмечает, что в одноязычном обществе языковая ситуация определяется как система функционально распределенных форм существования языка, соотносящихся с континуумом языковой коммуникации. В многоязычном же обществе языковая ситуация определяется как аналогичная система, где вместо форм существования единственного языка функциональному распределению подвергаются разные языки, имеющие функциональные «ранги», средства межнационального, регионального, местного общения [5].

А. Д. Швейцер дополняет данное определение, акцентируя внимание на том, что языковая ситуация не только совокупность социально и функционально распределенных языковых систем и подсистем, но и их иерархия. Ученый предложил включить в определение и указание на

субъективный аспект языковой ситуации, т. е. ссылку на языковые установки членов общности, на их отношение к языковым образованиям, функционирующим на данной территории, так как «языковая ситуация изменяется вследствие изменения социально-экономических и политических позиций, занимаемых языковыми или этнолингвистическими общностями, а также под воздействием мер, принимаемых государством с целью функционального перераспределения языков и форм их существования» [6].

Ч. Фергюсон рассматривает понятие «языковая ситуация» с позиций экстралингвистического контекста, считая, что данный термин относится к общей конфигурации использования языка в определенное время и в определенном месте и включает такие данные, как количество и качество используемых в этом ареале языков, численность говорящих на них людей, обстоятельства установки и мнения в отношении этих языков со стороны членов данного коллектива [7].

Необходимо отметить, что одни ученые понимают под языковой ситуацией сложный динамический процесс коммуникации в пределах определенной общности, при которой особое значение приобретают, с одной стороны, общественные условия коммуникации и ее культурные традиции в том или ином национальном языке, а с другой стороны, – свойства национальных языков и форм их существования, характерные для данной языковой ситуации (см., например, [8]). Другие исследователи вкладывают в понятие языковой ситуации характеристику социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования [9].

В современной лингвистике существует широкое и узкое понимание термина «языковая ситуация». Всеобщее признание получило определение В. А. Виноградова, в котором были учтены исследования данного явления, проведенные Г. В. Степановым, А. Б. Никольским, А. Д. Швейцером и другими. Согласно этому определению, «языковая ситуация в широком смысле – это совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований. Существует также более узкое понимание языковой ситуации. В этом случае языковая ситуация понимается как пространственное и социальное взаимодействие разных языков или разных компонентов состояния одного языка» [10].

Описание языковых ситуаций и их типологии является одной из актуальных задач социолингвистики, решение которой имеет большое практическое значение, так как оно дает возможность

раскрыть основы и характер языковой политики государства, оценить перспективность того или иного курса в отношении языка, прогнозировать тенденции языковой жизни социума. Для создания типологии языковых ситуаций первостепенное значение имеет выделение соответствующих параметров. Поскольку языковые ситуации являются совокупностью языков и/или их подсистем, то, по мнению А. Д. Швейцера и А. Б. Никольского, языковые ситуации распадаются на две группы: а) экзогlossные (совокупности языков) и б) эндогlossные (совокупности подсистем одного языка). Экзогlossные и эндогlossные ситуации в свою очередь могут быть поделены еще на две подгруппы: сбалансированные языковые ситуации, если составляющие их языки или языковые подсистемы в функциональном отношении равнозначны, и несбалансированные языковые ситуации, если их компоненты закреплены за сферами общения и социальными группами [11].

С точки зрения Н. Б. Мечковской, обзор языковых ситуаций может быть проведен на основе ряда типологически значимых признаков, разнонаправленных и не иерархичных. Н. Б. Мечковская выделила восемь типологических признаков, в рамках этих признаков – оппозиционные типы языковой ситуации: 1) однокомпонентная – многокомпонентная языковая ситуация; 2) многокомпонентная одноязычная – многокомпонентная дву- (трех- и т. д.) язычная языковая ситуация; 3) демографически равновесная – демографически не равновесная языковая ситуация; 4) сбалансированная (коммуникативно-равновесная) – не сбалансированная (коммуникативно-неравновесная); 5) тождественный юридический статус – различный статус; 6) близкородственное двуязычие – неблизкородственное и неродственное двуязычие; 7) этнические корни языка, престижного в данной языковой ситуации (является ли одним из автохтонных языков, т. е. родным для части коренного населения, или импортированным языком); 8) оценка социумом престижа сосуществующих языков (разный престиж – относительно равный престиж): диглоссия – не диглоссное двуязычие [12].

Данная классификация была подвергнута критике, так как в ней представлено состояние языка, а не языковая ситуация. По мнению Л. Л. Аюповой, признаки 4 и 8 требуют отдельных комментариев по коммуникативной и социальной базам языков [13]. Термин «диглоссия» приводится в качестве примера оценки социумом престижа сосуществующих языков (пункт 8), хотя в социолингвистической литературе принято другое понимание диглоссии (в отличие от двуязычия) как функционирования двух разновидностей (форм) существования одного и того же языка (Л. П. Крысин, В. А. Аврорин, У. Вайнрайх, Ч. Фергюсон).

Наиболее дифференцированную и четкую схему анализа языковых ситуаций предлагает В. А. Виноградов, который считает, что каждую языковую ситуацию необходимо характеризовать по количественным, качественным и оценочным параметрам. Следует отметить, что, рассматривая типологию языковых ситуаций, ученый использует термин «идиом». К количественным признакам языковой ситуации, по схеме В. А. Виноградова, относятся: 1) *число идиомов* в данной языковой ситуации, которые являются ее компонентами: монокомпонентные, включающие один идиом, и поликомпонентные языковые ситуации, включающие несколько идиомов; 2) *число говорящих* на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала, т. е. демографическая мощность идиомов; 3) *число коммуникативных сфер*, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер, или коммуникативная мощность идиомов; 4) *число функционально доминирующих* идиомов – однополюсные и многополюсные языковые ситуации.

Качественные характеристики языковой ситуации передают, по мнению В. А. Виноградова, такие их признаки, как: 1) *лингвистический характер* входящих идиомов: одноязычные и многоязычные языковые ситуации; 2) структурно-генетические *отношения* между идиомами: языковые ситуации с гомогенными и гетерогенными компонентами; 3) функциональная *равнозначность* – *неравнозначность* идиомов: гармоничные языковые ситуации с идиомами, обладающими равным статусом, и дисгармоничные с идиомами, обладающими разным статусом; 4) характер *доминирующего* в государственном масштабе идиома (металекта): эндогlossные языковые ситуации с металектом – одним из местных языков, экзогlossные, металектом которых является один из «импортированных языков». В. А. Виноградов выделяет также оценочные признаки языковой ситуации, которые касаются внешней и внутренней характеристики идиомов, т. е. оценки языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д. Совокупность таких оценок определяет степень так называемой «языковой лояльности» данного языкового коллектива, т. е. степень его приверженности родному языку. В связи с возможным наличием в языковой ситуации диглоссии различаются дигlossные и недигlossные языковые ситуации, например дигlossная языковая ситуация – в странах Магриба, недигlossные – в бывших советских республиках, где функционально сосуществовали национальный и русский языки [14].

Необходимо отметить, что классификация языковых ситуаций, предложенная В. А. Вино-

градовым, дает возможность объективно изучить сложившуюся языковую ситуацию на территории Кировской области, которая рассматривается в широком понимании этого термина, так как целью исследования является изучение процесса сосуществования и взаимодействия немецкого и русского языков в российском социуме, а именно в Вятском регионе. Языковая ситуация в Кировской области определяется как совокупность языков, существующая в данное время в данном территориально-административном социуме и сложившаяся под воздействием социальных условий коммуникации и культурных традиций социума.

С позиций типологии языковых ситуаций, предложенной В. А. Виноградовым [15], языковую ситуацию в Вятском регионе можно охарактеризовать как многокомпонентную, так как мы сталкиваемся с сосуществованием и взаимодействием двух идиомов: русского и немецкого языков (под немецким языком в данном случае подразумеваются немецкие диалекты). Следует признать, что преобладание русского языка по демографической и коммуникативной мощности над языком этнических немцев позволяет отнести языковую ситуацию этнических немцев в Кировской области к неравновесным и однополюсным. В контакте с диалектом русский язык занимает господствующее положение. Это официальный, государственный язык, язык местного населения, язык местной культуры, науки и школы, поэтому сферы пользования родным языком этнических немцев ограничены.

На основе качественных признаков языковая ситуация российских немцев Кировской области определяется как многоязычная гетерогенная и гетероморфная: немецкий и русский языки являются неродственными и типологически несхожими языками. В результате различных коммуникативных статусов идиомов русский язык выступает в качестве официального, государственного языка, что говорит о дисгармоничной экзогlossной языковой ситуации в отношении к немецкому языку. Следует заметить, что русский язык занимает в общении российских немцев доминирующее положение, диалект как язык меньшинства обречен на отступление перед мощным давлением иноязычного окружения. В условиях сложной экзогlossной несбалансированной языковой ситуации происходят изменения в языке российских немцев в силу развития диалектных систем под прямым и косвенным воздействием общенационального русского языка и других говоров.

Примечания

1. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2002. С. 81–83.

2. *Никольский А. Б.* Синхронная социолингвистика: теория и практика. М.: Наука, 1976; *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20. С. 38–135; *Аллатов В. М.* Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л. П. Крысина. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 192–209.

3. *Аврофин В. А.* Двуязычие и школа // Проблема двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 120.

4. Там же.

5. *Никольский А. Б.* Указ. соч. С. 62.

6. *Швейцер А. Д., Никольский А. Б.* Введение в социолингвистику: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1978. С. 110.

7. *Ferguson Ch.* Diglossia // Word. 1959. № 15. P. 325–340.

8. *Краус И. К.* Языковые ситуации в странах развитого социализма и проблемы культуры языка // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 24.

9. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика: учеб. для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

10. *Виноградов В. А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 617.

11. *Швейцер А. Д.* Указ. соч. С. 102.

12. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект пресс, 2000. С. 101.

13. *Аюпова Л. Л.* Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 45.

14. *Виноградов В. А.* Указ. соч. С. 616–617.

15. Там же.

УДК 81'23

И. А. Барина, И. Г. Овчинникова

О ВЛИЯНИИ КОЛЛОКАЦИЙ ЛЕКСЕМ ОСВАИВАЕМОГО ЯЗЫКА НА ОРГАНИЗАЦИЮ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА РУССКО-АНГЛИЙСКИХ БИЛИНГВОВ*

В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования ментального лексикона билингва (русско-английский билингвизм). Установлено, что частотность коллокаций влияет на организацию ментального лексикона билингва.

The results of experimental study of bilingual mental lexicon (Russian-English bilingualism) are discussed. It is stated that collocation frequency influences the mental lexicon structure of a bilingual.

* Исследование поддержано грантом РФФИ 10-06-00477-а

Ключевые слова: билингвизм, коллокация, ментальный лексикон, лексическое значение, язык, культура.

Keywords: bilingualism, collocation, mental lexicon, lexical meaning, language, culture.

К постановке проблемы

Цель данной работы – установить влияние частотности коллокаций лексем в речи на предсказуемость связей единиц в ментальном лексиконе. Мы полагаем, что СМИ и разговорная речь оказывают непосредственное влияние на взаимосвязи единиц ментального лексикона, отраженные в ассоциативных связях слов, и именно частотные контексты закрепляются в ассоциативных реакциях как на родном, так и неродном языках. Влияние языкового окружения на предсказуемость связей в ментальном лексиконе установлено на отрицательном языковом материале, детской речи прежде всего [1].

Частотность совместной встречаемости слов в устной речи и письменных текстах в целом предопределяет высокую предсказуемость их совместной активации в ментальном лексиконе. Влияние коллокаций в текстах на родном языке на формирование синтагматических связей в ментальном лексиконе доказано в [2]. Между тем для лексикона человека, владеющего несколькими языками, такого рода зависимость может оказаться существенно более сложной. Прежде всего заметим, что структура ментального лексикона билингва описывается весьма противоречиво, а распределение известных билингву языков по сферам коммуникации весьма неравномерно. Таким образом, в случае билингвизма влияние повседневного речевого опыта на предсказуемость взаимосвязей единиц оценить довольно сложно, во-первых, в силу неопределенности самой организации ментального лексикона билингва; во-вторых, в силу неравноценности различных коммуникативных сфер, письменной и устной коммуникации на известных билингву языках. В таком случае мы ограничим поле исследования письменной коммуникацией билингвов на неродном языке и попытаемся оценить меру влияния частотности лексем в письменных текстах на предсказуемость связей в ментальном лексиконе. Поскольку для речевой деятельности билингва характерна интерференция, постольку на предсказуемость связей может влиять как частотность лексем в письменных текстах на осваиваемом языке, так и частотность их эквивалентов в текстах на языке родном [3].

Организацию ментального лексикона обычно исследуют на основе ассоциативных методов [4]. Наличие среди ассоциаций слов из правого и левого контекста на неродном языке можно рассматривать как отражение непосредственного

влияния текстов на формирование взаимосвязей единиц ментального лексикона и один из критериев освоенности языковой семантики и прагматики.

Материал, методы и процедура исследования

Мы использовали стандартизованную процедуру исследования соотношения свободных ассоциаций и коллокаций (www.wordspace.collocations.de/doku.php/data:esslli2008:start). От группы билингвов, осваивающих английский язык в течение 13 лет, были получены ассоциативные реакции на список из 80 слов-стимулов на английском языке. В качестве стимулов предлагались слова различных частей речи (43 существительных, 23 прилагательных, 11 глаголов, 3 наречия). При подборе стимулов нами учитывались их частотность и особенности семантической структуры. В список стимулов были включены:

1. Частотные слова, входящие в первую тысячу слов частотного словаря английского языка (BAD, BIG, BLUE, CHILD, CLEAR, DAY, GIRL, GLASS, GREEN, LIFE, LOVE, MONEY, OLD, RED, TEA, TO GO, TO HELP, TO KEEP, WIFE, BOOK, COLD, FACE, FEW, FUN, GOOD, HAIR, HUSBAND, ILL, LIGHT, MAN, MOTHER, NEW, NIGHT, PEOPLE, POOR, RIVER, SKY, TO FIND, TO KNOW, TO LIVE, TO SPEAK, TO WANT, TOGETHER, WOMAN, YOUNG);

2. Слова более низкой частотности (AUTUMN, BAG, BEAUTIFUL, BREAD, CINEMA, CITY, CLEVER, DEATH, FLAT, FLOWER, FOREST, GUEST, HAPPINESS, LOVELY, NATIVE, RAINY, RICH, ROAD, SNOW, SOFT, STORM, STRANGE, STUPID, TABLE, TO DRINK, TO HATE, UNDERGROUND, WHITE);

3. Редко используемые слова (DECEIT, ENEMY, PLEASURE, TO ESCAPE, WEAK, WIG, CONVERSATION);

Всего от русских студентов было получено 1099 реакций, из которых количество различных слов равно 545 (совпадающие у разных испытуемых реакции рассматриваются как одна языковая единица, т. е. лексема).

Во-первых, ассоциации билингвов сопоставлялись с ассоциациями носителей английского языка, представленными в Ассоциативном тезаурусе английского языка (www.eat.rl/ac/uk). Совпадения реакций билингвов и носителей языка обычно трактуют в качестве доказательства адекватности усвоения лексикона.

Во-вторых, обнаруженные совпадения ассоциаций билингвов с ассоциациями носителей языка проверялись по Британскому национальному корпусу (www.natcorp.ox.ac.uk), а их переводы – по Национальному корпусу русского языка (www.ruscorgpora.ru). Пара слов «стимул – реакция» задавалась в качестве поискового запроса.

Обсуждение результатов

При сопоставлении ассоциаций билингвов с ассоциативным тезаурусом английского языка выявлено 259 совпадений, что составляет 47% всех реакций на английском языке. Приведем примеры сходных ассоциаций русских и англичан: AUTUMN – spring, BAG – luggage, BOOK – to read, CITY – town, CINEMA – film, DAY – night, ENEMY – friend, FEW – many, FLAT – house, GLASS – water, GOOD – bad, TO HATE – to love, ILL – well, TO KEEP – money, MONEY – gold. Совпадения обнаруживаются не только у самых частотных ассоциативных реакций, которые можно объяснить стереотипностью в целом. Нечастотные по данным ассоциативного тезауруса реакции тоже актуальны для билингвов: AUTUMN – yellow (0.01), BAD – ugly (0.01), BAG – luggage (0.01), CINEMA – theatre (0.01), CLEAR – clean (0.01), CLEVER – never (0.01), DEATH – funeral (0.01), ENEMY – evil (0.01) (в скобках приведены относительные частоты реакций по данным ассоциативного тезауруса).

Обнаруженные совпадения представляют собой достаточно типичные для любого языка связи лексем, обусловленные как логическими, так и собственно семантическими законами и пересечением областей референции. Аналогичные ассоциативные связи можно обнаружить в других европейских языках, в том числе в русском [5]. С этой точки зрения совпадения ассоциаций можно интерпретировать как (1) перенос семантических связей с родного языка на изучаемый; (2) отражение универсальных логических отношений; (3) отражение относительной близости культур народов, населяющих Европу, чья культура так или иначе восходит к греко-римской цивилизации и библейской религиозно-культурной традиции.

Для того чтобы проверить влияние текстовых коллокаций на формирование связей единиц ментального лексикона, мы использовали данные национальных корпусов. Для корпусного исследования были выбраны совпадения синтагматических ассоциаций. Синтагматическими считают ассоциации, которые дополняют стимул до словосочетания, даже если их грамматическое оформление не соответствует правилам: AUTUMN – yellow.

Практически все совпавшие с данными тезауруса синтагматические ассоциации были обнаружены в одном контексте с их словами-стимулами (размер окна поиска варьировал до 6 единиц вправо и влево). Приведем полностью таблицу совпадений с указанием частотности (см. таблицу).

Частотность коллокаций варьирует от 0 до 524 словоупотреблений в Британском корпусе, от 1 до 725 в Национальном корпусе русского языка.

ка. Для того чтобы оценить, насколько совпадают частотности англоязычных сочетаний и их русских переводов в текстах на разных языках, мы использовали непараметрический коэффициент корреляции двух выборок. Полученное значение коэффициента (0.123) не позволяет говорить о наличии корреляции между частотами совместной встречаемости пар слов в разных языках. Иначе говоря, частотность исследуемых коллокаций в русских и английских текстах существенно различается. Синтагматические ассоциации наших испытуемых на английском языке не предопределены их коммуникативным опытом на родном языке. Очевидно, синтагматические ассоциации на английском языке при хорошем владении языком отражают автоматизированные связи, возникшие на основе восприятия англоязычных текстов. В условиях близости культур овладение семантикой и прагматикой изучаемого языка происходит с опорой на общий культурный контекст.

Обратимся к сопоставлению частотности коллокаций и частоты появления реакции на стимул в ассоциативном эксперименте. На активацию семантической сети оказывает влияние фактор частотности совместной встречаемости слов в речи: у часто встречающихся слов обнаружены сильные взаимные связи [6]. В частности, разграничение ассоциативных и семантических связей меж-

ду словами проводят на основе частотности коллокаций членов ассоциативной пары: ассоциации обеспечены высокой частотой совместной встречаемости, семантические связи – наличием общих сем, принадлежностью к одной категории. В целом для носителей языка верно, что частотность коллокаций обуславливает частотность синтагматических связей. В таком случае, чем чаще встречается в текстах пара слов, тем выше вероятность их совместной активации, тем вероятнее появление одного из слов пары в качестве ассоциации. Коэффициент корреляции частот в NBC и частотности в ассоциативном эксперименте составил 0.546, что свидетельствует о наличии средней статистически достоверной корреляции.

Наши результаты можно интерпретировать в рамках Билингвальной интерактивной активационной модели освоения лексики (BIA – Bilingual Interactive Activation model). Развитие языка с точки зрения активационной модели может также быть рассмотрено следующим образом: на низких уровнях владения языком элементы Я2 могут иметь более низкий показатель активации по причине низкой частотности и меньшей связанности с единой системой, так что система этого языкового подмножества будет относительно небольшой. На более высоких уровнях освоения лексические связи внутри сети усиливаются и преодолевают активацию связей элементов Я1.

Совпадения пар «стимул – реакция» и коллокаций Национальных корпусов

Стимул + реакция	Частотность в BNC	Русское соответствие	Частотность в НКРЯ
to go home	524	идти домой	276
blue sky	205	небо голубое	48
to help people	204	помогать людям	91
new style	168	новый стиль	95
lovely day	73	прекрасный день	725
rainy day	69	дождливый день	60
strange man	57	странный человек	271
red colour	39	красный цвет	367
clever man	35	умный человек	695
clear sky	33	небо чистое	46
blue colour	27	голубой цвет	102
native city	21	родной город	324
white colour	20	белый цвет	208
poor guy	16	бедный парень	17
stupid boy	16	глупый мальчик	22
to know well	13	знать хорошо	16
green tea	9	зеленый чай	89
big ball	6	большой шар	29
few times	3	несколько раз	380
fun event	3	забавный случай	84
to drink water	3	пить воду	112
clever dog	2	умный пес	12
green leaves	1	зеленые листья	19
strange guy	1	странный тип	24
to escape prison	1	сбежать из тюрьмы	1
to want live	1	хотеть жить	15

Результаты нашего исследования можно интерпретировать в качестве доказательства права на существование ментального лексикона. Ментальный лексикон, конечно же, весьма метафоричный термин – это, безусловно, не «лексикон», не словарь. Интерференция с родным языком, актуализация лексики всех известных языков возможна в случае единой семантической сети для различных фонетических и орфографических входов.

Выводы

1. Совпадение ассоциаций билингвов с ассоциациями носителей языка обусловлено не только успешностью овладения изучаемым языком, но и степенью близости языков и культур.

2. Совпадение коллокаций лексем в родном и изучаемом языке обусловлено как семантическими законами сочетаемости лексем, так и принадлежностью к общей культурной традиции.

3. Высказанная гипотеза подтвердилась: частотность коллокаций в письменных текстах непосредственно влияет на организацию ментального лексикона билингва. Эта зависимость прослеживается как для близкородственных языков, так и для языков с более отдаленной степенью родства.

Примечания

1. Ахутина Т. В. Типология ассоциативных реакций в норме и патологии // А. Р. Лурия и психология XXI века: материалы конф., посв. 100-летию А. Р. Лурия. М., 2002. URL: <http://www.auditorium.ru/>

2. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Изд-во РГГУ, 1999.

3. Обчинникова И. Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 43–59.

4. Обчинникова И. Г. О влиянии частотности коллокаций лексем на взаимосвязи единиц ментального лексикона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1. С. 26–30.

5. Там же.

6. Elman J. An alternative view of the mental lexicon. Trends in Cognitive Science // Trends in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8. № 7. P. 301–306.

УДК 8122

К. З. Островская

АНАЛИЗ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ «ПРОСТОГО» УДИВЛЕНИЯ С ПОЗИЦИИ ДВУХ ВИДОВ РЕАКЦИИ УДИВЛЕНИЯ

В данной статье рассматривается речевая ситуация «простого» удивления с позиции функциональной прагмалингвистики. Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, каким образом проявляется реакция «простого» удивления в русском и немецком сказочном дискурсе. Способом достижения поставленной цели является сопоставление высказываний персонажей русских и немецких сказок, реализующих эмоцию удивления.

This article deals with the speech situation of “simple” surprise from the position of functional pragmalinguistics. The aim of this article is to consider the way of displaying reaction of “simple” surprise in Russian and German fairy-tale discourse. The way of given task achievement is comparing the utterances of Russian and German fairy-tales’ characters, realizing emotion of surprise.

Ключевые слова: эмоция удивления, речевая ситуация удивления, простое и комплексное удивление, иллокутивное вынуждение к удивлению.

Keywords: the emotion of surprise, the speech situation of surprise, simple and complex surprise, illocutionary force to surprise.

Эмоция удивления, являясь одной из фундаментальных, при всей своей универсальности проявляет в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для прагмалингвистики. Эмоция удивления находит свое выражение в речевой ситуации удивления.

Проведя комплексный анализ речевой ситуации удивления, мы пришли к выводу, что существует *простое* и *комплексное удивление*.

Простое удивление представляет собой сочетание удивление + степень переживания эмоции; комплексное – сочетание удивления с другими эмоциями. Простое удивление может возникать как *в качестве реакции получателя текста на слова его отправителя (I тип)*, так и *в качестве реакции говорящего на ситуацию (II тип)*. Анализ примеров из выбранных нами русских и немецких сказок показал, что **простое удивление как реакция получателя текста на слова отправителя** делится на: а) констатацию услышанного; б) выражение отношения к услышанному. **Простое удивление как реакция говорящего на ситуацию** может проявляться через: а) кон-

статацию (описание) увиденного; б) выражение отношения к увиденному; в) констатацию (описание) говорящим собственного состояния.

Схема на рис. 1 наглядно демонстрирует, как разделяются виды простого удивления.

При анализе примеров речевых ситуаций простого удивления в немецком и русском сказочном дискурсе нами было обнаружено, что в немецких сказках такие ситуации возникают существенно реже (в 170 случаях), чем в русских (в 710 случаях). Среди них преобладают ситуации, в которых получатель текста констатирует факт удивительности услышанного (72,94% в немецких сказках и 60,00% в русских) (табл. 1).

Преобладание такого вида реализации простого удивления как констатация услышанного выражено в немецком сказочном дискурсе (72,94%) более отчетливо, чем в русском (27,06%). На наш взгляд, это свидетельствует о большей объективности персонажей в немецком сказочном дискурсе, чем в русском. Персонажи немец-

ких сказок предпочитают отмечать необычность слов собеседника, не заостряя внимания на собственном к ним отношении.

Рассмотрим способы проявления простого удивления как реакции получателя текста на слова отправителя. В этом случае отправитель текста своим иллокутивным актом вынуждает получателя к удивлению. Под иллокутивным актом мы понимаем речевое целенаправленное действие фразы, ориентированное на слушателя и подразумевающее возможные последствия произнесенного высказывания, а именно реакцию на речевое действие [1]. Так, речевая ситуация удивления, где слушающий реагирует на слова говорящего, характеризуется наличием иллокутивно-вынуждения (прямого или косвенного) к удивлению со стороны отправителя текста.

Констатация услышанного

(1) «Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу». Царь

Рис. 1. Схема разделения видов удивления

Таблица 1

Таблица видов проявления простого удивления как реакции получателя текста на слова отправителя

Вид реакции	Простое удивление				Всего	
	Констатация услышанного		Выражение отношения к услышанному			
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Сказки						
Немецкие	124	72,94	46	27,06	170	100
Русские	426	60,00	284	40,00	710	100

приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздвигнулся. «Что хочешь за него?» – спросил царь. [Афанасьев. Василиса Прекрасная]

(2) *Als ihr die Diener entgegen kamen, sprach sie: "Vater, das wundert mich." "Was, mein Kind?" "Ei die Bedienten, die hat der General nicht nach seinem Kopf also gekleidet".* [Wolf. Die Prinzessin von Tiefenthal]

В речевой ситуации простого удивления отправитель текста сообщает в своей речи то, что его удивляет, или то, что является удивительным, используя при этом лексемы (*диковинный/wundert mich*), указывающие на факт удивительности. Получатель текста (1) переживает высшую степень удивления – изумление – и высказывает желание получить этот товар с помощью вопросительного предложения *Что хочешь за него?* Обращает на себя внимание тот факт, что автор сказки дает описание данной речевой ситуации, используя лексему *вздвигнулся* – *дался диву, удивился, изумился* [2]. В немецкой сказке (2) получатель текста реагирует на услышанное путем использования вопроса-переспроса *Was, mein Kind? (Что, дитя мое?)*. Отец не понимает, что могло вызвать удивление его дочери.

В случае реализации отправителем текста косвенной иллюзии «вынуждение к удивлению» диапазон реакций получателя существенно расширяется, поскольку отправитель текста использует в своем высказывании парадоксальные, зачастую необычные утверждения, сообщая об «удивительном» без применения лексем со значением удивления.

(3) «Где ж твой отец?» – «Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять». – «А когда назад воротится?» – «Если кругом поедет – к вечеру будет, а если прямо поедет – и через три дня не бывает!» – «Что ж это за диво такое?» – спрашивает дядя. – «Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять?» [Афанасьев. Мудрая дева]

(4) *Sprach die Wirtbin: "Wober die Reise?" "Ich komme eben vom Himmel!" sagte der Fremde. "Was Sie sagen! Vom Himmel kommen Sie?" sagte die Frau.* [Meier. Der Himmelsreisende]

В данных примерах удивление у получателя текста вызывают парадоксальные утверждения отправителя текста. В русской сказке – *Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять*, в немецкой – *Ich komme eben vom Himmel!* (*Я пришел только что с небес!*)

Выражение отношения к услышанному

(5) «Смотри, какое диво!» – говорит дед. «Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими». – «Вот что!» – молвил дед и фот разинул... [Афанасьев. Верлиока]

(6) «Du mußt aber doch irgend etwas lernen?» «Fällt mir gar nicht ein, kann schon genug.» «Was denn?» «Essen, trinken, schlafen, Dummbreiten machen und wundervoll faulenzten.» «So! Das ist eine schöne Kunst! Man siebt doch, daß du kein richtiger Mensch bist, du fauler Holzkopf». [Bierbaum. Zäpfel Kerns Abenteuer]

В примере (5) отправитель текста напрямую отмечает факт, вызвавший его удивление, употребляя лексему *диво* в восклицательном предложении. На что получатель текста опровергает факт удивительности услышанного и выражает свое отношение путем использования лексемы *правда*, в силу чего со стороны слушающего удивление только усиливается и вербализуется с помощью коммуникемы *Vom что!* В примере (6) отправитель текста употребляет лексему *wundervoll (чудесно)*, отмечая, что он многое может делать, в том числе чудесно лениться, чем вызывает удивление у получателя текста. Получатель текста иронично отмечает, что это прекрасное искусство (*Das ist eine schöne Kunst!*).

При реализации косвенного иллюзийного вынуждения к удивлению отправитель текста не называет необычное явление напрямую удивительным. Получатель в свою очередь высказывает о своем отношении к услышанному.

(7) Чернушка хлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом: «Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?» «Зачем я буду тебя бояться?» – отвечал он. – «Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!» [А. Погорельский. Черная курица, или Подземные жители]

(8) «Hast du einen so hohen Turm noch gesehen?» – «Ja, bei uns ist ein viel höherer, da reicht der Hahn bis an den Himmel und frißt Sterne!» – «Du lügst!» [Haltrich. Die beiden Lügner]

В русской сказке адресант попадает в необычную для него ситуацию, узнавая новое о давно знакомом ему персонаже. Получатель текста выражает свое отношение, употребляя дериват лексемы *странность*.

В примере из немецкой сказки говорящий использует гиперболическое сравнение *da reicht der Hahn bis an den Himmel und frißt Sterne!* (*там петух достаёт до самого неба и ест звезды*), чем вынуждает слушающего удивиться. Получатель текста высказывает свое отношение к полученной информации путем использования восклицательного предложения *Du lügst!* (*Ты лжешь!*)

Проанализируем особенности возникновения простого удивления как реакции говорящего на ситуацию в русском и немецком сказочном дискурсе. Следует отметить, что этот вид простого

удивления встречается в русских и немецких сказках с примерно одинаковой частотой (табл. 2).

В обоих языках преобладают ситуации, в которых говорящий констатирует увиденное (58,09% в немецких сказках и 54,93% в русских). Ситуации, в которых говорящий выражает свое отношение к увиденному и описывает свое состояние, встречаются с приблизительно одинаковой частотой (соответственно 23,09 и 18,82% в немецких сказках и 25,22 и 19,85% в русских). Как мы видим, распределение по видам реализации простого удивления как реакции говорящего на ситуацию в русских и немецких сказках аналогично. Из этого можно сделать вывод об универсальности подобных ситуаций удивления для обоих дискурсов.

Когда говорящий попадает в ситуацию удивления, то эмоцию удивления у него вызывает окружающая обстановка, в силу этого в данном случае отсутствует разделение по видам иллокутивного вынуждения. Перечислим способы проявления простого удивления как реакции говорящего на ситуацию: а) констатация (описание увиденного); б) выражение отношения к увиденному; в) констатация (описание) говорящим собственного состояния.

Рассмотрим способы проявления простого удивления как реакции говорящего на ситуацию.

Констатация (описание) увиденного

- (9) ...Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал...»

[А. С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях]

(10) *Als sie in einen großen Wald kamen, da fragte sie: "Ach, wem gehört der wunderbare Wald?"* [Grimms Märchen. König Drosselbart]

Говорящий выражает свое удивление увиденным, называя его необычностью и используя при этом лексемы со значением удивления. В русской сказке – констатация увиденного происходит путем применения лексемы *диво*, тем самым говорящий никак не оценивает произошедшее, не

выражает своего отношения, просто обозначает необычность ситуации; в немецкой сказке говорящий констатирует увиденное в своей реплике, употребляя лексему *wunderbar* (*чудесный*).

Выражение отношения к увиденному

(11) *Soldat Ivan weinte überaus bitterlich. <...> A Gai bei der scheinbar weinte ein Mensch kam in die Gegend. – "Was ist das? In der ersten Zeit sehe ich, dass Wasser aus den Augen des Menschen fließt! Mir gefällt das!" – sagte er.* [Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца]

(12) *Nicht sobald aber hatte der König die wunderbare Feder gesehen, als ihn auch ein heftiges Verlangen erfaßte nach dem Vogel, der die Feder getragen hatte. "Die Feder ist erstaunlich schön und Goldes werth", sprach der König, "aber schöner noch und unbezahlbar muß der Vogel sein, der die Feder getragen hat".* [Busch. Der Herrgott als Pathe.]

При выражении своего отношения к удивившей его ситуации говорящий, как правило, сообщает о своих эмоциях, испытываемых им при этом, или обращается к своему прошлому опыту. Так, сказочный персонаж Гай никогда раньше не видел слез. Свое удивление-недоумение он выражает в вопросительном речевом акте *Что это такое?* и дает оценку увиденному *Мне это нравится!* Король из немецкой сказки дает оценку увиденному перу, отмечая, что оно удивительно красиво и ценно, как золото (*ist erstaunlich schön und Goldes werth*).

Констатация (описание) своего состояния

- (13) ...Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба. ...

[А. С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях]

(14) *"Nein, wie man aber so lebhaft träumen kann!" sprach er zu sich, "hätte ich jetzt doch schwören wollen, daß ich ein schnödes Eichhörnchen, ein Kamerad von Meerschweinchen und anderem Ungeziefer, dabei aber ein großer Koch geworden sei".* [Wilhelm Hauff. Der Zwerg Nase]

Таблица 2

Таблица видов проявления простого удивления как реакции говорящего на ситуацию

Вид реакции	Простое удивление						Всего	
	Констатация увиденного		Выражение отношения к увиденному		Констатация собственного состояния			
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Сказки								
Немецкие	395	58,09	157	23,09	128	18,82	680	100
Русские	429	54,93	197	25,22	155	19,85	781	100

В приведенных примерах говорящий характеризует не само событие, вызвавшее его удивление, а описывает свои эмоции в этой ситуации. В русской сказке царевна приходит в изумление и выражает его через констатацию собственного состояния (*Как же долго я спала!*). Подобные речевые ситуации, когда говорящий пробуждается после длительного и странного сна и вербально удивляется этому, существуют также и в немецкоязычных сказках. Так, например, пробуждается после семилетнего сна Карлик Нос в сказке В. Гауфа, с удивлением констатирует свое состояние: *Nein, wie man aber so lebhaft träumen kann!* (*И привидятся же такие сны, прямо как наяву!*)

Проведя анализ видов ситуаций простого удивления, отметим, что в речевых ситуациях удивления, когда получатель текста реагирует на слова его отправителя, наиболее часто им используется *констатация услышанного*, и в ситуациях удивления, в которых говорящий реагирует на ситуацию, также наиболее часто встречается *описание получателем ситуации удивления*. Представим данное распределение в виде диаграммы (рис. 2).

На диаграммах заметно, что в зависимости от того, является ли удивление реакцией на услышанное или на увиденное, происходит выбор говорящим предпочитаемых средств его реализации, причем в последнем случае существенных различий в немецком и русском сказочных дискурсах нет. На основании этого можно сделать вывод, что *ситуация, в которой говорящий выражает свое удивление чем-либо увиденным, является наиболее типичной для обоих сказочных дискурсов*.

Что же касается речевой ситуации удивления, в которой задействованы два участника коммуникации, один из которых совершает прямое или косвенное иллокутивное вынуждение, а второй реализует свою реакцию на это вынуждение, сле-

дует отметить, что здесь наблюдаются различия между немецким и русским сказочными дискурсами. В обоих дискурсах преобладающим способом реализации реакции простого удивления является *констатация получателем текста услышанного, однако в немецких сказках подобный речевой акт встречается чаще, чем в русских*. На наш взгляд, это свидетельствует о большей объективности персонажей в немецком сказочном дискурсе, чем в русском, так как они предпочитают отметить необычность слов собеседника, не заостряя внимания на собственном к ним отношении.

Можно сказать, что реализация реакции простого удивления в немецком и русском сказочных дискурсах, в частности в качестве реакции на ситуацию, происходит аналогичным образом, что свидетельствует об универсальности подобных ситуаций удивления для обоих языков.

Примечания

1. Афанасьев А. Н. Мудрая дева (№ 327). URL: <http://www.librius.net/b/62327/read#t14> [дата обращения: 9.09.2012]

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Издание поставщиков двора Его Императорского Величества, 1903. Т. 1. С. 477.

Источники

Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова А. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч. 2. С. 53.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 2008. С. 108.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 2008. С. 258.

Позорельский А. Черная курица, или Подземные жители. М.: Белый город, 2002. С. 9.

Пушкин А. С. Сказки. М.: Дет. лит., 1974. С. 88, 105.

Чарская Л. А. Сказки голубой феи. М.: Махаон, 2011. С. 114.

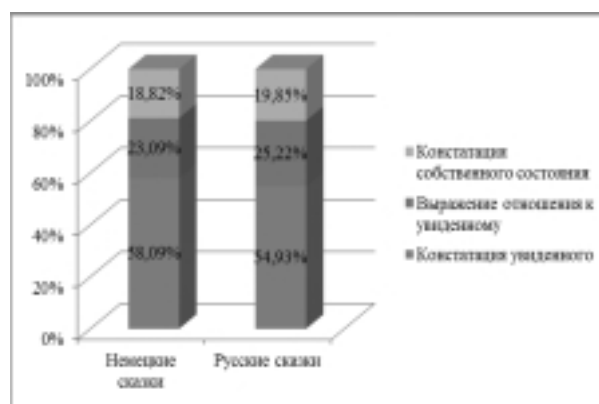
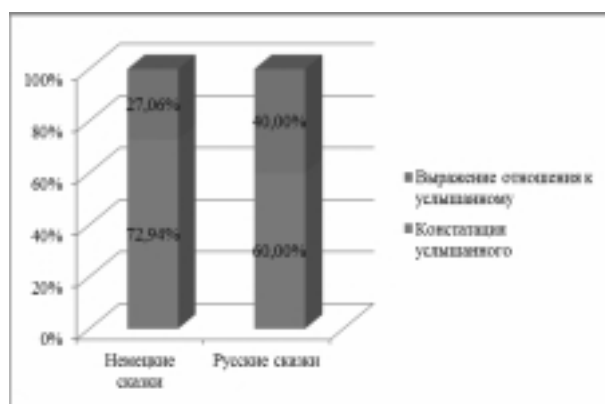

Рис. 2. Распределение способов реализации простого удивления в качестве реакции на услышанное (слева) и на увиденное (справа)

Bierbaum O. J. Zäpfel Kerns Abenteuer. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5031/1> [дата обращения: 12.12.2011].

Busch W. Ut oder Welt. München, 1910. S. 89.

Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Band 2. Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1957. S. 38.

Haltrich J. Die beiden Lügner. URL: <http://www.1000-maerchen.de/2c0b96a3f6763be247a06f80fca39fc2/fairyTale/750-die-beiden-luegner.htm> [дата обращения: 11.07.2012].

Meier E. H. Deutsche Volksmärchen aus Schwaben: aus dem Munde des Volkes gesammelt. Zürich: Olms, 1971, S. 69.

Wölf J. W. Deutsche Hausmärchen. Hamburg: Tredition GmbH, 1991. S. 28.

УДК 81"342.3

С. Ю. Мякотникова

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ТИПЫ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА)

В традициях Петербургской лингвистической школы восприятие звучащей речи предполагает опору на существенные лингвистические признаки слова; градации признаков могут служить основанием для классификации перцептивных типов слов в языке. Описание перцептивных типов американского варианта английского языка и сравнение их с перцептивными типами британского варианта позволяет решить вопрос о существовании вариантов *единой* перцептивной базы либо *разных* перцептивных баз британского и американского английского. Исследование проведено на материале Американского национального корпуса (АНК).

The article describes the perceptive features of the words from the frequency strata of the American National Corpus. The aim is to find the answer to the question if there are either two variants of the *common* perceptive basis for both variants of the English language or *different* bases.

Ключевые слова: АНК (Американский национальный корпус), перцептивные базы языка, существенные лингвистические признаки.

Keywords: perceptive features, perceptive basis, American National Corpus, the American variant of the English language.

Представление языка в виде структуры (системы) или множества структур в современной лингвистике способствует проникновению в сущность языка, его внутреннюю природу, раскрытию причинных зависимостей между его компонентами, построению лингвистических теорий, позволяющих воспринимать тот или иной аспект языка во всей его сложности как некую целостность. Системно-структурные исследования выступают в качестве специфической тенденции

науки XX в. При помощи понятий «системы» и «структуры» становится возможным обнаружение общего, выявление скрытых свойств и качеств языка, объяснение причин их возникновения (Г. П. Мельников, Т. М. Николаева, В. Г. Адмони, В. М. Солнцев и др.). Система любого языка – это «взаимосвязанное целое, а не механическое соединение самостоятельных элементов» [1].

Однако лингвистика нуждается не только в полном и исчерпывающем описании понятия языковой системы, но и в описаниях, где на первый план выдвигаются наиболее существенные черты, которые определяют индивидуальное, неповторимое лицо данного языка. «Такую совокупность существенных черт мы называем строем данного языка» [2].

Система и строй каждого языка специфичны, они присущи только этому языку и формируются в ходе исторического развития, при этом «индивидуальность строя языка создается своеобразием совокупности строевых черт, которые по отдельности или в различных комбинациях способны повторяться во многих языках. Небольшое число существеннейших строевых черт определяет тип, к которому принадлежит тот или иной язык» [3].

Б. А. Ильиш отмечает, что «спорность и шаткость многих элементов строя современного языка свидетельствуют о том, что он находится в состоянии неустойчивого равновесия и происходящие то там, то здесь толчки показывают направление, в котором язык, вероятно, будет развиваться в дальнейшем» [4]. Динамичное развитие аналитических тенденций, неустойчивость характеристик строя английского языка значительно усилилась с появлением его новых вариантов: американского, австралийского, новозеландского и европейского.

Термин «вариант» по отношению к английскому языку в Америке впервые употребил А. И. Смирницкий в 1955 г.: «Сам образец английского языка в США является иным, чем в Великобритании. Литературный язык в Великобритании и литературный язык в США противостоят друг другу как два основных варианта английского языка» [5]. Среди лингвистов, разделяющих данную точку зрения, можно назвать А. Д. Швейцера, Д. А. Шахбагову, В. С. Шах-Назарову, В. Е. Абрамова, Р. Strevens и др. Американский вариант английского языка имеет ряд лексических и грамматических особенностей. Однако все лингвисты, изучающие американский вариант английского языка, отмечают, что основные различия лежат в фонетической системе. Фонетические расхождения между различными вариантами английского языка приводят нас к вопросу восприятия звучащей речи.

Восприятие речи человеком не является врожденной способностью человеческого слуха и не определяется только фундаментальными свойствами слуховой системы. «Восприятие, которое рассматривается как первый этап декодирования речи, является не чисто физиологическим процессом, а скорее фонетическим, в том смысле, что оно определяется языковой системой» [6]. Восприятию отводится огромное значение, поскольку «изучение восприятия – это один из методов проникновения в объективные отношения, существующие в системе данного языка» [7].

В современной перцептивной лингвистике существует большое количество теорий восприятия. «Все существующие теории восприятия речи могут быть классифицированы по двум важнейшим параметрам. Первый параметр – это моторный или сенсорный принцип восприятия. Вторым – его активный или пассивный характер» [8]. Наиболее известные теории – это «моторная теория» восприятия речи [9], теория анализа через синтез [10], теория «пословного распознавания» [11], гипотеза «контекстуальных аллофонов» [12] и др. Лингвистически ориентированные теории и гипотезы описывают уровни обработки речевого сигнала, который соответствует уровням языковой системы и определению минимальных лингвистических единиц каждого уровня [13]. Классические теории критикуют за «философский характер», отсутствие комплексного подхода и недостаток эмпирически выверенного материала [14]: «...подавляющее большинство ситуаций восприятия речи связано не с формированием нового перцептивного эталона, а с использованием эталона, уже сформированного; используемые признаки могут быть как моторными, так и сенсорными и вообще несут эвристический характер» [15].

Большинство теорий восприятия признает обращение слушающего к перцептивному словарю в ситуации восприятия речевого сигнала. Однако вопрос о единицах восприятия до сих пор не получил однозначного ответа.

Несовершенство многих теорий, по мнению С. Хокинз, заключается в том, что они занимают изучением распознавания фонем в слогах, тогда как в естественных условиях «основной целью восприятия речи является идентификация слов» [16]. Дж. Фланаган, анализируя различные данные по восприятию речи, делает вывод, что «единицами восприятия могут быть такие категории, как слоги, слова, фразы, а иногда даже предложения» [17]. В своей теории «ментальных репрезентаций слов» В. Зендмайер говорит, что носители языка накапливают множество ментальных репрезентаций фонетического уровня: слова, слоги, звуки и признаки звуков [18]. Различные лингвистические уровни представлений од-

новременно доступны слушающему, он актуализирует уровень, наиболее эффективный в зависимости от задачи слушающего [19].

В. Б. Касевич ставит под сомнение существование единицы восприятия, которая всегда бы использовалась как универсальная опорная оперативная единица восприятия. Человеку свойственна гибкая стратегия восприятия и в зависимости от условий коммуникации – привычности или непривычности темы, ситуации общения, собеседника и т. п. – он избирает разные стратегии восприятия, используя разные единицы решения [20].

Многие лингвисты отводят слову особую роль в процессе восприятия речи (Л. Р. Зиндер, А. В. Бондарко, Ю. Н. Караулов, А. А. Залевская, А. С. Штерн и др.). «Фонетическая целостность слова проявляется в наличии признаков, свойственных ему как таковому (акцентный контур, сингармоническая модель, признаки начала, конца, середины слова), а также в возможности достраивать до целого облик слова по части его признаков» [21]. «Восприятие начинается не с фонем, а с общего облика слова» [22].

А. В. Бондарко рассматривает словоформу как «целостный образ», которым оперирует человек в речевой деятельности: с одной стороны, состоящий из последовательности фонем, с другой – характеризующийся свойственной ему акцентно-ритмической структурой, количеством слогов, местом ударения; «одной из загадок является вопрос о том, в каком именно виде представлен звуковой облик словоформы в языковом механизме говорящего», как говорящий «сохраняет как единое целое, как реализацию одной и той же словоформы (слова?) все возможные звуковые образы этой словоформы (или слова)» [23].

Ответом на этот вопрос может служить обращение слушающего к перцептивной базе (ПБ) языка в процессе восприятия речи. З. Н. Джапаридзе описывает ПБ языка как «единство хранящихся в памяти человека эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними» [24]. При речевой коммуникации слушающие воспринимают те звучания, которые они слышали раньше и которым в памяти соответствуют свои эталоны. Восприятие звучания нового высказывания опирается на звучание ранее воспринятых и отождествленных в памяти его частей. Исследования Л. Р. Зиндера, А. С. Штерна и других ученых подтверждают эту теорию.

Описание перцептивной системы любого языка предполагает выявление лингвистических признаков (ЛП) и определение среди них существенных для восприятия [25]. Такая исследовательская методика дает возможность установления и описания иерархии ЛП, определения «веса» каждого признака, его ранга и существенности в

механизме восприятия [26]. Среди ЛП называются «частотность употребления слова», «ударная гласная», «длина в фонемах», «ритмическая структура» и другие термины А. А. Леонтьева.

А. Р. Зиндер и А. С. Штерн доказали, что именно эти признаки имеют наибольшее влияние на адекватность восприятия речи, но степень их влияния может варьироваться [27].

Как же ответить на вопрос об общности или различии ПБ, принадлежащих носителям разных вариантов английского языка (британского и американского)?

Если принять распространенную точку зрения на английский язык как на единый для двух языковых общностей, то логично предположить, что ПБ будет единой для двух языков. С другой стороны, невозможность игнорирования различий языковых систем британцев и американцев (лексических, грамматических особенностей, звукового строя и особенно вокалических систем, различающихся как качеством, так и количеством гласных) может свидетельствовать в пользу принадлежности ПБ британцев и американцев к разным вариантам единой ПБ английского языка [28]. Существует также и точка зрения, согласно которой вариант американского английского является самостоятельным языком [29]. В таком случае можно было бы ставить вопрос о разных ПБ у американцев и британцев.

В своих исследованиях Т. Н. Чугаева и группа ее учеников предлагают описывать строевые характеристики английского слова, опираясь на перцептивно значимые лингвистические признаки (на материале Британского национального корпуса pat-corp@oucs.ac.uk). Такой подход дает основание для создания классификации перцептивных типов английского слова; при этом общие прототипы фонетических единиц должны быть представлены в ПБ английского языка [30]. Наиболее полно они должны быть отражены в частотном ядре лексикона, которым владеет каждый носитель языка [31].

В работах Т. Н. Чугаевой и О. В. Байбуровой приведены результаты экспериментов по восприятию английской речи британскими и американскими аудиторами. В процессе исследования изучались механизмы восприятия английских слов разной длины, предложений и текста [32]. При анализе результатов проведенных экспериментов количественным параметром оценки успешности восприятия слов и предложений был процент правильного опознавания речевой единицы (р%). По всем типам слов у американцев наблюдается снижение р%. Значительно отличается средний результат восприятия американцев при прослушивании «общих» таблиц – 62,02%, в сравнении с британцами – 75,07% [33]. В то же время процент правильного восприятия текстового мате-

риала составил 95,4% у британских аудиторов и 91,1% у американских аудиторов [34].

Почему американские аудиторы испытывают затруднения при восприятии отдельного «английского» слова? Опираются ли американцы при восприятии на *единую* с англичанами ПБ, *разные* ПБ или *разные варианты* одной ПБ [35]?

Результаты проведенного исследования говорят в пользу гипотезы о существовании двух *вариантов единой* ПБ. Доказательством этой гипотезы являются похожие (но не идентичные!) механизмы восприятия британскими и американскими аудиторами всех типов слова; опора на признаки *ударная гласная*, критерий *длины слова* и *часть речи*; характер замен, осуществляемых американскими аудиторами. Но с другой стороны, количественные (*низкий процент правильного опознавания слов* американскими аудиторами) и качественные (опора на признаки *частотность*, *ритмическая структура*, *длина в морфемах*) различия и расхождения в их механизмах восприятия говорят в пользу гипотезы о перцептивных механизмах британцев и американцев лишь как вариантах единой ПБ английского языка [36].

В настоящей статье рассматриваются перцептивные типы американского слова. Непосредственной задачей исследования является описание перцептивных типов высокочастотной и частотной страт АНК и их сопоставление.

Следует заметить, что не все признаки существенны для восприятия слов. В исследовании рассматриваются лишь ранее экспериментально выявленные существенные лингвистические признаки, на которые опирались американские аудиторы в процессе восприятия слова [37].

Для выявления перцептивных типов американского слова был проведен лингвостатистический анализ частотных страт Американского национального корпуса (<http://www.americannationalcorpus.org>).

Американский национальный корпус разрабатывается с 1990 г. и включает образцы письменной и устной речи из разных источников. Он создает наиболее полную картину американского английского для дальнейших исследований в области лингвистики, образования, лексикографии и технологии. В настоящее время корпус насчитывает 22 миллиона словоформ американских слов, он постоянно пополняется и по завершении работы эта цифра увеличится до 100 миллионов слов. Слова расположены по частоте встречаемости в речи – от наиболее частотных до самых редких. Материалом для словаря является письменная форма речи на основе транскрибированных устных текстов общего характера (проект выполняется организацией, которая называется the Linguistic Data Consortium (<http://www ldc.upenn.edu/About>). Этот консор-

циум, основанный в 1992 г. по гранту агентства Advanced Research Projects Agency (ARPA), включает университеты, компании и государственные исследовательские лаборатории. Организацию возглавляет Пенсильванский университет (The University of Pennsylvania).

Определение частотных страт осуществлялось с учетом принципов частотной стратификации словаря по Л. В. Малаховскому. Словарь был поделен на 5 частотных страт, неодинаковых по количеству включенных слов. Высокочастотная зона включает слова с 7-, 6- и 5-значными индексами частоты, частотная – с 4-значными, средняя – с 3-значными, редкая – 2-значными, очень редкая – 1-значными [38].

Высокочастотная группа АНК является самой немногочисленной и насчитывает 187 словоформ; частотная включает 2030 словоформ; средняя исчисляется тысячами, а редкая – миллионами словоформ. Анализ проводился по лингвистическим признакам, которые показали свою перцептивную значимость в многочисленных экспериментах по восприятию английского слова [39]. Такими признаками оказались: *длина в слогах, ударная гласная, ритмическая структура, длина в морфемах, консонантный коэффициент, начальный звук, часть речи*. Кроме того, был проведен анализ *консонантных типов* односложных и двусложных словоформ, которые встретились в высокочастотной и частотной стратах.

Методом исследования был простой статистический подсчет. В каждой страте – **высокочастотной и частотной** – отбирались все слова, представляющие знаменательные части речи (существительные, прилагательные, глаголы и их формы, наречия) и имеющие перечисленные признаки. Полученные списки слов сравнивались между собой. Каждая страта рассматривалась отдельно. Из высокочастотной страты было отобрано и проанализировано 106, а из частотной – 1787 словоформ.

Рассмотрим полученные результаты.

По признаку *«длина в слогах»* слова распределились следующим образом. Сверхъядро АНК на 98% сформировано из «коротких» слов: односложных (80%) и двусложных (18%). Доля трехсложных слов незначительна, всего 2%.

В частотной страте количество односложных слов уменьшается почти в два раза, а двусложных, наоборот, возрастает. И тех и других – по 37%. В восемь раз возрастает количество трехсложных слов, их 16,8%. Появляются и четырехсложные слова – 8,7%, однако полностью отсутствуют пятисложные слова (см. рис. 1).

Таким образом, мы можем описать сверхъядро как почти полностью сформированное из «короткого» слова (98%), в то время как на ядро приходится 74% коротких слов и 25,5% длин-

ных слов. Тем не менее, полученные данные говорят об абсолютном преобладании коротких слов в высокочастотной и частотной стратах АНК: 86% «коротких» слов в сравнении с 14% «длинных».

«Ритмическая структура» высокочастотного двусложного слова может характеризоваться как хорейческая (95% слов). Из 19 двусложных слов только одно имеет ударение на второй слог, что составляет всего 5% всех слов. В частотной страте значительно меняется соотношение между хорейскими и ямбическими структурами. Среди двусложных слов количество слов с ударением на первый слог уменьшается на 20%. А количество слов с ударением на второй слог увеличивается на 25%. Соотношение между хорейскими и ямбическими словами в частотной страте 70 к 30% соответственно (см. рис. 2).

В частотной страте резко увеличивается количество трехсложных слов: 283 слова, в сравнении с высокочастотной стратой, где было всего 2 слова, одно из которых является начальнотударным, а другое – среднеударным. Соотношение между грациями трехсложного частотного слова следующее: 54% начальнотударных слов, 45% срединнотударных и только 1% конечнотударных слов (рис. 3).

Однако соотношение между грациями трехсложного высокочастотного и частотного слова сохраняется в общих чертах. Практически все «длинные» слова обеих страт являются начальнотударными или срединнотударными. Среди слов высокочастотной страты нет слов с ударением на последний слог, а в частотной страте их всего 3: *understand, Japanese, employees*.

По признаку *«ударная гласная»* из общего количества проанализированных словоформ высокочастотный слой АНК включает 32% слов с дифтонгами в ударной позиции и 68% – с монофтонгами. Из них с краткой ударной 49%, долгой – 12%, ретрофлексной гласной – 7%.

В ядре АНК слова распределились следующим образом: 24% слов с дифтонгами в ударной позиции и 76% с монофтонгами; из них 42% с краткой гласной, 22% с долгой и 12% с ретрофлексной гласной (см. рис. 4).

На графике видно, что в ядре количество слов с краткими ударными и дифтонгами несколько уменьшается (на 7 и 6% соответственно), при этом почти в два раза возрастает количество слов с долгими и ретрофлексными гласными в ударной позиции.

Сверхъядро АНК сформировано в основном из односложных слов, среди которых чаще всего встречаются слова с краткими гласными переднего ряда /e/ (*cell*), /i/ (*think*) – по 10% словоупотреблений от всего количества слов, /æ/ – 8,8% (*back*), долгой /i:/ – 7,7% (*people*), гласной

центрального ряда /ʌ/ – 8,8% (much) и дифтонгами /eɪ/ – 7,7% (day) и /oʊ/ – 8,8% (know) от всего количества словоупотреблений. Также встречаются ретрофлексные /ɜː/ – 3% (work), /ɑː/ – 2% (part), /oʊə/ – 1% (more), краткая /ʊ/ – 5% (good), долгая /uː/ (new) – 4% и дифтонг – /aɪ/ (time).

В ядре АНК самыми частотными являются краткие гласные /ɛ/ – 14,3% (per'cent), /ɪ/ – 11% (big), /æ/ – 8% (hand) и /ʌ/ – 6,4% (re'sult); долгие /iː/ – 10% (deal), /ɑː/ – 9% (want) и дифтонг /eɪ/ – 10% (take). Довольно часто встречаются долгая /uː/ – 3,6% (soon), дифтонги /oʊ/ – 4,7% (go) и /aɪ/ – 6% (writing); ретрофлексные /ɜː/ –

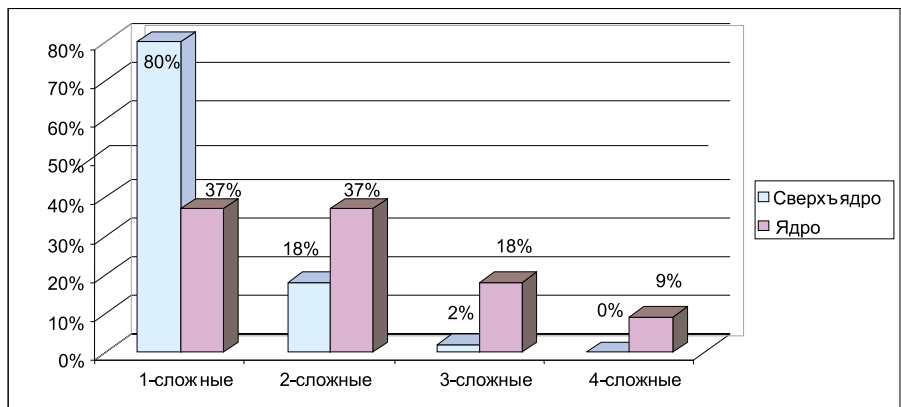

Рис. 1. Распределение слов в АНК по критерию «длина в слогах»

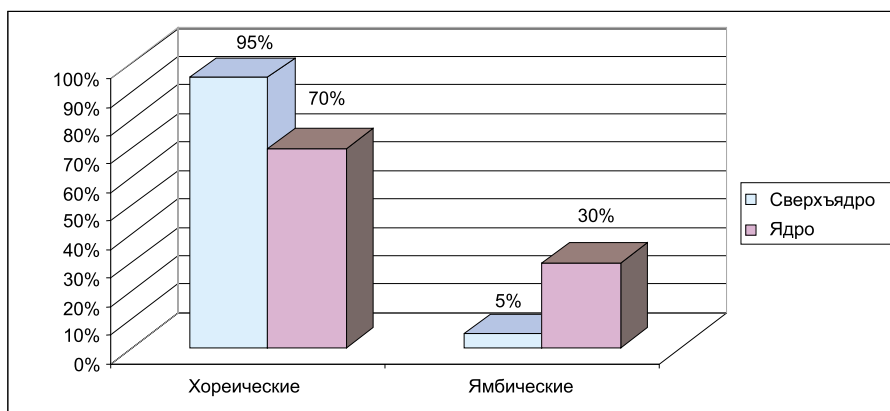

Рис. 2. Распределение двусложных слов в АНК по критерию «ритмическая структура»

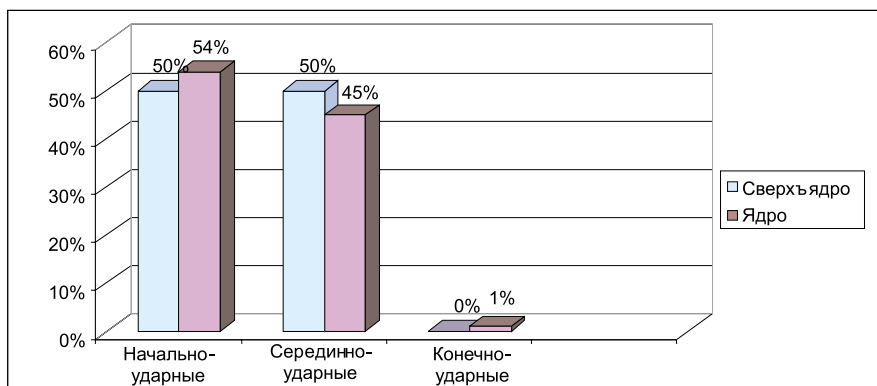

Рис. 3. Распределение трехсложных слов в АНК по критерию «ритмическая структура»

4,3% (girl), /aə/ – 2,6% (large), /oə/ – 3% (door). (см. рис. 5, 6).

На графиках видно, что несмотря на разное количество слов в сверхчастотной и частотной стратах АНК, тенденции употребления определенных фонетических типов сохраняются. Исключениями являются долгая гласная /a:/, которая присутствует в ядре, но почти совсем не встре-

чается в высокочастотном слое, и дифтонг /ou/, который в два раза шире распространен в высокочастотном слое.

Одной из основных характеристик слова при восприятии является соотношение гласных и согласных в слоге, или «консонантный коэффициент», который определяется по формуле $k=C/V$ (отношение количества согласных к количеству

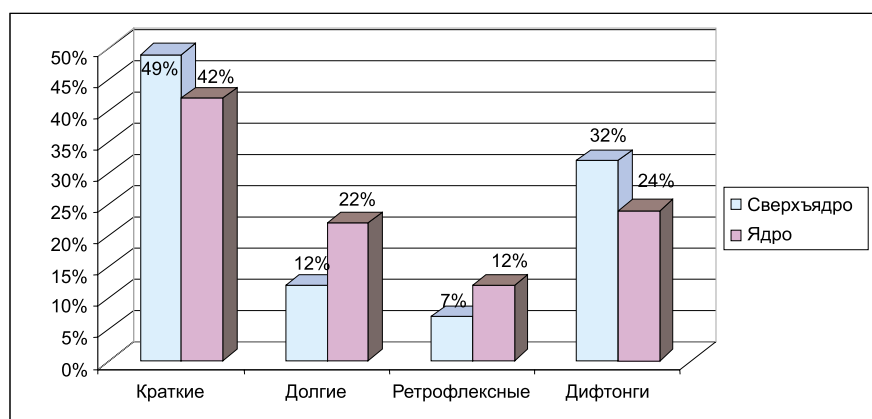

Рис. 4. Распределение слов в АНК по критерию «ударная гласная»

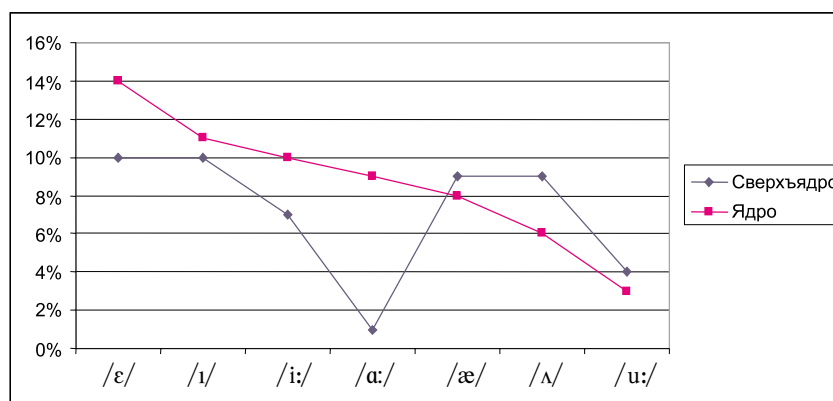

Рис. 5. Распределение слов с краткими и долгими гласными в АНК по критерию «ударная гласная»

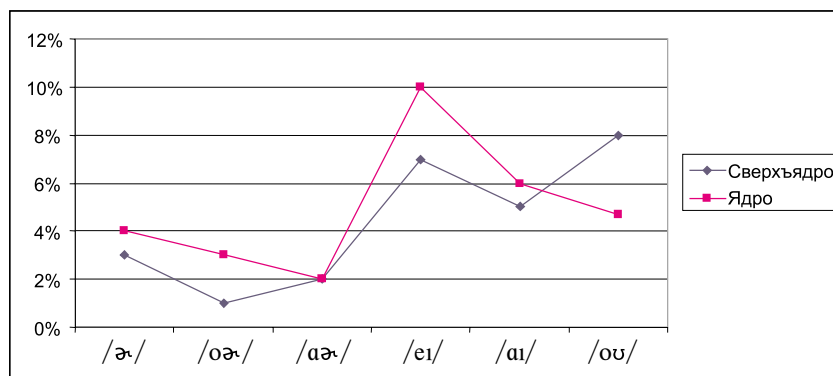

Рис. 6. Распределение слов с ретрофлексными гласными и дифтонгами в АНК по критерию «ударная гласная»

гласных в слове). Для слов высокочастотной страты АНК этот коэффициент составил $k = 1,54$. Для сравнения возьмем данные, которые приводит В. А. Никонов: для английского слова $k = 1,52$; для немецкого $k = 1,7-1,8$; для русского $k = 1,38$. Таким образом, частотное американское слово оказалось средне консонантно нагруженным. Анализ выявил 13 самых распространенных консонантных типов. Для высокочастотной страты самыми встречаемыми оказались: CVC – 42% (got) от общего количества словоупотреблений; CV – 16% (see), CVCC – 11% (things), CVCV – 6% (really), VC – 3% (are) от общего количества слов. Среди частотной страты самые распространенные типы – это CVC – 47% (head), CVCC – 24,4% (month), CCVC – 8,6% (close) CCVCC – 3,6% (groups), CCV – 2,8% (play), VC – 2% (ice) от общего количества словоупотреблений (см. рис. 7).

Таким образом, частотное американское слово является средне консонантно нагруженным. Доминирующий тип слога – CVC – для обеих страт АНК.

Следующий признак «длина в морфемах». Высокочастотная страта АНК на 82% состоит из одноморфемного слова, содержит 18% двуморфемных и совсем не включает трехморфемных и четырехморфемных слов. Частотная страта содержит 49% одноморфемных словоформ, 42% двуморфемных, 8% трехморфемных и 1% четырехморфемных словоформ (рис. 8).

Таким образом, сверхъядро АНК состоит в основном из одноморфемных слов, ядро же содержит примерно равное количество одно- и двуморфемных слов.

Рассмотрим следующий признак – *начальный звук*. Группы слов, которые начинаются с согласного звука, в сверхъядре и ядре составляют соответственно 88,7 и 86%, что почти в 7 раз больше, чем группы, которые начинаются с гласного звука: сверхъядро – 11,3% и ядро – 14% слов (см. рис. 9).

По критерию «части речи» в высокочастотной страте доля значимых слов составляет 62,5% от всего количества слов, а служебных – 37,5%. Сверхъядро содержит в 2 раза больше глаголов

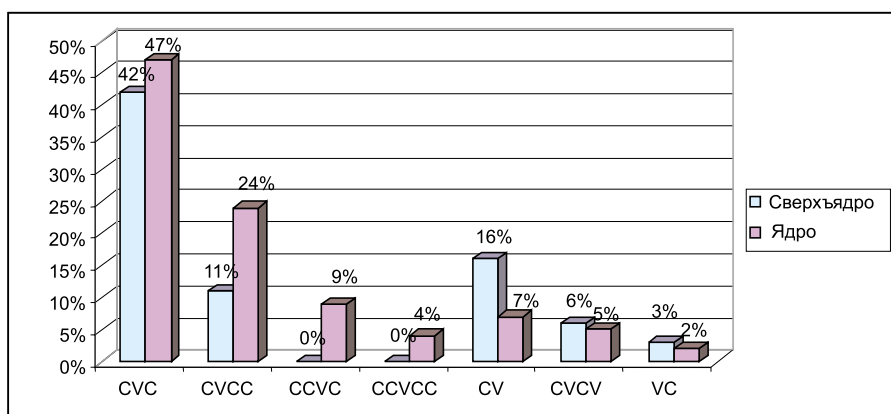

Рис. 7. Распределение консонантных типов слов в АНК

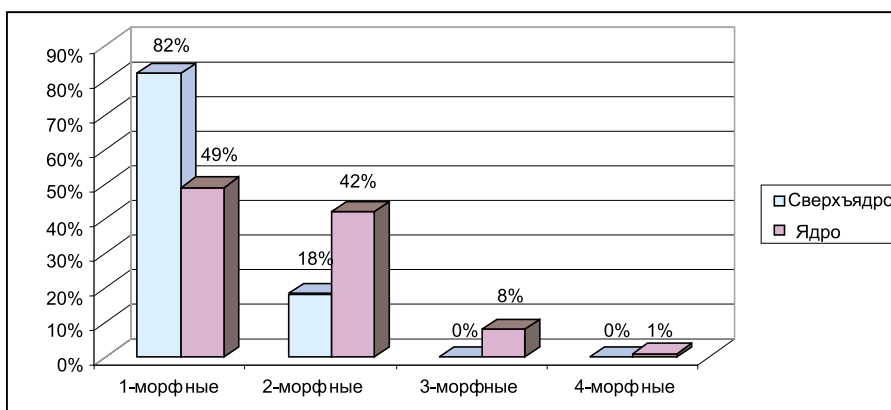

Рис. 8. Распределение слов в АНК по критерию «длина в морфемах»

(41,5%), чем существительных и наречий, на втором месте наречия (20,6%), затем существительные (20%) и меньше всего прилагательных (15%). В сравнении частотная страта сформирована на 93% из значимых слов. На долю служебных слов приходится всего 7%. При этом самыми частотными являются существительные – 58% от всего количества значимых слов. На втором месте находятся глаголы – 22%, на третьем – прилагательные (14%), на последнем – наречия (6% от всего количества значимых слов) (рис. 10).

Интересно отметить, что если взять первую сотню слов АНК, то 48% в ней составляют служебные слова: числительные, местоимения, союзы, предлоги. При переходе из одной страты в другую доля служебных слов уменьшается в 5,3 раза. В частотной страте в 2,9 раза больше существительных и в 1,9 раза меньше глаголов, количество прилагательных примерно такое же, а наречий в 3,3 раза меньше. Высокий процент служебных слов в высочастотной страте и переход слов из одной грамматической категории в другую в частотной страте являются подтверж-

дением аналитического строя американского варианта английского языка.

Таким образом, сравнительный анализ высокочастотной и частотной страт АНК с точки зрения набора лингвистических признаков позволил выявить перцептивные типы слов, которые составляют частотное ядро американской лексики. На следующем этапе исследования планируется сравнить перцептивные типы частотных ядер АНК и БНК.

Результаты настоящего исследования позволяют охарактеризовать частотное американское слово как на 86% «короткое» слово, в котором ударной чаще всего является гласная переднего ряда /ε/, /i/, /i:/, или дифтонг /eɪ/. По ритмической структуре оно начально- или срединно-ударное. Частотное американское слово средне консонантно нагруженное, с доминирующим типом слога – SVC.

Полученные данные не являются окончательными, требуют более глубокого анализа и с неизбежностью сопоставления с британским вариантом. Описание характеристик американского сло-

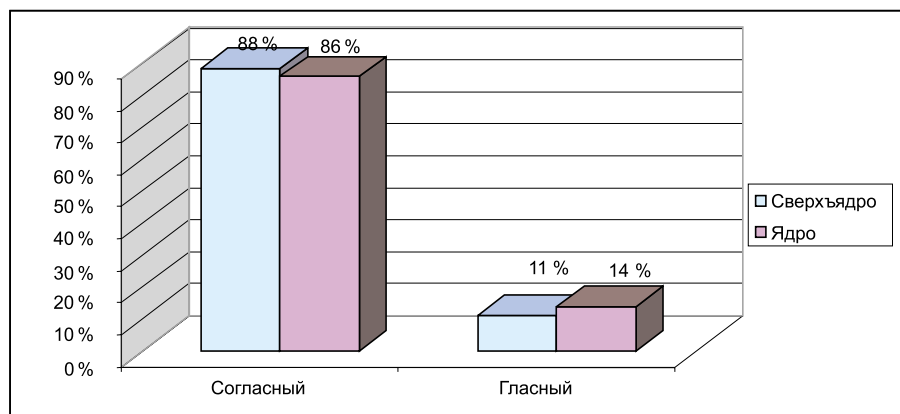

Рис. 9. Распределение слов в АНК по критерию «начальный звук»

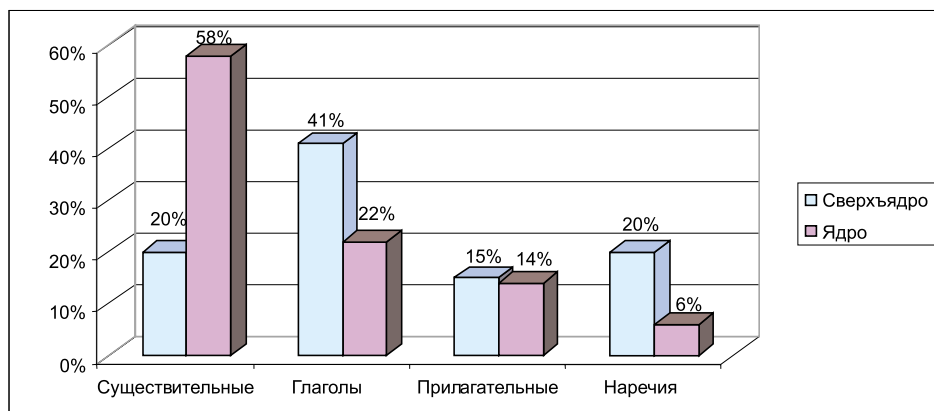

Рис. 10. Распределение слов в АНК по критерию «части речи»

ва в количественном и качественном отношении и сравнение их с характеристиками английского слова позволит более подробно описать своеобразие облика американского слова и ответить на вопрос о существовании *единой* или *разных* перцептивных баз двух основных вариантов английского языка. Это направление исследования представляется важным как с теоретической точки зрения – изучения процессов восприятия акцентно окрашенной речи в аспекте билингвизма, так и с практической – при обучении иностранному языку.

Примечания

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
2. Плоткин В. Я. Строй английского языка. М., 1989.
3. Там же.
4. Ильиш Б. А. Современный английский язык. Теоретический курс. Изд. 2-е. М., 1948.
5. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 140.
6. Зиндер А. Р. Общая фонетика. Л., 1979.
7. Там же.
8. Леонтьев А. А. Психология восприятия и восприятие речи // ИЯШ. 1975. № 1.
9. Studdert-Kennedy M., Liberman A. M., Harris K. S. & Cooper F. S. (1970). Motor theory of speech perception: A reply to Lane's critical review // Psychological Review. 1977. С. 234–249.
10. Kenneth N. Stevens. Acoustic Phonetics. MIT Press, 1998.
11. Ronald A. Cole, Brian Scott. Toward a theory of speech perception // Psychological Review. Vol. 81(4). 1974. Jul. P. 348–374.
12. Wayne A. Wickelgren. Network strength theory of storage and retrieval dynamics // Psychological Review. Vol. 83(6), 1976. Nov. P. 466–478.
13. Абрамов В. Е. Моно- и билингвальные механизмы восприятия звучащей речи. Самара, 2004.
14. Hawkins S. Looking for invariant correlates of linguistic units: two classical theories of speech perception // The acoustics of speech communication: fundamentals, speech perception theory and technology / ed. J. M. Pickett Bouston; London; Toronto; Allin and Bacon, 1999.
15. Леонтьев А. А. Указ. соч.
16. Hawkins S. Op. cit.
17. Ельцова М. Н. Категория напряжения и напряженности простого повествовательного предложения: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
18. Sendlmeier W. F. A model for the phonetic mental representation of words // Proceedings XIth ICPhS, August 1–7, 1987. Tallinn, 1987. Vol. 1. P. 68–71.
19. Ibid.
20. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
21. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. М., 1994.
22. Зиндер А. Р. Реальный поток речи и «реконструкция» фонемного состава слова // Теория языка. Методы его исследования и преподавания: сб. ст. к

100-летию со дня рождения Л. В. Щербы / отв. ред. Р. И. Аванесов. Л., 1981. С. 102–106.

23. Бондарко А. В. Что такое «фонология носителей языка» // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. СПб., 2004. С. 334–341.

24. Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика: основные вопросы. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 118.

25. Зиндер А. Р., Штерн А. С. Факторы, влияющие на опознание слова // Материалы IV Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 30 мая – 2 июня 1972 г. / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1972. С. 100–108.

26. Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. С. 236.

27. Зиндер А. Р., Штерн А. С. Указ. соч. С. 100–108; Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1990. С. 28.

28. Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Пермь: УрО РАН, 2007.

29. Mencken H. L. The American Language. An Inquiry into the Development of English in the United States. N. Y., 1921.

30. Чугаева Т. Н. Указ. соч.

31. Там же.

32. Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. С. 346; Байбурова О. В. Механизмы восприятия разнотипных типов английского слова: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. С. 223.

33. Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. С. 346.

34. Там же.

35. Байбурова О. В., Чугаева Т. Н. О вариантах перцептивной базы английского языка // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2004. Вып. 4: Динамика языковых ситуаций. С. 59–62; Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. С. 246.

36. Там же.

37. Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. С. 346.

38. Малаховский А. В. Принципы частотной стратификации словарного состава языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1980. С. 99–105.

39. Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. С. 346; Байбурова О. В. Механизмы восприятия разнотипных типов английского слова: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. С. 223; Кокорина Т. В., Чугаева Т. Н. Влияние контекста на восприятие английского слова // Ученые записки ПГТУ. Пермь, 2002. С. 61–67; Конарева О. Ю., Чугаева Т. Н. Фонетическая интерференция при восприятии английского односложного слова // Проблемы социо- и психолингвистики... / отв. ред. Е. В. Ерофеева. Вып. 3. Пермь, 2002. С. 83–67; Ощепкова О. В. Влияние морфемной структуры на восприятие «длинного» английского слова в родном и неродном языках // Проблемы социо- и психолингвистики... / отв. ред. Е. В. Ерофеева. Вып. 5. Пермь, 2004. С. 58–62.

Г. В. Порческу

**ВЕРОЯТНОСТНЫЕ КРИТЕРИИ ОПИСАНИЯ
ЗВУЧАЩЕГО АНГЛИЙСКОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

В статье обсуждаются предварительные результаты контент-анализа различных типов английского предложения на материале устной речи носителей английского языка (британский вариант). Полученные статистические данные позволяют описать некоторые существенные лингвистические особенности, которые определяют перцептивный облик английского предложения.

The article discusses preliminary results of the content analysis of types of the English sentence in oral speech. The statistic data can help to describe some of the essential linguistic features of the English sentence, which define its perceptual image.

Ключевые слова: английское предложение, восприятие, существенные лингвистические особенности, контент-анализ.

Keywords: English sentence, perception, essential linguistic features, content analysis.

При описании строя конкретного языка неверно ограничиваться лишь точкой зрения говорящего, поскольку системы, отвечающие за порождение и восприятие речи, обслуживаются различными механизмами. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте включает единицы разных языковых уровней на «поверхностном» или «собственно языковом» уровне восприятия. При восприятии на первый план выходит форма языковой единицы, при этом опора осуществляется на обобщенные лингвистические признаки этой единицы [1]. Можно предположить, что к описанию английского предложения применимы вероятностные критерии, которые выявляют его существенные лингвистические характеристики (Т. Н. Чугаева), определяющие перцептивный облик предложения.

Перцептивный процесс не дан непосредственному наблюдению исследователя, что вызывает определенную трудность описания его механизмов. Одним из путей преодоления этой трудности может считаться выявление статистических закономерностей организации перцептивной базы (ПБ) языка (термин З. Н. Джапаридзе), поскольку закономерности языковой системы носят вероятностно-статистический характер. Современные экспериментальные исследования подтверждают значимость частотности речевых единиц при построении моделей восприятия речи. Е. В. Ягунова отмечает, что для решения проблем моделирования перцептивного процесса не-

обходимы исследования, проводимые на корпусе текстов, что позволяет выявить распределение частот встречаемости тех или иных единиц и их классов, конструкций и их типов [2], то есть их вероятностные характеристики. Изучение вероятностных характеристик английского предложения позволяет описать распределение перцептивных типов английского предложения в ядре языка и на его периферии.

Важность обращения к статистическим данным функционирования речевых единиц в речи подчеркивается в работах многих лингвистов (Н. Д. Андреев, А. Р. Зиндер; Б. Н. Головин; Е. В. Ерофеева; Р. Г. Пиотровский; Joe E. Pierce). Р. К. Потапова утверждает, что единицы каждого из ярусов языка (фонологический, морфологический, лексический, синтаксический, семантический) обладают коммуникативной активностью, степень которой может быть представлена посредством лингвостатистических данных [3]. А. Н. Баранов считает, что использование статистических методов в языкознании дополняет структурную модель языка вероятностным компонентом, то есть создает структурно-вероятностную модель, обладающую значительным объяснительным потенциалом [4]. Вероятностно-статистический анализ, по мнению В. Г. Адмони, особенно важен при изучении употребления грамматических явлений в современном языке, когда это изучение имеет не чисто теоретическое значение, а должно служить прикладным целям [5].

В самом общем виде роль вероятностных факторов проявляется в том, что в экспериментах по изучению речевого поведения человека реакции испытуемых на частые стимулы отличаются от их реакций на редкие стимулы. Таким образом, в речевых механизмах существует определенная иерархическая организация элементов речи в соответствии с частотой их встречаемости в речевой деятельности индивида [6]. Таким образом, по замечанию Т. Н. Чугаевой, специфически строевое в языке воспринимается как ядерное или частотное, нетипичное – как периферийное (редкое) [7].

Вероятностный критерий учитывается во многих моделях восприятия речи (А. В. Венцов, В. Б. Касевич; А. С. Штерн; D. E. Brodbeck; D. H. Forster; S. Hawkins и др.). Признается, что слушающий имеет многочисленные источники информации для выбора единственно возможной единицы ПБ, используя ряд стратегий оперирования данными источниками [8]. Одним из наиболее значимых критериев является частотность единиц в речи, что было показано рядом экспериментов [9].

В экспериментах на восприятие, проводимых А. С. Штерн, фактор «частотность» – единственный, который оказался существенным при всех видах помех и при всех степенях тяжести усло-

вий приема. В общем виде эта закономерность определяется так: чем чаще отрезок функционирует в речевом опыте индивида, тем лучше он воспринимается. При этом чем тяжелее условия приема, тем больше проявляется зависимость частот опознания от вероятности стимулов [10].

В настоящей статье, используя термин «*частотность*», мы будем иметь в виду свойство языковой единицы, указывающее на то, как часто эта единица встречается в текстах, созданных на данном языке [11]. Информация о статистических закономерностях функционирования единиц языка и языковой системы лежит в основе такой методики анализа данных, как *контент-анализ* (далее – КА), который позволяет выявить регулярные, а значит, закономерные характеристики лингвистических признаков предложения.

КА, согласно А. А. Иудину и А. М. Рюмину, – это подсчет встречаемости некоторых компонентов в анализируемом информационном массиве, дополняемый выявлением статистических взаимосвязей и анализом структурных связей между ними, а также снабжением их теми или иными количественными или качественными характеристиками [12].

Главная предпосылка КА – это определение единиц анализа. В настоящем исследовании *единицей анализа* выступало английское предложение. *Единицы кодирования или счета* (отдельные сегменты текста, помещаемые в ту или иную категорию) – это лингвистические признаки предложения, такие как структурный тип предложения (простое, сложноподчиненное, сложносочиненное, сложное предложение смешанного типа); коммуникативный тип предложения; длина простого предложения в словах; количество частей сложного предложения; сочинительные и подчинительные союзы как основное средство связи предложений внутри сложного; конструкции с неличными формами глагола; видовременная форма сказуемого. На основании результатов КА делаются некоторые выводы о вероятностных характеристиках синтаксического строя английского языка. Таким образом, основной *целью* КА является статистическое описание лингвистических признаков английского предложения, выявление перцептивных типов английского предложения, составляющих ядро ПБ носителя языка.

КА типов английского предложения был проведен на материале устной диалоговой речи носителей английского языка (британского варианта). Материалом для анализа послужили скрипты девяти передач «Money Box Live» канала BBC News Channel, посвященных обсуждению экономических вопросов. В передачах эксперты – гости передачи отвечают на вопросы слушателей, обсуждая предлагаемую ими ситуацию в студии. Вопросы поступают в студию по телефону или

посредством электронной почты. Архив записей передач находится на ресурсе: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/moneybox/7813519.stm>. Общий объем выборки составил 2595 предложений. В статье результаты КА представлены в количественном и процентном соотношении и в виде графиков.

Структурные типы английского предложения (см. рис. 1)

Самым частотным типом предложения в исследуемом материале является сложноподчиненное предложение: 1114 единиц, или 42,9% от общего количества предложений, например: *Well many companies actually do have lists of approved manufacturers who do actually produce devices and various other measures that actually work.*

На втором месте по частотности находятся простые предложения (строго монопредикативные, исключая предложения с осложняющими конструкциями/конструкциями вторичной предикации): 590 единиц, или 22,8% от общего количества предложений, например: *And top of their worries is usually money.*

Предложений, содержащих в своем составе осложняющие конструкции, 342, или 13,2%* от общего количества предложений (в соотношении к строго монопредикативным предложениям – 36,6%) (анализ проходил только на материале предложений, содержащих одну полную предикативную линию). Всего в материале 290 случаев (64%) использования неличных форм глагола (самый частотный – инфинитив: 137 единиц, или 47,2% всех неличных форм, или 30% всех осложняющих элементов) в качестве осложняющего элемента, однородные члены предложения встречаются 78 раз (17%), другие виды осложнения (вводные конструкции, сравнительные обороты, обособленные второстепенные члены предложения) встречаются 89 раз (19%), из них самый частотный тип – приложение (30 случаев – 7%).

Количество сложных предложений смешанного типа (содержащих подчинение и сочинение) в материале – 395 единиц, или 15,2%, например: *Landlords make commercial decisions and whichever suits them best is the way they'll go.*

Самыми редкими оказались сложносочиненные предложения, их в материале 154, что составляет 5,9% от общего количества предложений, например: *You've tried those things and you've come to a dead end* (см. рис. 1).

Длина предложения

Длина простого предложения подсчитывалась в словах. В нашем материале она варьирует от 1 слова (2 предложения) до 21 слова (1 предложение). Например:

Sorry. (1 слово)

Three months of that would be paid at the statutory maternity pay rate of 123 a week. (21 слово)

Основная часть массива – это предложения от 2 (50 предложений) до 9 слов (43 предложения); всего в этой группе 537 предложений, то есть 91% всех простых предложений. Средняя длина простого предложения составляет 5,8 слова.

Длина осложненного предложения варьирует от 4 до 37 слов. Например:

That's useful to know. (4 слова)

In its classification of managed funds, it's giving up the three adjectives Active, Balanced, and Cautious, and replacing them well with their initials – A, B and C – and a new category, D, to be introduced next year. (37 слов)

Основная часть осложненных предложений варьирует в длине от 6 до 13 слов. Средняя длина осложненного предложения составляет 11,7 слов.

Средняя длина сложного предложения составляет 22 слова. Среди сложных предложений встречаются как относительно короткие предложения: *There we are, that's your answer* (6 слов), так и предложения, длина которых превышает 70 слов, например: *There was in fact a case in Europe some years ago where a woman was offered a maternity cover post for a fixed term contract and she was in fact pregnant herself and*

was going to be having the baby during the very time she was supposed to be doing maternity cover, and when her new employer found out, they withdraw the job offer saying you should have told us that. (71 слово)

Коммуникативные типы предложения

Анализ коммуникативных типов предложения проходил на выборке из простых предложений и простых предложений, содержащих осложняющие конструкции, всего 932 предложения. Большая их часть – это повествовательные предложения – 727 предложений, или 78%, вопросительных предложений – 175, или 18,8%, из них общих вопросов – 78 предложений (8,4%). Интересно, что почти треть этой группы (24 единицы) – предложения, которые функционально используются как общий вопрос, но при этом порядок слов в предложении – прямой, например: *But new complaints can still be lodged? So you're starting from scratch? This is the Disability Discrimination Act?*

Специальных вопросов в нашем материале – 58 (6,2%). На третьем месте по употребительности стоят разделительные вопросы – 31 (3,3%). Альтернативных вопросов всего 8 (0,9%). Повелительных предложений – 30 единиц, что составляет 3,2% (рис. 2).

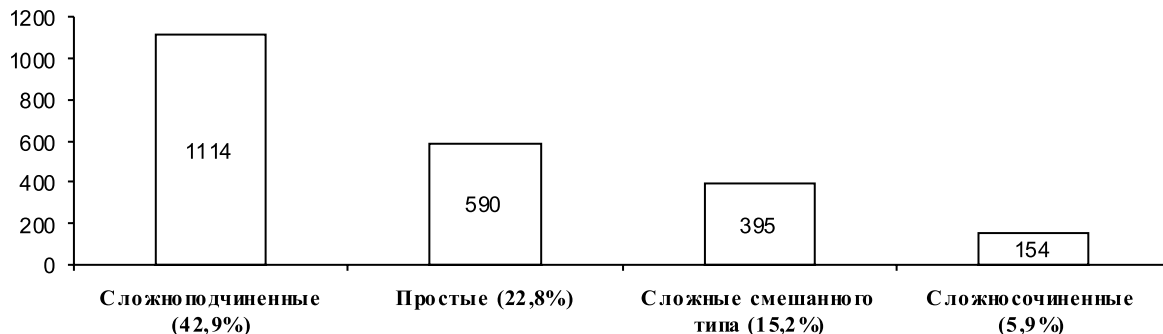

Рис. 1. Представленность структурных типов предложений

Рис. 2. Коммуникативные типы простого предложения

Количество структурных частей сложного предложения

Сложносочиненные предложения состоят из 2–4 частей, из 2 частей – 124 предложения, или 80,5% от количества всех сложносочиненных предложений, из 3 частей – 25 предложений (16,2%) и из 4 частей – 5 предложений (3,3%) (рис. 3).

Количество частей сложноподчиненного предложения варьирует от 2 до 11, при этом половина всех сложноподчиненных предложений – это предложения, имеющие одно придаточное – 583 единицы (52,4%); предложений с двумя придаточными – 308 (27,7%); с тремя – 142 (12,7%); 48 (4,3%) предложений содержат 4 придаточных; 25 (2,2%) предложений – пять

придаточных; 6 предложений с шестью придаточными и по одному предложению содержат 8 и 10 придаточных, что вместе составляет 0,7% (рис. 4).

Среди сложных предложений смешанного типа самая представительная группа – предложения, состоящие из 4 частей, их 135 (или 34,1%); следующая группа – предложения, состоящие из 3 частей: 114, или 28,9%; предложений, содержащих 5 частей – 57, или 14,4%; 45 (11,4%) предложений содержат шесть частей; предложений, состоящих из 7 и 8 частей, соответственно 22 (5,6%) и 11 (2,8%). Предложений, состоящих из 9, 10, 11, 12 частей, – 5, 3, 2 и 1 соответственно, что вместе составляет 2,8% (см. рис. 5).

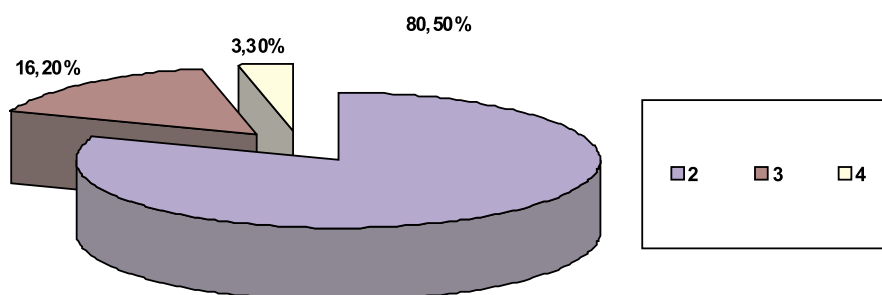

Рис. 3. Количество структурных частей сложносочиненного предложения

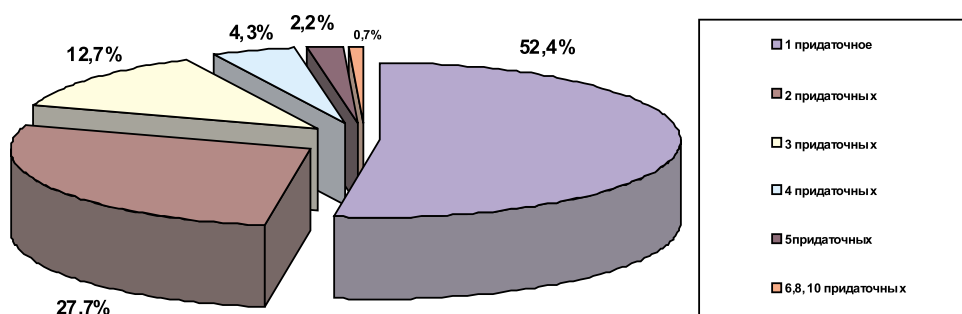

Рис. 4. Количество придаточных сложноподчиненного предложения

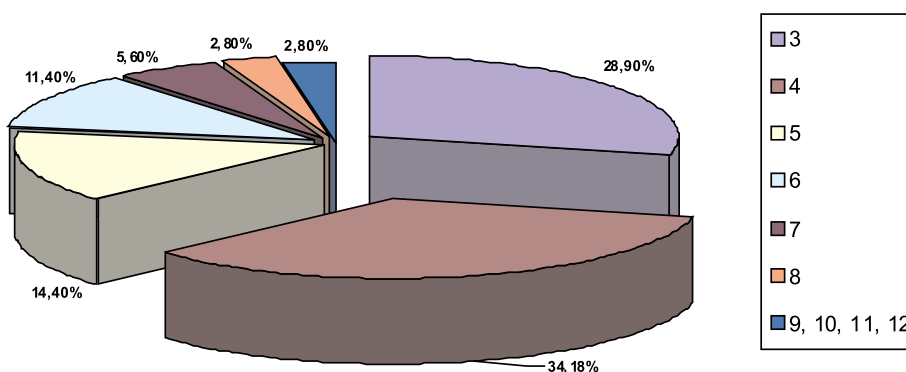

Рис. 5. Количество структурных частей сложного предложения смешанного типа

Таким образом, основная масса всех сложных предложений состоит из 2 или 3 структурных частей (см. таблицу).

Частотный анализ союзов

Общее количество союзов в материале исследования составило 2499. Самым частотным оказался союз *that*, который встретился 441 раз, или 17,6% (присоединяющий дополнительное придаточное, в значении «что» – 273, присоединяющий определительное придаточное – 168). На втором месте – сочинительный союз *and*, он нам встретился 416 раз, что составляет 16,6%. На третьей позиции союз *if* в количестве 275 словоупотреблений, или 11% (в 255 случаях это союз «если», а в остальных случаях это союз «ли»). Следующая позиция принадлежит союзу *what* с частотой встречаемости 7,1%, что в абсолютных величинах составляет 178 словоупотреблений. Союзы *because*, *which*, *but* примерно в равном соотношении 159 (6,4%), 155 (6,2%) и 149 (6%) соответственно. Подчинительный союз *who* встречается 122 раза, или 4,9%. Союзы *when* и *so* встречаются 82 (3,3%) и 76 (3%) раз соответственно. Встречаемость союзов *whether*, *where*, *as*, *or*, составила 2,2, 2, 2 и 1,9% (56, 49, 49 и 47 соответственно). Союзы *how* и *before* встречаются 32 и 26 раз (1,3 и 1% соответственно). Встречаемость

следующих союзов ниже 1%: *why*, *~ever*, *once*, *so that*, *after*, *although*, *than*, *unless*, *while*, *as if*, *how much*, *until*, *though*, *as ... as*, *as though*, *whose*, *whereas*, *as long as*, *as much as*, *as far as*, *since*, *either ... or*, *whilst*, *how long*, *like*, *therefore*, *till*, *by the time* (рис. 6).

Следует отметить, что довольно распространенным типом связи является *бессоюзная связь*. В исследованном материале 1071 придаточных предложения были присоединены к другой структурной части с помощью данного типа связи. Если вспомнить, что количество союзов и, соответственно, «союзных» придаточных предложений составило 2499, получается, что 29,9% всех придаточных присоединяется к другой структурной части посредством бессоюзной связи.

Видовременные формы сказуемого

Всего проанализировано 4830 видовременных форм сказуемого. Самой частотной формой оказалась форма Present Simple Active – 2894 единицы (59,9% всех сказуемых), при этом самый частотный глагол в этой форме – глагол *to be* – его в материале 1496 единиц (51,7% форм Present Simple).

В корпусе предложений 515 (10,7% всех сказуемых) сказуемых – в форме Past Simple Active, из них 116 (22,4% форм Past Simple) случаев ис-

Количество частей сложного английского предложения

Количество частей	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Сложносочиненные	124	25	5								
Сложноподчиненные	583	308	142	48	25	6		1		1	
Смешанные		114	135	57	45	22	11	5	3	2	1
Общее количество	707	447	282	105	70	28	11	6	3	3	1

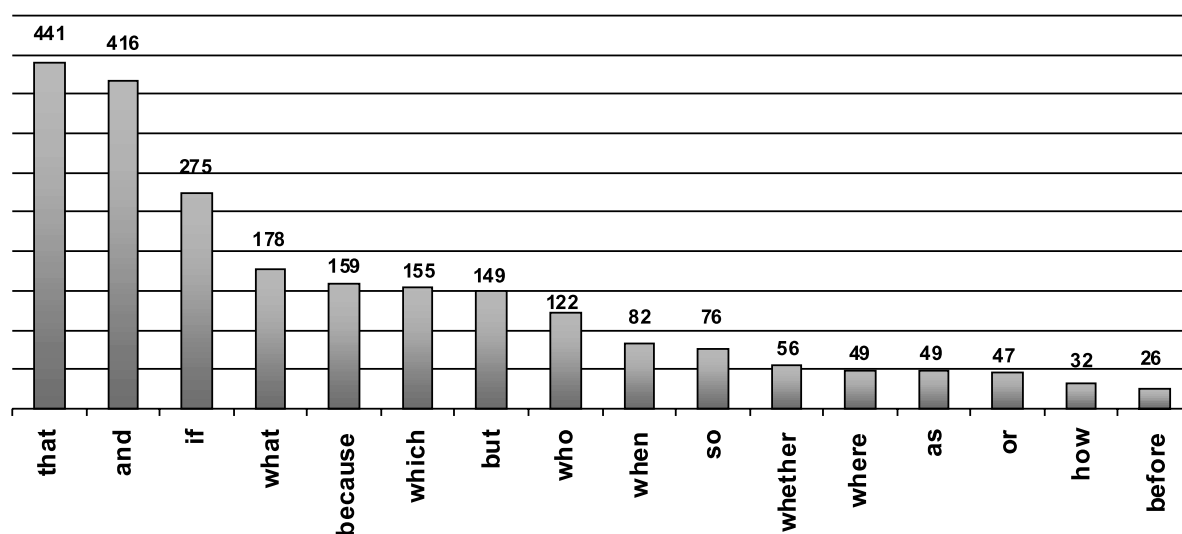

Рис. 6. Частотный анализ союзов

пользования глагола *to be*. Формы Present Perfect Active и Present Continuous Active используются примерно одинаковое количество раз: 290 (6%) и 266 (5,5%) соответственно. Довольно частотным оказывается оборот *have got*, который формально можно отнести к формам Present Perfect Active. Мы решили подсчитать количество употреблений этого глагола отдельно, и оно составило 92 единицы (1,9% всех сказуемых) и один случай употребления *have got* в форме Past: *had got*.

Следующими формами по частотности идут Future Simple Active, они составляют 199 употреблений (4%); форма Future-in-the-Past встретилась в нашем материале 189 раз (мы не анализировали форму инфинитива), что составляет 3,9%; затем идут форма Present Simple Passive – 161 единица (3,3%), формы Past Simple Passive и Present Perfect Passive – 42 (0,9%) и 41 (0,8%) употреблений соответственно. Затем по убыванию идут формы Past Continuous Active (33 случая), Past Perfect Active (31), Present Perfect Continuous Active (23), Future Simple Passive (23), Present Continuous Passive (14), Future Continuous Active (13), Past Perfect Passive (2), Past Continuous Passive (1), что вместе составило 2,9%

В экспериментальном материале самой частотной глагольной формой оказался глагол *to be* – 1689 употреблений (35% всех видовременных форм сказуемого в материале), из них в форме Present – 1496 (88,6% всех форм глагола *to be*), Past – 116 (6,9%), Future Simple – 46 (2,7%), Present Perfect – 29 (1,7%), Past Perfect – 2 (0,1%).

Осложняющие конструкции с неличными формами глагола

При анализе частотности неличных форм глагола учитывались 4 неличные формы глагола: инфинитив, герундий, причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени.

Наиболее частотной неличной формой глагола оказался **инфинитив**. В исследуемом корпусе текстов общее количество случаев использования инфинитива – 808.

На втором месте по частотности находится **герундий**. Всего в исследуемом материале 278 случаев использования герундия.

Причастие прошедшего времени (Participle II) встретилось в материале в 197 случаях.

Случаев использования **причастия настоящего времени** (Participle I) в нашем материале – 167.

Всего неличных форм глагола в исследуемом корпусе 1450, доля инфинитива в процентном соотношении 55,7%, герундия, причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени соответственно 19,2, 11,5 и 13,6%. Самые частотные конструкции (в соотношении с общим количеством конструкций с неличными формами глагола):

V + to Inf (21,8%);
N + to Inf (10,1%);
Adj + to Inf (9,2%);
N + pr + Ger (6,6%);
P2 + N (6,4%);
V + N + (to) Inf (так называемый “complex object”) (6,3%);
N + P1 (5,9%);
V + pr + Ger: (4,8%).

Предварительные результаты контент-анализа показывают, что представленность различных типов предложения в исследуемом массиве текстов неравномерна.

Самым частотным структурным типом английского предложения является сложноподчиненное предложение (более 40%). Это подтверждает высказывание авторов Longman Grammar of Spoken and Written English (далее LGSWE) о том, что носители языка в устной речи используют достаточно большое количество сложных грамматических конструкций [13]. Большая часть сложных предложений состоит из 2 и 3 структурных частей. Самым распространенным типом связи между частями сложного предложения оказывается бессоюзная связь.

Наиболее частотные союзы в нашем материале – *that* и *and*, что согласуется с данными BNC, в котором союз *and* имеет 7-значный индекс частотности, а союз *that* – 6-значный. Следующими по частотности идут союзы *if*, *what*, *because*, *which*, *but*, но по сравнению с *that* и *and* эти союзы используются в 2 и более раз реже. Эти данные также согласуются с LGSWE: например, самые частотные соединительные союзы *and* (12000 ipm – items per million), *but* (5500 ipm), *or* (2000 ipm) [14], соотношение между частотностью этих союзов в нашем материале сохраняется примерно таким же: 416, 149 и 47 соответственно. Также союзы, которые вводят адвербиальные придаточные, по степени убывания частотности располагаются следующим образом: *if*, *because*, *when* и в нашем материале, и в цитируемой грамматике [15]. Тем не менее, наблюдаются и некоторые расхождения. Так, согласно LGSWE, частотность придаточных с союзом *that* составляет примерно 7200 единиц на миллион словоупотреблений в разговорном регистре, что гораздо ниже по сравнению с союзом *and* (в нашем материале *that* более частотен, чем *and* – 441 единица). Союз *if*, по данным LGSWE, чаще используется в разговорном регистре в значении ‘ли’, нежели союз *whether*, что противоречит нашему материалу – 20 и 56 случаев соответственно. Союз *if*, по мнению авторов LGSWE, характерен для разговорно-обиходного (colloquial style) стиля [16], который не вполне соответствует стилю беседы данной радиопередачи, чем и можно объяснить эту разницу.

Простых предложений в нашем материале почти в 2 раза меньше, чем сложноподчиненных. Более половины полнопредикативных синтаксических конструкций являются осложненными. В большинстве случаев осложнение происходит за счет использования неличных форм глагола, в половине случаев это инфинитив. В предложении к другому глаголу или, реже, к существительному или прилагательному. Сложное дополнение с инфинитивом; герундий, подчиненный существительному, и причастие прошедшего времени, используемое в качестве определения к существительному, также широко используются в качестве осложняющих элементов. Авторы LGSWE также обращают внимание на высокую частотность по сравнению с другими конструкциями оборота V + to Inf (2200 ipm). Анализ *ing*-формы глагола не учитывает подразделения этой формы на герундий и причастие настоящего времени, тем не менее те данные, которые содержатся в грамматике, свидетельствуют о гораздо меньшей частотности оборотов с этими неличными формами глагола [17]. Также обращается внимание на то, что конструкции с инфинитивом почти в два раза более частотны, чем конструкции с *ing*-формой, и на общую тенденцию более высокой частотности конструкций с инфинитивом и *ing*-формой в других языковых регистрах (художественная литература, новостные тексты и академическая проза). В то же время, если мы обратимся к результатам исследования А. Г. Швеца, выясняем, что в нашем материале конструкция *complex object* с инфинитивом немного более частотна: 91 на 2595 предложений в нашем материале и 68 на 3000 предложений в материале указанного автора [18]. Исследователь использовала в качестве исследуемого материала три группы текстов: научные, официально-деловые и газетные, лишь в последней группе эта конструкция довольно частотна, для первых же двух она не характерна. По данным LGSWE, эта конструкция также наиболее частотна в новостных текстах.

Что касается коммуникативных типов предложения, интересно наблюдение, что почти треть общих вопросов структурно представляет собой повествовательный тип предложения, то есть вопросы сохраняют прямой порядок слов. Авторы LGSWE, которые также отмечают этот факт, предлагают следующее объяснение этому наблюдению: такого рода вопросы, скорее, требуют подтверждения информации, а не служат для запрета таковой. Они называют такие вопросы *declarative questions* [19]. Распределение частотности по типам вопросов не совсем соответствует нашим результатам: общие вопросы, разделительные, специальные и альтернативные (в порядке убывания). В нашей выборке специальные

вопросы более частотны по сравнению с разделительными, это можно объяснить тем, что обращавшиеся в передачу люди звонили с целью разъяснения конкретной информации, что требовало использования специальных вопросов. В целом же превалирование в устной речи общих и разделительных вопросов авторы LGSWE объясняют тем, что вопросы в устной речи чаще используются для прояснения общей позиции и ее укрепления, именно эти типы вопросов выполняют эту функцию [20].

Средняя длина английского предложения составляет 13,16 слова.

Более половины сказуемых в нашем материале имеют форму Present Simple. Следующей по частотности идет форма Past Simple, но таких сказуемых в материале меньше почти в 5 раз. За ними по частотности идут формы Present Perfect и Present Progressive, но их частотность ниже Present Simple практически в 10 раз. Пассивных форм в нашем материале немногим более 6%, самая частотная – Present Simple Passive. Данные LGSWE полностью соответствуют этим результатам, хотя сначала анализ приводится по группам Present и Past, затем по аспектам Perfect и Progressive. Подавляющее большинство личных сказуемых в разговорном регистре стоят в форме Present, при этом примерно 90% глаголов – Simple. Perfect используется немного чаще, чем Progressive [21]. Глагол *have got* авторы грамматики относят к форме Present Perfect и называют его самым частотным глаголом этой формы в разговорном регистре. Что касается пассивных форм, они составляют 2% всех личных форм глагола, при этом авторы LGSWE замечают, что на выбор пассива может повлиять ряд составляющих речевого общения, например характер информации (данное – новое) [22]: так, в нашем материале каждый звонивший представлял новую проблему; вероятно, это и определило больший процент пассивных конструкций. Наиболее распространенным глаголом в нашем материале оказался глагол *to be* в форме Present.

Таким образом, данные контент-анализа говорят о том, что высокочастотная группа английских предложений состоит в большинстве из сложных предложений, имеющих 2–3 структурные части, при этом они могут быть соединены как с помощью коннекции, так и примыканием. Доля примыкания как способа связи структурных частей сложного предложения составляет примерно 30%. Коннекция как способ связи чаще реализуется через союзы *that* и *and*, несколько реже с помощью союзов *if*, *which*, *what*, *because*. Сказуемое в устном предложении чаще используется в одной из форм настоящего времени, при этом подавляющее большинство сказуемых стоит в форме Simple. Пассив в исследуемом корпусе

се встречается редко. Одним из наиболее распространенных типов сказуемого является составное именное сказуемое с глаголом связкой *to be* в настоящем времени. Средняя длина английского предложения несколько выше, чем русского, что объясняется более широкой системой служебных слов, и составляет 13,16 слова.

Таким образом, полученные количественные и качественные данные позволяют описать перцептивное своеобразие английского предложения и его существенных структурных характеристик, что, в свою очередь, дополняет описание синтаксического строя английского языка.

Примечания

1. См.: Чугаева Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. С. 6; Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: (экспериментальное исследование). СПб., 1992.

2. Ягунова Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) / Перм. ун-т; СПбГУ. Пермь, 2008. С. 12.

3. Потапова Р. К. Речевое управление роботом. М., 1989. С. 156.

4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М., 2001.

5. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964. С. 82.

6. Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971. С. 3–6.

7. Чугаева Т. Н. Указ. соч. С. 6.

8. См.: Риехакайнен Е. И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. СПб., 2010.

9. Штерн А. С. Указ. соч.; Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Екатеринбург; Пермь: ПНЦ УрО РАН. Пермь, 2007; Байбурова О. В. Механизмы восприятия разносложных типов английского слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008; Риехакайнен Е. И. Указ. соч.

10. Штерн А. С. Введение в психологию: Курс лекций. М.: Изд-во «Флинта» МПСИ, 2003. С. 127; Штерн А. С. Указ. соч. С. 207–208.

11. См.: Риехакайнен Е. И. Указ. соч. С. 15.

12. Иудин А. А., Рюмин А. М. Традиционные и компьютерные методы анализа документов в социологии: учеб. пособие. Н. Новгород, 2010. С. 16.

13. Biber D. et al. Longman grammar of spoken and written English / Biber D., Johansson S., Leech G. L.: Pearson Education Limited, 1999. P. 7.

14. Ibid. P. 81.

15. Ibid. P. 841–842.

16. Ibid. P. 691.

17. Ibid. P. 739–751.

18. Швец (Петрова) А. Г. Формально-синтаксическое осложнение предложения: (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. С. 13.

19. Biber D. et al. Op. cit. P. 203.

20. Ibid. P. 212.

21. См.: Biber D., Conrad S. Corpus Linguistics and Grammar Teaching 2010 P. 3. URL: http://www.longmanhomeusa.com/content/pl_biber_conrad_monograph_lo_3.pdf (дата обращения: 23.09.2012).

22. Biber D. et al. Op. cit. P. 453–483.

Когнитивные аспекты анализа языковых фактов. Лексикография. Семиотика культуры. Жанровая характеристика анекдота

УДК 821.111'37:801.7

И. В. Маркова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ “SUPERIORITY” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируются результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление ассоциативных связей, формирующих пространство социокультурного концепта “superiority” в английском языке. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу при исследовании национального языкового сознания.

The article deals with the results of the psycholinguistic experiment, representing the associations that form the sociocultural concept “superiority” in English. Particular attention is paid to the interdisciplinary approach in the research of the national language mentality.

Ключевые слова: социокультурный концепт “superiority”, языковое сознание, психолингвистический эксперимент, ассоциативное значение слова, семантические связи.

Keywords: sociocultural concept “superiority”, language mentality, psycholinguistic experiment, associative meaning, semantic ties.

Взаимодействие лингвистики с психологией и методикой обучения иностранному языку позволяет расширить область междисциплинарных исследований и способствует более глубокому изучению отдельных концептуальных вопросов в каждой из дисциплин. В частности, понятие «владение языком» включает целый ряд экстралингвистических аспектов, в том числе социокультурный, выраженный способностью понимать коммуникативно-поведенческие модели, принятые в определенной культуре и закрепленные в картине мира носителей данной культуры. Картина мира представляет собой систему концептов, под которыми в настоящей работе понимаются единицы коллективного знания, имеющие языковое выражение и определенную социокультурную специфику [1].

Исследования, направленные на выявление социокультурных стереотипов в коллективном или индивидуальном языковом сознании, традиционно проводятся либо на основе ассоциативных экспериментов, либо через анализ произведенных

языковой личностью текстов – дискурсов. Первый способ позволяет рассмотреть особенности «взаимосвязей субъективных смыслов в ограниченном пространстве небольшого фрагмента индивидуальной ассоциативно-семантической сети» [2]. Второй подход, реализуемый на материале дискурса, определяемом как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами» [3], дает возможность проследить представленность концептуальных единиц в контексте.

Для реконструкции зафиксированных в английском языке стереотипов рассмотрим структурно-смысловые особенности концепта “superiority” («превосходство»), являющегося важным элементом английской национальной концептосферы. Данный концепт отражает стереотипную черту представителей анализируемой социокультуры – снобизм, репрезентируя особенности языкового сознания и речевого поведения англичан. Кроме того, при выборе концептуальной единицы исследования учитывалось ее вхождение в ядро национального языкового сознания, а также интерес этой единицы с лексико-семантической точки зрения и в плане актуальности ее социокультурной специфики в современном обществе.

Словарь английского языка определяет “superiority” как 1) the quality of being better, more skillful, more powerful etc than other people or things; 2) an attitude that shows you think you are better than other people – used to show disapproval (*bis sense of superiority*)” [4]. Однако следует учитывать возможные расхождения между содержанием слова в словарной статье и психологической реальностью слова для носителя языка или владеющего языком на уровне вторичной языковой личности. Слово имеет концептуальную сущность, определяемую его включенностью в общую систему знаний, поэтому реальное значение всегда превосходит по объему описание, приводимое в словарях [5].

Для выявления структурно-смысловых особенностей концепта “superiority” было предпринято двухуровневое исследование на основе ассоциативного метода. На первом уровне мы обратились к свободному ассоциативному эксперименту, что позволило определить актуальное для человека психологическое значение слова “superiority”, обнаружить его потенциальную сочетаемость, а также значимость концепта “superiority” для конкретной социокультурной общности.

Рассмотрим ассоциативные связи в структуре концепта "superiority", выявленные в ходе эксперимента со студентами, изучающими английский язык на лингвистическом факультете. При предъявлении слова-стимула "superiority" за одну минуту были получены 1772 реакции на английском языке. Наиболее актуальные (частотные) ассоциации составили ядро концепта: "super", "power", "best", "money", "clever", "high", "man", "pride". Менее частотные ассоциации были отнесены к его периферийной области: "win", "confidence", "first", "leader" и пр. Ядерно-периферийная организация анализируемого концепта условно свидетельствует о полевой структуре как концептосферы в целом, так и отдельных концептов в ее составе.

Опираясь на классификацию, предложенную Ю. Н. Карауловым [6], выделим три основных типа отношений между полученными реакциями на указанное слово-стимул для определения структурно-лексического состава концепта "superiority".

1. Семантико-синтаксические связи, представленные

– синонимическими отношениями:

а) (в рамках парадигматики) "superiority" – "excellence, greatness, predominance, pre-eminence, leadership";

б) (в рамках синтагматики) "superiority" – (глагол) "excel, dominate, prevail"; (прилагательное) "superior, great(er), major, high(er), pre-eminent, excellent, first-class, prime, best"; (наречие) "more, over, above, up";

– антонимическими отношениями:

а) (в рамках парадигматики) "superiority" – "inferiority";

б) (в рамках синтагматики) "superiority" – "less, lower, second-rate; under, below".

Набор синтагматических – парадигматических реакций представляет в нашем случае особый интерес, поскольку эксперимент проводился на русскоязычных испытуемых, владеющих английским языком на уровне вторичной языковой личности [7]. Так, Н. В. Уфимцева приводит данные по материалам «Словаря ассоциативных норм русского языка» (1977), согласно которым у носителей русского языка на долю парадигматических реакций приходится 30,5% всех ассоциаций, а на долю синтагматических – 69,5%. При этом если стимулом является существительное, то 41% реакций являются парадигматическими и 59% – синтагматическими [8].

По данным исследований А. А. Залевской (1990) и Э. А. Салиховой (2012), ассоциативный набор слов у носителей английского языка, в отличие от носителей славянских языков, характеризуется значительным преобладанием парадигматических реакций [9]. Подобная картина ассоциаций может быть обусловлена типологией

английского языка, в частности его аналитической структурой.

Результаты нашего исследования показывают, что в ответах на стимул-существительное у русских студентов, профессионально изучающих английский язык, преобладают парадигматические реакции. Данный факт позволяет говорить о некотором совмещении закономерностей в функционировании родного и иностранного языка в сознании информантов [10] и способствует решению ряда вопросов, связанных с лингводидактикой, психологией и методикой овладения иностранным языком. Таким образом, соотношение синтагматических – парадигматических связей зависит от конкретного языка, носителями которого являются испытуемые, и языка, на основе которого проводится эксперимент.

2. На лингвокогнитивном уровне ассоциативные связи формируют языковую картину мира, отражая знания о данном мире, и представляют собой вербализацию индивидуальных зрительных, слуховых или иных образов. Так, например, ассоциативный ряд "superiority" – "high society", "high position", "power", "strength", "best", "to dominate" свидетельствует о том, что понятие «превосходство» в сознании современного молодого человека связано прежде всего с высоким положением в обществе ("high position") и, как следствие, наличием определенной власти ("power"), способностью к доминированию ("to dominate"). Такая группа ассоциаций, как "money", "luxury", "rich", "luxurious life" указывает на представления о богатой, роскошной жизни.

3. Оценочно-прагматические ассоциативные связи характеризуются лексически выраженной эмоционально-оценочной составляющей: "superiority" – "wow", "very actual (urgent)", "great", "snobbish", "disgusting". Указанные здесь ассоциации свидетельствуют о неоднозначном понимании «превосходства». Встречаются как положительные ("wow", "great"), так и отрицательные ("snobbish", "disgusting") оценки данного понятия. Реакции "very actual" и "urgent" говорят об актуальности проблемы превосходства в современном обществе. Особый интерес для нашего исследования представляет ассоциат "snobbish", поскольку *снобизм* является характерным признаком англичан в представлении многих респондентов.

В ходе психолингвистического анализа ассоциативные реакции на слово-стимул "superiority" были организованы в концептуальные микрополя-группы с общим семантическим компонентом ("People", "Features of Character", "Feelings and Emotions", "Appearance", "Education and Work", "Power", "Wealth"). Сравнительная интерпретация полученных ассоциативных микрополей позволила смоделировать реальную для индивида

психологическую структуру-содержание концепта "superiority".

Ассоциативная группа "People", в которую вошли слова со значением «человек/люди, выступающие в обществе в определенных социальных ролях», потенциально интегрирует значения других сегментов, поскольку они содержат внутренние ("Features of Character", "Feelings and Emotions") и внешние ("Appearance") характеристики того или иного человека, имеющего определенный уровень образования ("Education and Work"), материальное положение ("Wealth") и статус в обществе ("Power").

Представленные в данной группе ассоциаты "man", "president", "leader", "boss", "king" подтверждают словарное значение «превосходства» как «преимущества перед кем-нибудь» и указывают на статусную иерархию в человеческих отношениях в рамках соответствующего контекста. Интересно стереотипное позиционирование женщины, выведение мужчины на более высокий уровень (по отношению к себе) статусной иерархии, что демонстрируется, например, многочисленными ассоциациями "man" (а не "woman"), "king" (а не "queen").

На основании результатов ассоциативного эксперимента попытаемся обобщить составляющие концепта «превосходство» в представлении студентов-лингвистов. Итак, в сознании испытуемых слово «превосходство» было воспринято неоднозначно и включало два значения: 1) преимущество перед кем-нибудь в каком-либо отношении (например, "higher in position", "a feeling of being better than others"); 2) что-то отличное, превосходное, очень хорошее (например, "superb", "perfect").

Второе значение, выявленное посредством эксперимента, не отражено в словарных статьях и представляет значительные трудности для интерпретации, поскольку формирующие его ассоциаты могли быть вызваны не только эмоциональной реакцией респондентов на основное значение слова, но и их ошибочным морфолого-семантическим толкованием состава слова. Но очевидно, что результаты ассоциативного эксперимента позволили расширить смысловую структуру концепта "superiority" за счет включения личностно-оценочного компонента.

В целом "superiority" ассоциативно определяется как качество или состояние человека, выполняющего ту или иную социальную роль (группа "People": "man", "husband", "woman"), и обусловлено занимаемым им положением в обществе ("Power": "main", "leadership", "to rule"), а также финансовым положением ("Wealth": "luxury", "jewellery", "expensive car", "yacht"). Хорошие внешние данные ("Appearance": "attractive", "beauty") и интеллектуальные способности в сочетании с образованием и престижной работой

("Education and Work": "clever", "higher education", "well-paid") рассматриваются как важные составляющие понятия "superiority". Представители общества с ярко выраженным чувством превосходства обладают определенными качествами ("Features of Character": "proud", "bright", "ambitious"), которые воспринимаются окружающими в основном отрицательно.

Таким образом, полученная картина структуры ассоциаций на стимул-существительное демонстрирует ход освоения связей между предметами и явлениями реальной действительности. Ассоциативный эксперимент дает возможность исследовать семантическую структуру слова, позволяет выявить объективно существующие в психике человека понятийные связи, которые отсутствуют в лингвистических словарях. Ассоциативное значение слова отражает его «коммуникативный потенциал», а «специфика стратегий ассоциирования... определяет эффективность межкультурного общения» [11], являющегося основной целью овладения иностранными языками.

Специфика ассоциаций зависит от конкретного языка, носителями которого являются испытуемые, и языка, на основе которого проводится эксперимент. В данном случае английский язык следует лишь условно рассматривать в качестве материала для исследования, поскольку испытуемыми стали русскоязычные студенты, владеющие английским на уровне вторичной языковой личности. Наложение в языковом сознании ассоциативно-семантических связей, принадлежащих разным языкам, может стать предметом отдельного лингводидактического или психолингвистического исследования.

На втором этапе нами была предпринята попытка проследить реализацию языковых единиц концепта "superiority" в художественном тексте "Pride and Prejudice" («Гордость и предубеждение», 1813) британской писательницы Дж. Остин. Выбор данного произведения в качестве материала исследования связан с особенностями содержательной стороны текста. Чувство собственного превосходства (sense of superiority) стало характерной чертой одного из главных героев произведения – аристократа Дарси:

"In understanding, Darcy was superior. Bingley was by no means deficient, but Darcy was clever. He was at the same time haughty, reserved, and fastidious, and his manners, though well-bred, were not inviting. In that respect his friend had greatly the advantage. Bingley was sure of being liked wherever he appeared, Darcy was continually giving offence" [12].

Из указанного отрывка очевидно, что концепт "superiority" имеет как положительное ("clever", "well-bred"), так и отрицательное ("haughty", "fastidious", "not inviting", "offence") значение в

представлении автора произведения. Такая двойственность восприятия присуща всему тексту "Pride and Prejudice". Произведение построено на контрасте, что находит отражение в выборе персонажей и их речевой характеристике, и, соответственно, в расширенных синонимических и антонимических рядах слова "superiority":

а) (синонимы в рамках парадигматики) "superiority" – "excellence, advantage, pre-eminence, precedence";

б) (синонимы в рамках синтагматики) "superiority" – "to dominate, to ascend, to prevail; superior, better, best; over, at the top of the scale";

в) (антонимы в рамках парадигматики) "superiority" – "inferiority";

г) (антонимы в рамках синтагматики) "superiority" – "inferior, junior, to belittle, lower, below".

Анализ набора синонимических и антонимических связей слова "superiority" в рамках синтагматики/парадигматики позволил сопоставить объем значений данного слова, предлагаемых словарем, и значений, полученных в ходе ассоциативного эксперимента и на основе текстовой выборки. В результате было выявлено, что текстовая выборка дополнила как синонимический, так и антонимический ряд ключевого слова.

Обращение к произведению Дж. Остин было также связано с присутствием в его названии и частым контекстуальным употреблением слова "pride", входящего в ассоциативное ядро концепта "superiority": "His pride... does not offend me so much as pride often does, because there is an excuse for it. One cannot wonder that so very fine a young man, with family, fortune, everything in his favour, should think highly of himself. If I may so express it, he has a right to be proud"... "He was the proudest; most disagreeable man in the world, and everybody hoped that he would never come there again" [13].

Итак, на материале текста "Pride and Prejudice" была произведена выборка ряда слов, ассоциируемых в той или иной степени с понятием "superiority". Полученные в ходе текстовой выборки лексические единицы были объединены по известным параметрам в семь ассоциативно-семантических групп: People ("gentlemen, man, ladies, friend"); Power and Dominance ("to be above, advantage"); Wealth ("estate, fortune, rich"); Education ("clever, study"), Features of Character ("proud, unaffected manners"); Feelings and Emotions ("fine, pleasant, great, admiration, disgust, forbidding, disagreeable"); Appearance ("good-looking, gentlemanlike, handsome, noble mien, countenance, tall").

Аналитически было выявлено, что микрополя, структурированные по итогам ассоциативного эксперимента, находят отражение и в произведе-

нии "Pride and Prejudice". Однако на втором уровне исследования в микрополе Education не вошел компонент Work, что могло быть обусловлено спецификой эпохи и социального положения героев произведения, принадлежащих аристократическому кругу. Кроме того, самая частотная единица ассоциативного поля "super" не нашла отражения в дискурсе. Так, ряд различий в наборе ассоциатов на материале ассоциативного эксперимента и на материале дискурса говорят о том, что именно контекст, создавая определенный образ в сознании индивида, потенциально дает возможность для выявления и реализации того или иного компонента значения слова.

Таким образом, в ходе двухуровневого исследования, осуществленного на основе ассоциативного метода, были выявлены специфические связи, образующие актуальное психологическое значение концепта "superiority". Полученные в результате ассоциативного эксперимента лексические единицы реализовались в дискурсе носителя языка. Междисциплинарный подход позволил смоделировать структуру и содержание концепта "superiority", определить его социокультурную специфику, репрезентирующую набор стереотипов в картине мира у носителя английского языка и владеющего этим языком на уровне вторичной языковой личности.

Примечания

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. С. 51.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 102.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th edition. Pearson Education Limited, 2005. P. 1666.
5. Салихова Э. А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме. Уфа: Вагант, 2012. С. 90.
6. Караулов Ю. Н. Указ. соч. С. 57.
7. См.: Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 22–24.
8. Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 154.
9. См.: Залевская А. А. Слово в лексиконе человека (психолингвистическое исследование). Воронеж, 1990; Салихова, Э. А. Указ. соч.
10. Маркова И. В. Роль ассоциативно-семантических связей в формировании современной языковой личности (на материале английского языка) // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 146.
11. Салихова Э. А. Указ. соч. С. 98.
12. Austen Jane. Pride and Prejudice. London: Penguin Books, 1994. P. 15.
13. Ibid. P. 17–18.

Н. Ю. Арзамасцева

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ
НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивых словосочетаний немецкого языка в ментальном лексиконе его носителей. На основе психолингвистического исследования выделяются приоритетные стратегии при доступе к фразеологизмам немецкими и австрийскими студентами-филологами. Делается вывод о неодинаковом восприятии полностью и частично идиоматизированной устойчивой лексики носителями немецкого языка.

The article deals with the features functioning of German phraseological units in the mental lexicon of its speakers. On the basis of psycholinguistic research the priority strategies during perception of phraseological units by German and Austrian students philologists are highlighted. It is concluded that the perception of fully and partly sustainable phraseological units by native speakers German is different.

Ключевые слова: ментальный лексикон, психолингвистическое исследование, частично идиоматизированное устойчивое словосочетание, полностью идиоматизированное устойчивое словосочетание, стратегия идентификации.

Keywords: mental lexicon, psycholinguistic research, partly fixed phraseological unit, fully fixed phraseological unit, strategy of identification.

Фразеология – одна из молодых лингвистических дисциплин как отечественного, так и зарубежного языкознания. Хотя за последние годы в области фразеологии сделано довольно много, некоторые фразеологические понятия, имеющие существенное значение как для теории языка, так и для лексикографической практики, всё ещё остаются в фокусе внимания современных лингвистов. Так, особое место в современном языкознании отводится проблеме исследования устойчивой лексики с позиций когнитивной лингвистики, психолингвистики. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что данная проблема является менее изученной в рамках немецкой фразеологии, а психолингвистические исследования в данной области носят единственный характер. Кроме того, существует необходимость в целостном психолингвистическом исследовании, посвященном описанию функционирования устойчивой лексики в индивидуальном лексиконе, что и определяет актуальность данного исследования.

В отношении понятия «индивидуальный лексикон» на первый план нашего исследования

выходит понимание личности, не противопоставленной обществу, а самостоятельной единицы, развивающейся в коллективе. Мы разделяем мнение И. А. Игнатова в том, что индивидуалистический мир – это мир индивидуализма, но не индивидуальности [1]. Следовательно, логично рассматривать понятие индивидуального лексикона как *характеристику отдельной личности, развивающейся, однако, в коллективе, взаимодействующей с группой лиц*. Индивид для нас – представитель вида, личность, член определенного микро- и макросоциума с определенными мотивами и предпочтениями, с раннего детства воспринимаемыми через культуру и по-разному соотносимыми с проявлениями «иной» культуры.

С целью выявления особенностей функционирования устойчивых словосочетаний в индивидуальном лексиконе нами было проведено психолингвистическое экспериментальное исследование на восприятие полностью идиоматизированной (далее – ПИ) и частично идиоматизированной (далее – ЧИ) устойчивой лексики, для чего были отобраны 70 устойчивых словосочетаний-стимулов (далее – УС). К участию в эксперименте были привлечены 25 носителей немецкого языка: студенты последнего года обучения, магистранты, аспиранты из различных населенных пунктов Германии (Бад-Зальцдетфурт, Вальд-фишбах-Бургальбен, Гермерсхайм, Кельн, Кобленц, Лейпциг, Мангейм, Мюнхен, Оберхаузен, Оффенбург, Ханау, Хильдесхайм, Франкенталь) и Австрии (Ваттенс, Иннсбрук, Клагенфурт, Нидерау, Шлиттерс). Для всех респондентов немецкий язык является родным; кроме того, все они профессионально изучают филологию (немецкий, русский, английский, испанский, французский, итальянский языки). Возрастной диапазон испытуемых варьировался от 19 до 45 лет.

В рамках эксперимента выделяем 5 интерпретационных пунктов:

- 1) способы «прочтения» УС носителями языка как родного и как неродного;
- 2) выявление фразеологической доминанты;
- 3) определение особенностей индивидуального лексикона, базирующегося на национальном сознании;
- 4) влияние формальных стратегий на идентификацию УС;
- 5) влияние внутренних и внешних факторов на идентификацию устойчивых лексических единиц информантами.

В рамках настоящей статьи предлагаем остановиться на анализе первого интерпретационного пункта. Так, наблюдение за функционированием фразеологических единиц в ментальном лексиконе позволяет установить приоритетные для информантов стратегии, опоры и ключи в про-

цессе поиска ими исходного предметного образа устойчивого словосочетания.

Полученные в ходе экспериментального исследования реакции анализировались на основе комплексной методики, были определены стратегии, опоры и ключи идентификации УС. Для каждого фразеологизма были построены интегративные поля данных, отображающие все идентификационные стратегии, модели связи слов (формальные и семантические).

Наиболее важные моменты исследования отражены в табл. 1.

Полученные данные были проанализированы и сведены в табл. 2. Считаем важным заметить, что ранжирование стратегий происходит в порядке убывания начиная с наиболее актуальной.

Характеризуя средства идентификации *полностью идиоматизированных* УС-стимулов немецкоязычными информантами, можно заметить следующие особенности:

1) приоритетными стратегиями при идентификации полностью идиоматизированных фразеологизмов стали прямая дефиниция, сходство по смыслу (синонимия), приписывание признака, характеристики, стратегия отказа, перенос ситуации «на себя», отнесение к ситуации, иллюстрация примером;

2) менее популярны были следующие стратегии: субъективизм, причинно-следственные отношения;

3) к стратегиям метафорическое переосмысление, отсутствие метафорического переосмысления, часть – целое, идентификация от противоположного прибегали лишь в единичных случаях.

Характеризуя средства идентификации *частично идиоматизированных* УС-стимулов немецкоязычными информантами, можно заметить следующие особенности:

1) приоритетными стратегиями при идентификации частично идиоматизированных фразеоло-

Таблица 1

Количественные результаты исследования стратегического потенциала УС

Стратегии идентификации	Немецкоязычные информанты	
	Количество реакций на ПИ УС	Количество реакций на ЧИ УС
Прямая дефиниция	75	77
Сходство по смыслу (синонимия)	44	77
Отнесение к ситуации	18	24
Приписывание признака, характеристики	28	5
Иллюстрация примером	18	17
Метафорическое переосмысление	3	–
Отсутствие метафорического переосмысления	3	–
Стратегия противопоставления	3	–
Причинно-следственные отношения	8	2
Часть – целое	2	1
Субъективизм	11	23
Перенос ситуации «на себя»	20	4
Конкретизация	–	–
Стратегия отказа	37	25
Обобщение	–	–
Категоризация	–	–

Таблица 2

Стратегии идентификации, используемые немцами и австрийцами при доступе к УС

Ранг	ПИ УС	ЧИ УС
1	Прямая дефиниция	Прямая дефиниция; сходство по смыслу (синонимия)
2	Сходство по смыслу (синонимия)	Стратегия отказа
3	Стратегия отказа	Отнесение к ситуации
4	Приписывание признака, характеристики	Субъективизм
5	Перенос ситуации «на себя»	Иллюстрация примером
6	Отнесение к ситуации; иллюстрация примером	Приписывание признака, характеристики
7	Субъективизм	Перенос ситуации «на себя»
8	Причинно-следственные отношения	Причинно-следственные отношения
9	Метафорическое переосмысление; отсутствие метафорического переосмысления; стратегия противопоставления (идентификация от противоположного)	Часть – целое
10	Часть – целое	

гических единиц явились следующие: сходство по смыслу (синонимия), прямая дефиниция, стратегия отказа, отнесение к ситуации, субъективизм;

2) следующую ступень по степени частотности при идентификации данных УС заняли стратегии иллюстрация примером и приписывание признака, характеристики;

3) менее популярными стали такие стратегии, как перенос ситуации «на себя», причинно-следственные отношения, часть – целое;

4) к стратегиям метафорическое переосмысление, отсутствие метафорического переосмысления и идентификация от противного информанты не прибегли при работе с частично идиоматизированными устойчивыми словосочетаниями.

Представляется интересным тот факт, что стратегии конкретизации, обобщения и категоризации не использовались немецкоязычными информантами.

С опорой на полученный эмпирический материал представляется возможным сделать вывод о влиянии на интерпретацию УС степени известности стимула, его эмоциональной окраски и принадлежности к определенному стилю языка. Нами были выявлены следующие особенности интерпретации УС носителями немецкого языка как родного:

1) полностью идиоматизированные УС дают больший разброс реакций по сравнению с частично идиоматизированными УС. На наш взгляд, может быть объяснено некой «завуалированностью» семантики ПИ устойчивой лексике, более основательным пониманием содержания ЧИ фразеологизма, а как следствие, и «единым подходом» при его восприятии. В виде некоего постулата это можно отразить следующим образом: «то, что мне непонятно, я описываю более подробно, чтобы максимально верно “заполнить все пробелы” в понимании»: *im Kontakt bleiben – Freundschaft; Verbundenheit; Kontakte; sich melden; schreiben; sich sehen; telefonieren; nicht in Vergessenheit geraten; sich nicht aus den Augen verlieren; die Kommunikation aufrecht erhalten; Mails, Handy; in Berührung bleiben.*

Это подтверждает мысль А. В. Самарина о том, что чем выше степень образности того или иного объекта, тем более четкий образ, характеризующийся рядом принципов, проецируется в сознании человека [2]. Полностью идиоматизированные УС изначально построены на богатых ассоциативных связях. Ассоциативная основа таких фразеологических единиц создает экспрессивный потенциал. Это легко объяснимо, как отмечает Н. В. Горянинова, если принять во внимание одно из главных свойств УС – диффузность – «размытость, неопределенность семантики, являющаяся следствием богатого, сложного, неоднозначного содержания» фразеологизмов [3];

2) полностью идиоматизированные УС изначально построены на богатых ассоциативных связях. Ассоциативная основа таких фразеологических единиц создает экспрессивный потенциал. Реакции на ПИ устойчивые лексемы характеризуются большей эмоциональностью (наличие восклицательных конструкций, средств выразительности – ирония, юмор, реакции-фразеологизмы, различные коннотационные оттенки), чем реакции на частично идиоматизированные фразеологизмы, что, несомненно, также связано с трудностями при их интерпретации: более сложная семантика порождает больше эмоций, которые являются ответом на «трудность, незнание, недопонимание»: *j-m einen Korb geben – das Herz brechen, aus welchem Grund?; j-n Pfennig dreimal umdrehen – Geizhals, ist er denn so geizig oder arm?; auf dem Laufenden sein – über alles Bescheid wissen!; unter dem Pantoffel stehen – ein Pantoffelheld sein, unter den Fittichen sein, Duckmäuschen;*

3) полностью идиоматизированные фразеологизмы дают, как правило, односложные, нераспространенные реакции, реакции на частично идиоматизированные УС характеризуются более развернутым конституентным составом: *j-n Pfennig dreimal umdrehen – Geiz, Armut; auf dem Laufenden sein – informiert, neugierig, up to date; das gelobte Land – Jerusalem, Vaterland, Kanaan, Tirol, Deutschland; unter dem Pantoffel stehen – Kontrolle, Unterdrückung, untergeordnet sein, keine Selbstbestimmung, j-m hörig sein.* В данном случае можно было бы следующим образом запостулировать данную ситуацию: «то, что мне понятно, я отражаю с большим интересом, более подробно»;

4) стиль ассоциатов информантов из Германии и Австрии зачастую зависит от того, к какому стилю относится исходный стимул, «стиль порождает стиль»: *j-m einen Korb geben – j-n abblitzen lassen, j-n abservieren, das Herz brechen (разговорный стиль); das gelobte Land – Land der Verheissung, ein Land, in dem man leben möchte (научный, высокий стиль, поэтизм); Abhub der Gesellschaft – Abschaum, schessig, Scheisse (разговорный стиль, жаргонизм); gesellschaftliche Einsätze durchführen – sozial engagiert sein, Politiker, geschäftliches Treffen, Empfänge, sich präsentieren (официально-деловой стиль);*

5) при идентификации ПИ устойчивых словосочетаний немецкоязычными информантами чаще происходит опора на семантические, а не на формальные признаки; при идентификации ЧИ фразеологизмов информанты чаще прибегают к опоре на формальные признаки, однако опора на семантические признаки доминирует. Так, полученные данные говорят о том, что за словом всегда стоит многомерная система связей (зву-

Опора на формальные мотивирующие элементы при доступе немецкоязычных информантов к ПИ и ЧИ устойчивым словосочетаниям

ПИ устойчивые словосочетания	Формальные мотивирующие элементы	ЧИ устойчивые словосочетания	Формальные мотивирующие элементы
auf dem Laufenden sein	<i>auf dem</i> aktuellen Stand <i>sein</i> , <i>auf dem</i> neuesten Stand <i>sein</i> , immer <i>auf dem</i> neuesten Stand <i>sein</i>	j-d steht j-m zur Seite	j-d. <i>steht j-m bei</i> , <i>j-m zur Seite stehen</i> , nicht von der <i>Seite</i> weichen
das gelobte Land	<i>Land</i> der Verheissung, ein <i>Land</i> , in dem man leben möchte, <i>das heilige Land</i>	goldene Hochzeit	<i>Goldhochzeit</i>
unter dem Pantoffel stehen	<i>unter</i> der Kontrolle eines anderen, <i>Unterdrückung</i> , von j-m <i>unterdrückt</i> , <i>untergeordnet sein</i> , ein <i>Pantoffelheld sein</i> , j-m <i>untergeben sein</i>	ein Glückskind sein	<i>Glückspilz</i> , <i>Glück</i> haben, <i>glücklich</i> , j-d, der immer <i>Glück</i> hat
		Liebe macht blind	<i>Liebe</i> lässt die Realität vergessen, <i>Verliebte</i> sehen Negatives nicht
		eine Seele von Mensch	ein guter <i>Mensch</i> , <i>Gutmensch</i> , <i>gutherziger Mensch</i>
		besonderen Wert auf etwas legen	<i>auf etwas</i> achten, <i>etwas</i> mit großem persönlichen <i>Wert</i>
		im Kontakt bleiben	soziale <i>Kontakte</i> , <i>Kontakt</i> pflegen, <i>in Berührung bleiben</i>
		Schritt für Schritt	Stück <i>für</i> Stück, etwas Teil <i>für</i> Teil lernen,
		im Sinn haben	<i>in Gedanken</i> , etwas <i>vorhaben</i> , behalten <i>haben</i> , etwas <i>im Kopf haben</i>

ковых, ситуационных, понятийных), которые изменяются в зависимости от ситуационных факторов [4]. Это можно отчетливо пронаблюдать по материалам, включенным в табл. 3.

Таким образом, полученный эмпирический материал позволяет сделать вывод о неодинаковом восприятии полностью идиоматизированных и частично идиоматизированных фразеологизмов немецкого языка его носителями, что доказывают различные «наборы» идентификационных средств: при идентификации полностью идиоматизированной лексики, как нам удалось выяснить, задействовано большее количество стратегий, опор, ключей, чем при идентификации частично идиоматизированной лексики. Кроме того, из экспериментального исследования видно, что в процессах идентификации УС в ментальном лек-

сиконе имеет место множественность опор и их интеграция.

Примечания

1. Игнатов И. А. Семантика слова. Личность и ее отражение в языковом сознании современного человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1(2). С. 18–21.

2. Самарин А. В. Типология концептов-«представлений» в русском и английском языковом сознании. Старый Оскол: Оскол-Информ, 2011.

3. Горяинова Н. В. Метафора как средство создания экспрессивности в поэзии Ф. И. Тютчева // Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья. Новозыбков. 24–25 мая 2012 г. С. 101–107.

4. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.

Т. М. Гайдукова

**ЦВЕТОВАЯ МЕТАФОРА
В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

В статье представлено исследование одного из важнейших изобразительно-выразительно средств – метафоры, часто используемой немецкими авторами как в прозаических, так и в поэтических произведениях для характеристики и эмоциональной оценки внешнего облика и внутреннего мира человека, его мыслей, отношения к бытию.

In this article the scientific research of the metaphor which is one of the most important figurative-expressive linguistic means is presented. The metaphor is often used by German authors both in prose works and poetic works for description and affective evaluation of the appearance of a person, his inner life, thoughts and relation to the objective reality.

Ключевые слова: цветообозначения, метафора, вторичная номинация, антропоцентризм, немецкий язык.

Keywords: color names, metaphor, secondary nomination, anthropocentrism, German.

Метафоризация – один из основных путей изменения значения цветоименований. Метафора является собственно семантическим явлением, характеризующимся семантической двуплановостью, возникающей на базе взаимодействия первичного и вторичного лексических значений слова.

В. Г. Гак говорит о том, что «метафоризации подвергаются, прежде всего, те слова, которые обозначают предметы из ближайшего окружения человека: названия частей тела, родственных связей, предметов обихода» [1]. Таким образом, метафоризация является важным способом номинации человека и частей его тела. Значительную роль в этой номинации играют цветообозначения, поскольку цвет является неотъемлемой характеристикой любого человека: Sie machte ihre Haare auf, die waren eitel Gold [2].

В статье представлены цветные метафоры как прозаических, так и поэтических произведений немецких авторов. Но последние рассматриваются более подробно, поскольку в их семантике метафоры играют особую роль, являясь органически связанными с поэтическим видением мира. Возникновение метафоры имеет место тогда, когда сопоставляются малосопоставимые объекты и смыслы, имеющие лишь косвенное сходство, вследствие чего создаются яркие и емкие образы, обогащающие речь. Люди, способные на создание метафорических образов, должны обла-

дать особым поэтическим даром, не случайно их часто называют поэтами, даже если они не всегда имеют отношение к написанию стихов. Метафоры поэтических произведений ярко выделяются индивидуальным характером, в них можно обнаружить особенности поэтического мира автора. Метафоры – ядро поэзии. Рассмотрение особенностей метафоризации цветообозначений в поэтических произведениях имеет большое значение для актуализации культурных концептов при передаче образа человека.

Вторично-номинативные цветообозначения служат не только средством номинации и внешней характеристики человека, но также содержат его нравственную оценку: в них, как в зеркале, отражены личностные особенности индивида. На ранних этапах своего существования метафоры рассматривались как некая основывающаяся на гибкости слов «хитрость», уловка, нуждающаяся в определенной осторожности использования, как нечто возможное и уместное только в ряде случаев. Взгляд на метафору менялся с течением времени, от рассмотрения ее как «украшения и безделушки» [3] до «особого способа мышления о мире, который использует прежде добытое знание» [4]. Метафора – это утверждение о свойствах объекта на основе некоторого подобия с уже означенным в переосмысленном значении слова. Здесь всегда возможен гипотетический вымысел и превалирует субъективное начало во взгляде на действительное. Поэтому метафора широко эксплуатируется в квалификативно-оценочной деятельности сознания [5], используется в поле действия экспрессивной функции языка. Как подчеркивает А. А. Нелюбин, «цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике» [6]. Так, в поэтическом произведении “Ophelia” Георга Гейма прилагательное schwarz не выражает собственно цветовых качеств героев: на основе символического значения schwarz «коварство, зло» автор отождествляет черный цвет бля тирана (Молох – божество, которому приносили в жертву людей) с ужасными деяниями, которые он совершает, и метафорическое выражение Tyrann mit schwarzer Stirn «жестокий тиран» несет в себе пейоративную оценку. Schwarz используется по-этом сознательно и намеренно второй раз для усиления негативной нравственной оценки в метафоре die schwarzen Knechte, где прилагательное также используется в фигуральном значении; черный цвет является символом низкого социального происхождения, «черный народ» – простолюдины. Таким образом, черный цвет поддерживает и развивает основную негативную линию произведения:

Mit schwarzer Stirn, ein mächtiger Tyrann,
Ein Moloch, drum die schwarzen Knechte knien.
(Georg Heym)

Указание на определенное цветовое качество в семантической структуре цветообозначений выступает в качестве инвариантного (от лат. *invariantis* «неизменяющийся»), так как цветоименования являются многозначными. Все другие их значения являются вариативными, вторичными и определяются как лексико-семантические варианты слова.

Символика каждого цвета, опирающаяся на объективные особенности психики, на всевозможные ассоциации, играет важную роль в процессе развития новых лексико-семантических вариантов цветообозначений. Языковые символы представляют собой единицы лексического уровня языка, которые в конкретно-образной форме репрезентируют абстрактное содержание. Вызывающие многочисленные ассоциативные связи цветообозначения воспринимаются как определённые символы. Известно, что цветообозначения в немецком языке имеют несколько символических значений, отражающих черты характера человека: *weiß* – чистый, честный, невинный; *schwarz* – негативный, мрачный, злой, пессимистичный; *got* – хитрый, лживый; *grün* – молодой, неопытный, незрелый; *blau* – наивный, аристократичный. Цвета имеют многие из этих символических значений с древнейших времен, они являются основой для формирования традиционных символов, присутствующих в различных сферах жизни человека. Со временем трактовка символов может меняться: утрачиваются первоначальные смыслы, приобретаются новые, которые, кроме того, могут иметь свои особенности у каждого отдельного индивида, поскольку символические значения цвета не являются постоянной единицей. В этом случае речь идет об индивидуальных символах, опирающихся на ассоциации конкретного писателя или поэта.

Традиционный символ, будучи нагруженным всеми известными ассоциациями, используется поэтами как готовый образ. Например, белая кожа и румяные щеки (*weiße Arme, rotwangig*) – символ здоровья и красоты; черные глаза (*schwarze Augen der Finsternis*) часто ассоциируются с темными силами и злом; серый цвет (*grau wie Leiche, fahlgrau im Gesicht*) выражает мрачное, тоскливое настроение; седые волосы (*graue Haare*) – символ пережитых волнений и горестей:

Was kostet unser Fried? O wie viel Zeit und Jahre!
Was kostet unser Fried? O wie viel graue Haare?
(Friedrich von Logau)

Индивидуальный символ, под которым понимается символическое употребление слова, име-

ющего второй план (определяющийся только из контекста) и нагруженного у поэта дополнительными ассоциациями, которые и дают возможность слову стать символом [7], встречается, например, в произведении Ганса Магнуса Энценсбергера “*Landessprache*”, где цветообозначение *kreidebleich* «белый как мел» символизирует нищету и безысходность:

Was habe ich hier verloren, in diesem Land, ...
wo in den Delikateßgeschäften die Armut, kreidebleich,
mit erstickter Stimme röchelt...
(Hans Magnus Enzensberger)

Этот символ опустошенности, как материальной, так и душевной, есть продукт авторского сознания и созерцания, он отражает мироощущение писателя. Именно поэтому он является несколько неожиданным, многослойным и многозначным. Символическое значение пустоты у прилагательного *kreidebleich* живет в конкретном контексте данного произведения, данного автора, и, выйдя за пределы произведения, этот символ разрушится, исчезнет.

Рассмотрение разных видов символа, лежащих в основе цветковых тропов, имеет большое значение для адекватного восприятия различных видов поэтических метафор немецких произведений.

Н. Д. Арутюнова [8] выделяет 4 типа метафор на основе функционального параметра: 1) номинативные, 2) образные, 3) когнитивные, 4) генерализирующие метафоры.

Номинативная (идентифицирующая) метафора служит для номинации, а не для выражения каких-то смысловых нюансов. Одно многопризнаковое значение в процессе метафоризации заменяется другим, то есть это собственно перенос названия. Перенос вызывает омонимию и обычно основывается на сходстве двух объектов или по функции, или по какому-то отчетливому, хорошо заметному внешнему признаку. Например, такое внешнее сходство нашел немецкий писатель Роберт Райник, который, используя прием персонификации, сравнивает яблоко с юным человеком:

Im Baum, im grünen Bettchen,
Hoch oben sich ein Apfel wiegt,
Der hat so rote Bäckchen,
Man sieht's, dass er im Schläfe liegt.
(Robert Reinick)

Согласно одной из закономерностей лексической солидарности «импликации», в значении детерминирующего слова уже содержатся признаки (семы) детерминируемого слова [9]. Так, в прилагательном *got* помимо семы цвета содер-

жаты семы «румяный, человек, красивый, молодой, здоровый», поэтому слово *rot* возбуждает представление о молодом человеке, о его красивом лице («румяные щечки»). Эффект метафоры *rote Bäckchen (des Apfels)* состоит не в том, что поэт хочет определить цвет яблока, а в его персонификации: яблоко, подобно розовощекому молодому человеку, мирно спит под лучами теплого солнца; приписывая слову *Apfel* атрибутивный признак «румяный, розовощекий», автор косвенно сопоставляет предмет «яблоко» с красивым человеком. Сравним это метафорическое употребление выражения *rote Backen* из вышеприведенного стихотворения “*Vom schlafenden Apfel*” с употреблением его в первично-номинативном значении при описании человека:

...weil das Schneiderlein so Frisch und munter aussah, und so hübsche rote Backen hatte, so gab ihm jeder gerne... einen Kuß [10].

Поскольку рассмотренная метафора основана на сходстве цвета созревшего яблока и лица, то это сходство часто эксплицитно выражается в компаративных фразеологизмах при описании внешности человека:

Wie war das Mädchen verwandelt! ... die Wangen schimmerten in santer Röte wie die Apfelblüte [11].

Чтобы избежать двусмысленности, эта метафора стремится войти в микроконтекст, проясняющий ее предметную отнесенность. Вне такого контекста (без указаний на персонификацию предмета через выражения типа “*der Apfel schläft*”, “*die Sonne wirft ihm Strahlen ins Gesicht*”) метафора утрачивает образность, утверждаясь в номинативной функции, и выражение *Apfel mit roten Backen* обозначает «красное яблоко» (в отличие от зеленого или желтого яблока). Метафора в этом случае составляет ресурс номинации и является техническим приемом извлечения нового имени из старого лексикона.

Образная метафора возникает, когда конкретное имя переходит в позицию предиката, описывающего предмет, у которого уже есть другое название: *goldene Haare*, *metallenes Gesicht*, *bronzene Haut*, *korallene Lippen*, *Purpurmund*, *Kohleaugen*. Предикация – механизм отнесения содержания отрезка речи (заключенной в нем мысли) к описываемой ситуации действительности, актуализация содержания отрезка речи в пространственно-временном плане в процессе коммуникации. В указанных в качестве иллюстративных примеров атрибутивных словосочетаниях предикация (то есть приписывание цветового признака частям тела человека) выражена имплицитно, как потенциальное суждение, способное быть представленным как результат трансформации ядерного предложения (Nn • Vf): *Korallene Lippen* → *Die Lippen sind korallen*.

Поскольку в объективной действительности и в отражении ее в сознании людей нет различий между атрибутом и предикатом [12], атрибут в указанных словосочетаниях определяется как «предикат в номинализованной форме» [13]. Существующее в объективной действительности отношение «носитель признака – признак» лежит в основе как атрибутивных, так и предикативных отношений. В. В. Виноградов отмечает, что «между определительными (или атрибутивными) отношениями и отношениями предикативными наблюдается самое тесное взаимодействие: они взаимнообратимы» [14]. Так, прилагательные в приведенных образных метафорических выражениях рассматриваются как предикаты второго порядка, которые в составе предложения выступают как компоненты, представляющие потенциальное (свернутое) предикативное ядро.

Образная метафора служит развитию фигуральных значений и синонимических средств языка, она используется для передачи каких-то смысловых нюансов, оценки, создания определенного образа, а не для того, чтобы просто дать имя предмету. Вследствие образности данного типа метафор они могут интерпретироваться различными людьми неодинаково, ведь конкретные имена, переносимые в сферу предикации, могут у каждого человека вызывать свои ассоциации, эмоции, образы. Конечно, при интерпретации таких метафор существуют и определенные границы, которые обусловлены денотатом определяемого имени.

Так, например, Генрих Гейне метафорически описывает красоту женских волос:

Die schöne Jungfrau sitzt dort oben wunderbar,
Ihr goldnes Geschmeide blüztet, sie kämmt ihr goldenes Haar.

Sie kämmt es mit goldenem Kamme, und singt ein Lied dabei;

Das hat eine wundersame, gewaltige Melodei.
(Heinrich Heine)

Описание женской красоты без упоминания о волосах просто немыслимо, поэтому вместо базовых цветообозначений (*gelb*, *grau*, *rot*), которые создали бы нейтральный портрет персонажа, часто употребляются метафорические эпитеты с мелиоративным компонентом: *golden*, *silbern*, *kupfern*. Мелиоративные оценочные ассоциации с цветообозначением *golden*, изображение особой женской красоты, поддерживаются в контексте благодаря эмоционально окрашенным эпитетам «прекрасный», *wunderbar* «поразительный, чудесный», *blitzen* «сверкать, сиять», а также тем, что цветообозначение *golden* проходит красной нитью через все текстовое полотно произведения: *goldnes Geschmeide*, *goldenes Haar*, *goldener Kamm*.

Метафорическое переосмысление прилагательного *golden* в значении «цвета золота» наблюдается только в словосочетании *goldenes Haar*. Предмету (волосам) в этом случае приписываются не все, а только один из признаков другого предмета – цвет золота, в отличие от *golden*, являющегося прямым названием предмета, отражающего реальные связи предметов и явлений, например: *goldenes Geschmeide*, то есть «украшение, сделанное из драгоценного металла – золота, обладающее всеми признаками золота, в том числе – цветом золота». Метафорическое переосмысление формируется на основе сравнения одного предмета с другим, сходным с ним в том или ином отношении: два понятия, далёкие друг от друга, связываются между собой третьим, имеющим общее и с первым, и со вторым; выявлением этого общего создаётся психологическая основа метафоры, которой определяется и характер общего семантического элемента: золото – цвет → волосы.

Аналогичные случаи метафорического переосмысления относительных прилагательных мы встречаем, например, в следующих образных выражениях: *goldenes Gesicht der Flamme*, *goldene Augen der Sterne*, *stolze Purpurnacht*, *ein blasser Tag*, *zinnoberrote Musik*.

Через эти образные цветовые метафоры поэты не только передают оценочный компонент метафоризируемых понятий, но также, используя прием персонификации, изображают различные природные явления и отвлеченные понятия в образе человека. Такие окказиональные метафоры репрезентируют образ человека через характеристики, основанные на ассоциациях с различными цветами, имеющими индивидуальные символические значения в произведении каждого конкретного поэта. «Метафора является не принципом необычайного словоупотребления, способом художественного мирооформления. Она отражает индивидуально-творческие особенности в субъективном содержании мира поэтических видений» [15]. Например, в авторском видении немецкого поэта XX в. Георга Бриттинга истина предстает в образе пламени с лицом золотого цвета:

Leere den Weinkrug!
Schau der Flamme goldnes Gesicht!
Weißt du es nicht?
Kein Bild ist Betrug!
(Georg Britting)

Подобным образом прилагательное *blasse*, ограниченное сферой употребления по отношению к определенному классу объектов – человеку, в строках произведения Детлева фон Лиленкрона содержит целую ситуацию, маленькую картинку

действительности, возбуждая представления об одушевленном объекте – бледном, угрюмом правителе, таким образом передавая эффект метафоры через персонификацию бледного месяца:

Im ersten matten Dämmer thront
Der klare blasse Morgenmond.
(Detlev von Liliencron)

Когнитивная метафора вызывается изменением сочетаемости предикатных слов, то есть возникает в области предикатного значения. В процессе метафоризации объекту приписываются признаки, ему не свойственные, а описывающие другой класс предметов. Ярким примером такой метафоры является, например, выражение *der blaue Blick*, базирующееся на «синестетической симилиации» – связи, которая «основывается на сходстве ощущения, восприятия, впечатления» [16]. Благодаря этому в семантической структуре выражений *der blaue Blick*, *er schaut (kobalt)blau* с семантически несопоставимыми составляющими происходит сдвиг, и цветовая лексема употребляется в новом, фигуральном значении «светлый, наивный, добрый». Взгляд голубых глаз вызывает светлые ощущения, сходные с теми, которые возникают при восприятии светлых предметов, поэтому прилагательное *blau* отнесено не только к глазам человека, но и к его взгляду (*blaue Augen* → *blauer Blick*):

Diese naïv selbstbewussten blauen Schwärmeraugen!
... Hatte doch ich denselben blauen Blick, der nur begeistern, nicht überzeugen konnte... Der schaute mit meinen Bronskiaugen kobaltblau in die Welt [17].

Такой метафорический сдвиг происходит и при переосмыслении цветового компонента *schwarz* в выражении *der schwarze Blick*, но он несет в себе коннотативные значения с пейоративной окраской – «тяжелый, мрачный»:

Sie sah ihn nur an mit rücksichtsloser Neugier.
Es war schwer, diesen dunklen Blick auszuhalten...
Sie war bleicher geworden, der schwarze Blick, der ihn zum Richter begleitete, vergrößerte sich noch, er bekam etwas stumm Eindringliches [18].

Характерный для когнитивной метафоры перенос значения базируется, как правило, на двух основных принципах: на движении от конкретного к абстрактному и на принципе антропоморфизма. Например, в метафорах *rosige Seufzer*, *graues Schweigen* неодушевленные абстрактные понятия («вздохи», «молчание») сближаются с одушевленными через приписывание первым признаков человеку цветовых свойств:

Erscheinst du, ein Ruhender mit runden Auen.
Ihre Bläue spiegelt den Schlummer der Liebenden.
An deinem Mund verstummen ihre rosigen Seufzer.
(Georg Trakl "Elis")

Reinheit! Reinheit! Wo sind die furchtbaren Pfade des Todes,
Des grauen, steinernen Schweigens...
(Georg Trakl "Frühling der Seele")

Когнитивная метафора стимулирует развитие полисемии, используется не для формирования образов, а для образования значений, отсутствующих в языке. «Аналогия в признаках разных категорий объектов является орудием расчленения понятий. Метафора и создает значение, и дает ему имя» [19]. Благодаря этой особенности когнитивная метафора привлекается для формирования лексики, обозначающей духовный мир человека, мир идей, абстрактных понятий и т. д. «Важную стилистическую роль играет нарушение предметной отнесенности и, соответственно, изменение валентности в смещенном эпитете» [20]. Степень интенсивности выраженного прилагательным признака в когнитивной метафоре настолько велика, что оно может быть отнесено уже не к самому человеку, а к его взгляду, смеху, мыслям и т. п. Так, герой произведения "Rückschau" Генриха Гейне, подытоживая свой жизненный путь, характеризует свои прошлые мысли через использование эпитета с пейоративной коннотацией schwarz:

Ich war gedrängt von schwarzen Sorgen,
Ich musste lügen, ich musste borgen.
(Heinrich Heine)

Когнитивная теория метафоры рассматривает метафору, прежде всего, как когнитивную операцию над понятиями и видит в ней средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях. Согласно этой теории, «переносу» подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой [21]. Приписывание цветовых качеств психическим состояниям человека ведет не только к фокусировке внимания на прагматической значимости данных выражений, но и обогащает, уплотняет их новой информацией. Цветовое определение в значительной степени конкретизирует понятие, служит для усиления степени состояния и привносит характер положительной (rosige Laune) или негативной (der gelbe Neid, roter Zorn, weißer Schrecken, schwarzer Zynismus) оценки.

Генерализирующая метафора представлена Н. Д. Арутюновой как «конечный результат когнитивной метафоры» [22], то есть на этом этапе метафоризация приводит не к созданию синонимов, отличающихся лишь оттенками смыслов, – подобно образной метафоре, а к обобщению, генерализации понятий. Так, слово schwarz «черный» распространяет свое цветковое значение и применяется не только по отношению к человеку для описания его бессердечности, злобного нрава, но и переносится в сферу отношений («черная неблагодарность»), мыслительную сферу («черные мысли») и т. д. Такая метафора уничтожает границы между логическими порядками, которые существуют в лексическом значении слова, и способствует возникновению логической полисемии.

Яркий пример генерализирующей метафоры, построенной на символической конверсии, разворачивающей цепочку символов, результатом которой является перенос выраженного цветково-обозначением понятия в сферу отношений между людьми, можно найти в произведении немецкого писателя Курта Швиттерса "An Anna Blume":

O, du Geliebte...
Hallo deine roten Kleider, in weiße Falten zersägt.
Rot liebe ich Anna Blume, rot liebe ich dir! ...
Rote Blume, rote Anna Blume, wie sagen die Leute? ...
Anna Blume ist rot...
(Kurt Schwitters)

Красный цвет символизирует красоту, в процессе метонимического переноса цвета одеяния происходит присвоение человеком тех качеств, которые выражаются с помощью цвета (rote Kleider – rote Anna Blume). В выражении rote Anna Blume имеет место определенного рода компрессия: в цепочке трех последовательно подчиненных имен среднее имя опускается, а определение к нему переподчиняется его главному слову, ведь данное словосочетание представляет собой не что иное, как свернутую форму от Anna im roten Kleid, в котором элемент Kleid подвергается элиминированию. Поскольку красный – цвет красоты, то производное значение «красивый» реализуется в следующем звене метафорической цепочки (rote Anna Blume – Anna Blume ist rot), которое далее влечет за собой расширение «чувственного» содержания. Как цвет красоты и крови, красный является символом страстей: чувство красоты заставляет играть кровь. В связи с этим значение «красивый» метафорически переносится в сферу отношений между людьми (Anna Blume ist rot – rot liebe ich Anna Blume). Таким образом, rot распространяет свои фигуральные значения не только на человека, но и на сферу человеческих чувств («красивая, страстная любовь»).

Как показывает исследование, цветовой образ во многих произведениях представляет собой лишь зафиксированный поэтом цветовой признак какого-либо объекта изложения, не всегда способного привлечь внимание читателя. Высшим уровнем цветовой образности является случай, когда цвет, пронизывая всё текстовое полотно произведения и закрепляясь в заголовке, становится центральным образом всего произведения, как, например, в поэме Эмануэля Гайбеля "Friedrich Rothbart", включающей метафорические эпитеты goldener Bart, goldgelocktes Haar.

Метафора цвета – устойчивая традиция немецкой литературы, используемая для эмоционального воздействия на читателя. В поэзии и прозе цветная метафора является не только средством лексической выразительности, но способом построения образов. Метафора понимается как языковое явление, связанное с определенным способом существования в мире. Сфера действия цветовой метафоры не ограничена речью и познанием, а распространяется на отношение человека к бытию.

Примечания

1. Гук В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. С. 113–114.
2. Grimm В. Kinder- und Hausmärchen. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1964. S. 378.
3. Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 45.
4. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 4.
5. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 191.
6. Нелюбин А. А. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие. М.: МОПИ, 1990. С. 97.
7. Шульская О. В. О символе в поэзии А. Межирова и Е. Винокурова // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 255.
8. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 120.
9. Coseriu E. Lexikalische Solidaritäten // Poetica, Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. München, 1967. Bd. 1. Heft 3. S. 293.
10. Grimm В. Op. cit. S. 449.
11. Ibid. S. 663.
12. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972. S. 234.
13. Hartung W. Die Negation in der deutschen Gegenwartssprache // Deutsch als Fremdsprache. 1966. Heft 1. S. 14.
14. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / ред. Н. Ю. Шведова; сост. М. В. Ляпон, Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1975. С. 236.
15. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой // Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 426–427.

16. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высш. шк., 1983. С. 44.

17. Grass G. Die Blechtrommel. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. S. 177, 180.

18. Mann H. Der Untertan. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950. S. 171, 177.

19. Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 162–164.

20. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. С. 154.

21. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Труды Международного семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. URL: http://www.dialog-21.ru/archive.asp?vol=volumes&y=2002&parent_menu_id=711

22. Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 168.

23. Die schönsten deutschen Gedichte / Herausgegeben von Lukas Moritz. Köln: Anaconda Verlag, 2010.

УДК 81.11

Т. Б. Заграевская

АФРОЭТНОСОЦИОЛЕКТИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XIX в.: СЛОВАРЬ ДЖ. К. ХОТТЕНА "THE SLANG DICTIONARY"

В статье представлены результаты анализа основных принципов лексикографирования афроэтносоциолектизм на англоязычной почве, разработанных в словаре Дж. К. Хоттена "The slang dictionary". Особое внимание уделено характеристике этносоциолингвистических инструментов, структура которых способствует раскрытию генезиса и бытия афроамериканского субъязыка.

The article analyzes main principles of lexicographing of afroethnosociolectisms on the English basis suggested by J. C. Hotten in his "The slang dictionary". Special attention is paid to the description of ethnosociolinguistic instruments, the structure of which helps to reveal the genesis and usage of the afroamerican sublanguage.

Ключевые слова: афроэтносоциолектизм, вокабула, дефиниция, негритянский, словарь, социолингвистический, этносоциолект, этносоциум, этносубкультура.

Keywords: afroethnosociolectism, definition, dictionary, ethnosector, ethnosociolect, ethnosubculture, negro, sociolinguistic, vocabulary labels.

Под афроэтносоциолектом обычно понимают исторически сложившуюся, устойчивую полуавтономную или неавтономную форму существования национального (варианта) языка, функционально и понятийно закреплённую за определенным афроэтносоциумом и афроэтносубкультурой, обладающую системой субстандартных социолингвистических норм [1].

По нашим предварительным наблюдениям, в плане инвентаря социолексикографических инструментов и набора манифестируемых ими этносоциолексикографических параметров наиболее информативны для этносоциолексикографического анализа генезиса и бытия афроамериканского субъязыка общие толковые словари англоязычного лексического субстандарта Ф. Гроуза [2], Дж. К. Хоттена [3], А. Баррера и Ч. Леланда [4], Дж. С. Фармера и У. Э. Хенли [5], Дж. Р. Уэра [6], Э. Партриджа [7], Т. Торна [8] и Дж. Айто [9].

Данная статья посвящена анализу принципов лексикографирования афроэтносоциолектизм в одном из ранних англоязычных справочников по субстандарту – словаре Дж. Хоттена “The slang Dictionary”.

Первое издание словаря Джона Кэдмона Хоттена вышло в 1859 г. под названием “*The slang dictionary; or, the vulgar words, street phrases, and “fast” expressions of high and low society. Many with their etymology, and a few with their history traced*”. При жизни автора этот словарь переиздавался еще три раза под разными названиями. После смерти автора вышли еще два переработанных издания. Некоторые издания перепечатывались разными издательствами. Мы анализируем основное издание этого словаря (кратко именуя его: “*The slang dictionary*”) от 1887 г. в его репринте от 1913/1972 гг., учитывая, при необходимости, также и другие издания.

В организации словаря Дж. К. Хоттена “*The slang dictionary*” от 1887 (1972) г. четко различаются три основные части: I) *мегаструктура* словаря, охватывающая: 1) предваряющий текст, содержащий: а) предисловие Дж. Д. А. Уидоусона к репринту, б) предисловие автора-составителя, в) авторский очерк кэнта “*The history of cant, or the secret language of vagabonds*”, г) разъяснение тайных знаков нищих и бродяг “*An account of the hieroglyphics used by vagabonds*” и д) авторский краткий исторический очерк сленга, или простонародного языка “*A short history of slang, or the vulgar language of fast life*”; 2) корпус словаря; 3) заключающий текст, включающий в себя: а) краткий очерк особенностей оборотного сленга, б) глоссарий оборотного сленга, в) краткий очерк особенностей рифмованного сленга, г) глоссарий рифмованного сленга, д) справку о срединном сленге с небольшим списком примеров и е) библиографический список из 120 работ, использованных при составлении словаря; II) *макроструктура*, представленная основным *корпусом* словаря “*Dictionary of modern slang, cant, and vulgar words*”, содержащим *словник* из более чем 10 тысяч словарных статей, организованных строго в алфавитном порядке; III) *микроструктура* словаря, выполненная лексикогра-

фически весьма разработанными и достаточно стереотипными словарными статьями, содержащими необходимый набор словарных помет.

Вместе с тем, все названные нами компоненты организации структуры словаря, а также композиция словарной статьи, перечень и типы словарных помет составителем словаря никак не разъяснены. По нашим предварительным наблюдениям, словарная статья организована в следующей последовательности своих компонентов (обозначаемых нами принятыми в нашем исследовании терминами): 1) *вокабула* – обязательный компонент статьи – представлена (полу жирным шрифтом) заголовочным словом или фразеологизмом (с возможными орфографическими, фонетическими, структурными и лексическими вариантами, выделенными малыми прописными буквами – факультативный компонент статьи; 2) *дефиниция* – обязательный компонент статьи, выполнена: а) (обычно) литературным синонимом, б) (очень редко) субстандартным синонимом, в) (редко) рядом синонимов, г) (часто) развернутым лингвистическим толкованием, д) (весьма редко) филолого-энциклопедическим определением, е) (редко) их различной комбинацией; 3) *словарные пометы* – факультативный компонент статьи: а) темпорально-исторические, б) функционально-исторические, в) ареальные, г) локально-территориальные, д) социально-профессиональные, е) социально-корпоративные, ж) социально-этнические и з) этико-стилистические – факультативный компонент статьи; 4) *номинативная справка* (объяснение словообразовательных историко-этимологических, семантико-дериватологических особенностей субстандартной номинации) – факультативный компонент статьи; 5) *иллюстративный пример и его паспортизация* – факультативный компонент статьи: а) цитации из субстандартных словарей, б) цитации из художественной литературы, в) цитации из публицистической литературы, авторские цитации; 6) (местами) перекрестные ссылки – факультативный компонент статьи (подробнее об общесоциолексикографической оценке словаря Дж. К. Хоттена см., например: [10]). Итак, здесь можно согласиться с мнением о том, что словарь Дж. К. Хоттена “*The slang dictionary*” находится на вершине классического этапа в истории английской субстандартной лексикографии [11].

В словаре Дж. К. Хоттена зарегистрированы, по нашим подсчетам, 10 этносленгизмов, которые можно вполне объективно отнести к афроэтносоциолекту, что составляет около 0,17% от более чем 10 000 содержащихся в нем словарных статей и еще меньше – от общего числа лексем в этих статьях. Их принадлежность к субстандартной афроэтносоциолектной лексической систе-

ме англоязычного афроэтносубъязыка подтверждается следующим набором микроструктурных этносоциолексиографических инструментов:

1) орфоэпической формой *вокабулы*, структурно представляющей характерные для англоязычной речи негров и цветных того периода фонеморфологические искажения как характерные признаки внелитературного афроэтнизированного фонограмматического просторечия, что дополняется афроэтносоциолектологической пометой (в цитируемом примере сопровождаемой *региолектной* пометой) в составе синонимической *дефиниции*, и *дериватологической справкой*, разъясняющей эти искажения: DUFFY, a term for a ghost or spirit among the West Indian negroes. In all probability the DAVEY JONES of sailors, and a contraction thereof originally;

2) элементом *дефиниции*, выполненной развернутым лингвистическим толкованием, содержащим указание на афроэтническую принадлежность социолектизма: а) элемент “among negroes”: MEAN WHITE, a term of contempt among negroes, in the old slavery days, for white men without landed property; б) элемент “by negroes” (в цитируемом примере сопровождаемый *региолектной* пометой): PICKANINNY, a young child is thus styled by the West Indian negroes;

3) афроэтносоциолектологическими пометами, как одной из частных разновидностей этносоциолингвистических помет: а) пометой “Amongst Negroes”: COVE, or COVEY, a boy or man of any age or station. Amongst Negroes, CUFFEE; б) пометой “negro’s phrase” (в цитируемом примере сопровождаемой *региолектной* пометой): KICKERABOO, dead. A West Indian negro’s phrase; в) сочетанием этносоциолингвистической пометы “in the nigger patois” и иллюстративного примера, характеризующего неграмотную речь негров и представляющего фонеморфологические и синтаксические искажения – элементы внелитературного афроэтнизированного просторечия: SAVVEY, to know <...> In the nigger patois, this is SABBY, “me no SABBY.”

Еще 8 сленгизмов можно лишь условно, преимущественно, на основании *дефиниции*, выполненной литературным синонимом или развернутым лингвистическим толкованием, но также и с учетом всей сопроводительной энциклопедической информации, содержащейся в статье, отнести к афроэтносоциолекту, а именно к тому из его субстандартных этнолексических составляющих, которые были характерны для речи белых людей по отношению к неграм или цветным и рабам; ср., например:

• CORNER-MAN, the end singer of a corps of Ethiopian or nigger minstrels. There are two corner men, one generally plays the bones and the other the tambourine. Corner-men are the grotesques of a minstrel company.

• DARKY, twilight; also a negro.

Словарь Хоттена характеризуется следующим фрагментарным набором этносоциолексиографических инструментов и их несистемным применением.

1. Этносоциолексиографический инструментальный раскрытия и описания *темпорально-исторических* черт социолектной лексической системы афроэтносубъязыка представлен следующими позициями:

1) для всех 18 афроэтносоциолектизмов – *датировкой* издания самого словаря – 1859–1860–1865–1874–1887–1913 гг., которую можно, с обозначенными выше оговорками, отнести к *предваряющему тексту корпуса словаря* в качестве его *мегаструктурного* инструмента темпорально-исторической параметризации данного афроэтносубъязыка во всех 18 зарегистрированных афроэтносоциолектизмах;

2) компонентом *дефиниции*, выполненной в этом случае филолого-энциклопедическим определением, как *микроструктурным инструментом* темпорально-исторической параметризации афроэтносоциолектизмов: MEAN WHITE, a term of contempt among negroes, in the old slavery days, for white men without landed property. A white man in the Southern States had no *locus standi* unless he possessed property, and the blackest of niggers would have felt insulted at any “poor white trash” claiming to be “a man and brother”. Здесь нет точной датировки периода появления и функционирования данного, именно афроамериканского, этносоциолектизма в английском языке, однако, учитывая дату первого издания этого словаря, становится очевидным, что этот элемент появился на американской языковой почве значительно раньше 1859 г.;

3) сочетанием *социолингвистических и социолектологических помет* в качестве *микроструктурного* инструмента темпорально-исторической параметризации афроэтносоциолектизмов; здесь указаниями на: а) событие – со времен гражданской войны в США, однако без ее точной датировки (1861–1865) – *социально-историческая* помета; б) на социум североамериканских “янки” – *этносоциолектологическая* помета; в) на страну – США – *национально-ареальная* помета: UNBLEACHED AMERICAN, Yankee term, since the war, for coloured natives of the United States;

4) комплексным *микроструктурным* инструментом темпорально-исторической параметризации афроэтносоциолектизмов, представленным сочетанием (а) *историко-этимологической справкой*, (б) *отсылки к словарному источнику*, (в) *иллюстративных примеров* и (г) *паспортизации*, содержащих также (д) *социолингвистические* и (е) *социолектологические* пометы: COVE, or COVEY, a boy or man of any age or station. <...> Originally

ancient cant (*temp. Henry VII.*), COVE, or CUFFIN, altered in Decker's time to COVE. See Witts' Recreations, 1654; "there's a gentry-COVE here," i. e., a gentleman. Probably connected with CUIF, which, in the North of England, signifies a lout or awkward fellow. Amongst Negroes, CUFFEE. Здесь в структуре статьи после вокабулы и ее дефиниции, выполненной развернутым лингвистическим толкованием, последовательно даны: а) историко-социолоктологическая помета *ancient cant* (древний кэнт (см. об этом понятии и явлении, например: [12]) с ее историко-временной отсылкой (*temp. Henry VII.*) к временам короля Генриха VII (д. ж.: 1457–1509); б) отсылки к глоссариям кэнта в памфлетах Т. Деккера "The Belman of London" [13], см. о них, например [14]; в) иллюстративный пример – цитата "there's a gentry-COVE here," (с «переводом» на стандартный английский "a gentleman") из литературного произведения, с указанием его автора, названия и года публикации "Witts' Recreations, 1654", однако без включения его в список использованной литературы; г) историко-этимологическая справка "connected with CUIF, which, in the North of England, signifies a lout or awkward fellow" с указанием происхождения этого сленгизма из северо-английских диалектов с соответствующей семантизацией, позволяющей проследить развитие его значения при переходе в сленг; д) этносоциолоктологическая помета "Amongst Negroes", указывающая на принадлежность этого сленгизма афроэтнолексикону негров, вероятно, в британском английском;

5) комплексным микроструктурным инструментом темпорально-исторической параметризации афроэтносоциолоктолизмов, позволяющим проследить их социальную регионально-локальную и профессионально-корпоративную мобильность – переход в профессиональные лексиконы моряков и локально-корпоративные лексиконы жителей морских и речных побережий в рамках британского варианта английского языка, – представленным сочетанием соответствующих (этно)социолоктологических помет: PICKANINNY, a young child is thus styled by the West Indian negroes. The word is now completely naturalized among sailors and water-side people in England.

2. Этносоциолоктографический инструмент раскрытия и описания афеально-локальных черт социолоктной лексической системы афроэтносубъязыка представлен следующими позициями:

1) для всех 18 афроэтносоциолоктолизмов – списком источников материала, приложенных Дж. К. Хоттеном к словарю. Это правомерно рассматривать в качестве компонента лингвистического очерка в заключающем тексте к корпусу словаря как одного из мегаструктурных этно-

социолоктографических инструментов. Из 120 источников (лексикографических, художественных и публицистических), включенных в этот список, только 5 относятся к американскому варианту английского языка. Это позволяет утверждать, что большинство зарегистрированных в этом словаре субстандартных элементов, включая и афроэтносоциолоктолизмы, относятся к британскому ареалу, т. е. к субстандартной социолоктной лексической системе афробританского этносубъязыка;

2) для 1 афроэтносоциолоктолизма – афеально-локальной пометой как компонентом дефиниции, выполненной филолого-энциклопедическим определением: MEAN WHITE, a term of contempt among negroes, in the old slavery days, for white men without landed property. A white man in the Southern States had no locus standi unless he possessed property, and the blackest of niggers would have felt insulted at any "poor white trash" claiming to be "a man and brother". Здесь помета "in the Southern States" относит этносленгизм MEAN WHITE к афроамериканскому этносубъязыку, из которого этот сленгизм и был, по-видимому, заимствован в афробританский этносубъязык, хотя это прямо не подтверждается соответствующей ареальной пометой. Вместе с тем это косвенно свидетельствует о возможной межареальной мобильности некоторых афроэтносоциолоктолизмов;

3) еще для 1 афроэтносоциолоктолизма – сочетанием этносоциолоктологической и афеальной помет в составе дефиниции, выполненной филолого-энциклопедическим определением: UNBLEACHED AMERICAN, Yankee term, since the war, for coloured natives of the United States. Здесь также можно, с обозначенными выше оговорками, предполагать возможную межареальную мобильность данного афроэтносоциолоктолизма.

3. Вместе с тем следует отметить тот факт, что 3 из оставшихся 16 афробританских этносоциолоктолизмов могли быть перенесены и на американскую почву в указанный исторический период или, наоборот, заимствованы из Америки в Англию. Рассмотрим следующие случаи:

1) афроэтносоциолоктолизм, соотношенный с понятием "Blackbird": а) Blackbird-catching, sea Slang for slave-trade [15]; б) Blackbirding, slave-catching. Term most applied nowadays to the Polynesian coolie traffic [16]. В словаре Дж. К. Хоттена приведенные два производных от Blackbird этносленгизма первоначально отнесены к морской работоторговле до 1865 г., а затем к транспортировке восточноазиатских кули до 1913 г. без указания на конкретный ареал английского языка, поскольку, по-видимому, этот сленгизм широко бытовал в речи англоговорящих работоторговцев. В словаре Уэнтворта – Флекнера: blackbirder *n.* A Negro slave merchant; one

who financed or sailed ships operating in the Negro slave trade. 1956: "The stinking ships of the black-birders crossed the bars below the delta and came up-river." S. Longstreet, *The Real Jazz Old and New*, 3. *Pre-Civil War use. Obs.* Здесь данный сленгизм обозначает непосредственно работарговца, или, точнее, торговца неграми-рабами, а также того, кто финансировал и перевозил на судах черных рабов. При этом данный этносленгизм четко относится к афроамериканскому этноязыку периода до гражданской войны в США (1861–1865), после чего он устаревает и выходит из употребления [17]. Таким образом, можно предположить, что данный этносленгизм все-таки появился раньше на американской почве, а затем и на британской, или, еще шире, в англоязычном обиходе представителей различных стран и национальностей, т. е. обладал большой ареально-географической мобильностью до того, как стал историзмом;

2) афроэтносоциолектизм: BUCKRA, a white man. – *West Indian Negro* [18]. В словаре Дж. К. Хоттена от 1865 г. данный этносленгизм четко дефинирован как наименование белого человека и четко маркирован (в наших терминах) *ареально-географической* и *этносоциолектологической* пометами как вест-индийский, т. е. британский, негритянский афроэтносоциолектизм. Однако в словаре "The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English" данный сленгизм с тем же значением маркирован ареальной пометой как американский афроэтносоциолектизм, появившийся в США ок. 1787 г. и функционировавший в речи афроамериканцев, как это видно из примеров, до начала 1970-х гг.: buckra noun a white person US, 1787 • Whites called them "white trash" and Negroes "po" buckra." – Nelson Algren, *A Walk on the Wild Side*, p. 8, 1956 • "Buckra? What's that?" "The kind of white folks ain't got time for nuthen but kicken niggers and ass-kissen rich folks," the driver said. – Robert Penn Warren, *Wilderness*, p. 84, 1961 [19]. Таким образом, очевидно, что данный афроэтносленгизм был первоначально зарегистрирован на американской почве (1787 г.). Этот факт также косвенно подтверждается тем, что в словаре Ф. Гроуза [20] этот сленгизм вообще не зафиксирован;

3) этносоциолектизм (также встречающийся в словаре Ф. Гроуза в статье на DINGEY CHRISTIAN [21]): TAR-BRUSH, a person whose complexion indicates a mixture of negro blood, is said to have had a lick of the TAR-BRUSH [22]. В словаре Дж. К. Хоттена этот этносленгизм не имеет ареальных помет, относясь, очевидно, к британскому варианту английского языка, как и подавляющее большинство зарегистрированных в этом словаре сленгизмов. Однако основной

компонент этого композита TAR- встречается в словарях американского сленга в составе сложных афроамериканских этносоциолектизмов с уничижительной коннотацией, обозначающих негров, или чернокожих. Ср., например: tar-pot [derog.] n. A Negro child. *Archaic* [23]; tar baby noun a black person US, 1962 Offensive [24]. Здесь tar-pot стало архаизмом к 1975 г., а tar baby все еще бытует в американском английском с 1960-х гг. Таким образом, этносленгизмы с компонентом TAR- могут рассматриваться как межареальные лексемы.

4. Этносоциолектографический инструментарий раскрытия и описания *корпоративно-субкультурных* черт социолектной лексической системы афроэтноязыка представлен пятью *микроструктурными* этносоциолектографическими инструментами: (1) *орфоэпической формой вокабулы* в сочетании с (2) *региолектными* и *афроэтносоциолектологическими пометами*, как разновидностями *этносоциолингвистических помет*, в составе (3) *синонимической дефиниции* с участием (4) *дериватологической справки* и (5) *иллюстративного примера* (см. примеры на: DUFFY, MEAN WHITE, PICKANINNY, COVEY, CUFFEE, KICKERABOO, SAVVEY). Эти инструменты относят данные этносубстандартные лексемы, аналогично словарю Ф. Гроуза, не только к британскому афроэтноязыку (12 ед.), но также и к американскому афроэтноязыку (6 ед.; см. примеры на MEAN WHITE, UNBLEACHED AMERICAN, Blackbird-catching, Blackbirding, BUCKRA, TAR-BRUSH); и в каждом из них – к обслуживаемым ими двум корпоративным этносубкультурам: А) к *собственно негритянской этносубкультуре*: а) *британской* (см. примеры на COVEY, DUFFY, PICKANINNY, SAVVEY) и б) *американской* (см. примеры на BUCKRA и MEAN WHITE); Б) к *этносубкультуре белых людей с адресатной направленностью на негритянский этносоциум*: а) *британский негритянский этносоциум* (см. примеры на CORNER-MAN, DARKY, а также: SHIMNEY-SWEEP, the aperient mixture commonly called a black draught; STREET-PITCHERS, negro minstrels, ballad-singers, long-song men, men "working a board" on which have been painted various exciting scenes in some terrible drama, the details of which the STREET-PITCHER is bawling out, and selling in a little book or broadsheet (price one penny); or any persons who make a stand – i.e., a pitch – in the streets, and sell articles or contribute entertainments for a living); и б) *американский негритянский этносоциум* (см. примеры на Blackbirding, TAR-BRUSH, UNBLEACHED AMERICAN).

Примечания

1. Заграевская Т. Б. Афроамериканский этноязык в пространстве англоязычного социума. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. С. 74–75.

2. *Grose F.* A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue by Captain Francis Grose edited with a biographical and critical sketch and an extensive commentary by Eric Partridge, London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963, Reprinted in New York: Books for libraries press, 1971. XIV.
3. *Hotten J. C.* The slang dictionary, East Ardsley, Wakefield, Yorkshire, England: Republished by EP Publishing, Ltd., 1972. [This reprint taken from the 1887 edition].
4. *Barrère A., Leland Ch. G.* A dictionary of slang, jargon, and cant, embracing English, American, and Anglo-Indian slang, Pidgin English, tinkers' jargon and other irregular phraseology. With a new Introduction by Eric Partridge. Vol. 1–2. The Ballantyne Press. MDCCCLXXXIX. Republished by Gale Research Company. Detroit: Gale Research Co., Book Tower, 1967. Vol. 1. A – K. XXIII.
5. *Farmer J. S., Henley W. E.* Slang and its Analogues. Past and Present. A Dictionary, Historical and Comparative, of the Heterodox Speech of All Classes of Society for more than Three Hundred Years. With Synonyms in English, French, German, Italian, etc. 7 vols. Vol. I. A to Byz. MDCCCXC [1890]. Reprinted. N. Y.: Kraus Reprint Corporation, 1974. X.
6. *Ware J. R.* Passing English of the Victorian Era: A Dictionary of Heterodox English, Slang and Phrase. N. Y.: Dutton & Co., 1909. VIII.
7. *Partridge E.* Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979. IX; *Partridge E.* A dictionary of slang and unconventional English. N. Y.: Macmillan Publishing Co., 1984. XXIX.
8. *Thorne T.* Dictionary of contemporary slang. L.: Clays Ltd., 1994. VII.
9. *Ayto J.* Oxford Dictionary of Slang. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2003.
10. *Рябичкина Г. В.* Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2009. С. 110–115; *Смирнова О. В.* История становления англоязычной просторечной лексикографии (XVI–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. С. 12–13; *Хомяков В. А.* Обзор основных одноязычных словарей английского просторечия // Проблемы лексикологии, лексикографии и прикладной лингвистики. М.: ИЯ АН СССР, 1978. Ч. 1. С. 230–232; *Chapman R. L.* Dictionary of American slang. Third edition. N. Y.: Harper Collins Publishers, 1995. XXII. P. VIII, 15; *Partridge E.* Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979. IX. P. 29–30; Там же. P. 95–96; Там же. P. 161–162.
11. *Рябичкина Г. В.* Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2009. С. 116.
12. *Хомяков В. А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. С. 111–112; *Фищук И. В.* Кэнт в английском языке национального периода (социолектологический подход): дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2009. С. 7; Там же. С. 101–102; Там же. С. 191–192.
13. *Dekker Th.* O per se O or a new Cryer of Lanthorne and Candle-light, an Addition to The Belman's Second Night's Walke. L.: John Busbie, 1612. [British Library, C. 27. b. 19]; *Dekker Th.* The Belman of London. Bringing to light the most notorious Villainies that are now practised in the indom. L.: Nataniel Butter, 1608. [British Library, C. 20].
14. *Смирнова О. В.* История становления англоязычной просторечной лексикографии (XVI–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. С. 8; *Рябичкина Г. В.* Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2009. С. 41–42; *Coleman J.* A History of Cant and Slang Dictionaries, Oxford: Oxford University Press, 2008. V. III: 1859–1936.
15. *Hotten J. C.* The slang dictionary; or, the vulgar words, street phrases, and “fast” expressions of high and low society. Many with their etymology, and a few with their history traced. L.: John Camden Hotten, 1865. XXIV.
16. *Hotten J. C.* The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal. A new edition, revised and corrected, with many additions. L.: Chatto and Windus, Publishers, 1874. X; *Hotten J. C.* The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal. A new impression. L.: Chatto and Windus, 1913. X.
17. *Wentworth H., Flexner B. S.* Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. N. Y.: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975.
18. *Dekker Th.* The Belman of London. ...
19. *Dalzell T.* The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2009. X.
20. *Grose F.* A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue by Captain Francis Grose edited with a biographical and critical sketch and an extensive commentary by Eric Partridge. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963. XII.
21. Там же.
22. *Hotten J. C.* The slang dictionary; or, the vulgar words, street phrases, and “fast” expressions of high and low society ...; *Hotten J. C.* The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal. A new edition, revised and corrected, with many additions; *Hotten J. C.* The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal. A new impression.
23. *Wentworth H., Flexner B. S.* Op. cit.
24. *Dalzell T.* Op. cit.

А. А. Кюрегян

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

В статье рассматривается семиотика культуры. Описывается широкая парадигма образов, выполняющих знаковую функцию в процессе общения. Приводятся примеры культурных кодов, их иерархия, а также единицы лингвокультурного кода. Подчеркивается, что единицы лингвокультурного кода образуются при взаимодействии культурных кодов с общеязыковым кодом.

The article deals with the culture of semiotics. The wide variety of images having special function in the process of communication is being discussed. The examples of cultural codes and the hierarchy of them are given. The author emphasizes the importance of linguocultural code units while integrating with general codes.

Ключевые слова: семиотика культуры; проverbsиальная единица; проverbsиальный код; культурный код; система образов; единица лингвокультурного кода; проverbs.

Keywords: the culture of semiotics; proverbial unit; proverbial code; cultural codes; the system of images; linguocultural code units; proverb.

Рассматривая культуру как семиотический феномен, В. М. Савицкий отметил: «Одной из входящих в нее подсистем является обширная парадигма образов, выполняющих знаковую функцию в процессе общения. В нее входят... образы, почерпнутые из хозяйственной практики, ритуалов, игр, расхожих житейских представлений, поверий, фольклора, мифологии, религии, литературы и т. д. Образные знаки, извлеченные из «текстов культуры» (как вербальных, так и невербальных), со временем могут отрываться от них, обретать относительную самостоятельность и, в свою очередь, способствовать созданию новых текстов культуры» [1].

Упомянутые «парадигмы образов», обретая знаковую форму, имеют переменную субстанцию плана выражения. Это означает, что они могут воплощаться в разном материале – живописном, скульптурном, архитектурном, музыкальном, вербальном и др. Так, меч (символ могущества), выполняя знаковую функцию, может выступать в натуральном виде (в средневековых обрядах типа посвящения в рыцари), а также в виде разного рода изображений – зрительных (например, на геральдических эмблемах) и вербальных (например, в оборотах *the sword of justice, the sword of state, to throw one's sword onto the scale* и т. п.).

Обладая устойчивостью в системе культуры, значением в единстве его денотативно-сигнифи-

кативного и коннотативного компонентов, местом в парадигме, инвариантом формы и материальным субстратом (пусть и переменным), такие образные единицы имеют статус знаков культуры, а их парадигмы – статус культурных кодов.

В качестве субстрата для культурного кода может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий действительности – флора, фауна, явления природы, оружие, орудия труда, хозяйственная утварь, одежда, пищевые продукты, здания и прочие артефакты, а также культурные сценарии (трудовые процессы, празднества, игры, состязания, битвы, шоу, торги и другие социокультурные трансакции). Так, Ю. М. Лотман отмечал: «Символика времени года – одна из наиболее общих и многообразных в смысловом отношении. Связанная с философией природы идеей цикличности, символикой крестьянского труда, она является удобным языком для выражения самых общих метафизических понятий.

Одновременно она легко втягивает в себя антитезы «естественной» деревенской и «искусственной» городской жизни и многие другие, являясь по сути дела одним из универсальных культурных кодов» [2]. Культурный код может подразделяться на субкоды. Иерархия субкодов при этом может быть многоуровневой. Система культурных кодов с ее «вертикальными» и «горизонтальными» отношениями составляет образную систему культуры.

Планом содержания образных знаков, составляющих глоссарий культурных кодов, являются культурные концепты – относительно стабильные и устойчивые когнитивные слепки с внеязыкового мира, имеющие аксиологический, образный и когнитивный аспекты [3]. Культурный код заключает в своей семантике тот или иной участок концептосферы данной этнокультуры.

В процессе вербальной коммуникации, наряду с естественным языком, используются культурные коды. Чтобы достаточно полно и адекватно понять сообщение, реципиент должен владеть не только применяемым в акте общения словесным языком, но и теми культурными кодами, которые задействуются продуцентом речи в данном акте общения. Это особенно относится к эстетической коммуникации. Так, образы родной природы в лирических стихотворениях в своей совокупности воссоздают синтетический образ Родины, окрашенный в патриотические и ностальгические тона и составляющий художественное содержание произведения. Это содержание не доходит до иностранного читателя, не знакомого с символикой природы чужой для него страны, даже если он владеет тем этноязыком, на котором написано стихотворение.

Аналогичным образом, некоторые пословицы или присловья непонятны тому, кто не владеет

соответствующим кодом данной культуры. Например, чтобы понять смысл американско-английского оборота *Don't kill a mocking bird* («Не причиняй зла слабым и невинным»), нужно знать, что в американском фольклоре птичка пересмешник символизирует душевную чистоту, невинность и беззащитность. Ср. рус.: Убить бобра – не видать добра. («У западных и восточных славян существовало поверье об убийстве бобра как о дурном предзнаменовании») [4].

Концептосфера существует в определённой мере независимо от языковой системы. Её носители – культурные коды – суть самостоятельные семиотические образования. Однако в процессе общения происходит экспансия культурных кодов в вербальный язык. Они закрепляются в образной лексике, фразеологии, паремииологии, которые служат их планом выражения. Так возникают гибридные – лингвокультурные – коды.

«Невербальные культурные коды, обретая словесную форму, становятся лингвокультурными кодами» [5].

Единицы культурных кодов (отдельные образы) представляют собой знаки с переменной субстанцией плана выражения. Один и тот же образ может воплощаться в различных материальных носителях. Это может быть его натуральный носитель (например, живые голуби на демонстрации сторонников мира, хлеб и соль при встрече именитого гостя) либо его скульптурные, фотографические, живописные и т. п. изображения. Особый случай представляет словесное воплощение образа; при этом план выражения обладает не только специфической субстанцией (звуковой либо графической), но и специфической (естественноязыковой) формой. Этноязык неразрывно связан с этнокультурой; происходит экспансия культурных кодов в этноязык, а именно в сферы образной лексики, фразеологии и паремииологии. Таким образом, фразеологический фонд на образном уровне представляет собой одно из естественноязыковых воплощений целого ряда культурных кодов, субкодов и их фрагментов. Фразеологическая образность не полностью охватывает, но пересекается со многими культурными кодами, в основном антропоцентрически ориентированными по своей тематике.

Между единицами культурных кодов (отдельными образами) и основными единицами естественного языка (отдельными словами) нет ярко выраженного взаимно-однозначного соответствия. Один образ может быть выражен как одним словом, так и несколькими словами, оставаясь при этом единым знаком. Этот факт имеет лингвистическое значение.

В качестве примера приведем английский фразеологизм *a red herring* (букв. «копченая селед-

ка», перен. «уловка»). Копченая селедка использовалась для того, «чтобы создать искусственный след при тренировке охотничьих собак» [6]. У. Вайнрайх [7] определяет значение этой фразеологической единицы как “*phony issue*” (ложное утверждение) и приписывает переносное значение “*phony*” (ложное) лексеме *red*, а переносное значение “*issue*” (утверждение) – лексеме *herring*. Однако можно не согласиться с такой трактовкой знаковой структуры этого фразеологизма, так как для нее, на наш взгляд, нет оснований. Ничто не указывает на то, что в данном постоянном контексте «копченая» и «селедка» – это два отдельных образа, обладающих хотя бы относительно самостоятельной символикой. Напротив, здесь мы имеем дело с единым образом, не делимым на составляющие его образы, то есть с одной, а не двумя единицами культурного кода. Образ копченой селедки переосмыслен здесь целиком. Дискретизация имеет место на лексическом, но не на образном и не на фразеосемантическом уровнях знакового строения данной языковой единицы. Один образ представлен не одним, а двумя словами; он мог бы репрезентироваться тремя, четырьмя, пятью словами, но при этом оставаться единым. Единство образа цементирует репрезентирующую его цепочку слов в одну номинативную единицу, подавляя самостоятельную номинативную функцию у отдельных слов и превращая их во фразеолексемы. Устойчивое сочетание лексем *a red herring* в его переносном значении представляет собой одну единицу кода, которая выступает и как отдельный фразеологизм, и как фрагмент фразеологизма *to draw a red herring across the path* (букв. «протащить копченую селедку через дорогу», перен. «сбить с толку»). Его единство подтверждается, во-первых, синтаксической нетрансформируемостью (нельзя сказать *this herring is red*), а во-вторых, существованием лексического варианта этой языковой единицы – сложного слова *red-herring* (в том же переносном значении).

Приведем противоположный пример. Образ «холодный» зачастую символически соотносится с понятиями «спокойный», «невозмутимый», а образ «голова» метонимически соотносится с представлением об уме, духе, душевном состоянии. Английский фразеологизм *a cool head* (букв. «холодная голова», перен. «невозмутимость; здравомыслие; самообладание») состоит из двух образных знаков, каждый из которых воплощен в одной лексеме. Членимость (составной характер) этого фразеологизма подтверждается возможностью синтаксической трансформации *Somebody's head is cool*, а также употреблением слов *cool* и *head* по отдельности в этих же переносных значениях (ср.: *Stay cool* «будь спокоен»; *a clear head* «ясный ум»).

Таким образом, единицы лингвокультурного кода образуются при взаимодействии культурных кодов с общеязыковым кодом. Единица лингвокультурного кода может состоять из любого количества лексем (от одной до всех, входящих в состав фразеологизма), но является естественноречевым воплощением только одной единицы культурного кода (отдельного образа).

Лингвокультурный концепт – это культурный концепт, зафиксированный в знаковой структуре языковой единицы и неразрывно слитый с её значением и образной основой. Лингвокультурный код – это система тематически однородных языковых единиц, являющихся носителями того или иного участка концептосферы народа.

«Лингвокультурные коды обладают национально-культурной спецификой. Они отражают особенности культуры использующего их народа. Всякий носитель этнокультуры и этноязыка с ранних лет усваивает эти коды вместе с родным языком. Лингвокультурные коды особенно широко применяются в художественной литературе и фольклоре» [8]. К числу таких относится и proverbial code, заключающий в себе, главным образом, постулаты традиционной народной морали и расхожие представления о разумности человеческого поведения с позиции здравого смысла, а также отражение закономерностей бытия, требующих учета при выработке житийской стратегии и тактики.

Примечание

1. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: «Самарский университет», 1993. С. 117.
2. Лотман Ю. М. Две осени // Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 394.
3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 4–5.
4. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1989. С. 119.
5. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код. М.; Самара: «Лонгман», МГПУ, 2005. С. 18.
6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984. С. 385.
7. Weinreich U. Semantics. L.; N. Y., 1966.
8. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Указ. соч. С. 18.

УДК 811.11

И. В. Чистякова

АНЕКДОТ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Современный анекдот является актуальной сатирико-юмористической формой массовой художественной речи. Осмеяние различных общественных недостатков – это целевое назначение жанра. Исследование анекдота, предпринятое в русле диктемной теории текста, позволяет охарактеризовать анекдот как краткий комический текст городского фольклора с неожиданной развязкой.

Modern anecdote is a topical satirical and humorous form of popular imaginative speech. The main purpose of the genre is to comically expose different disadvantages of society. The study of anecdotes within the framework of dictemic theory of text structure allows us to describe anecdotes as short comical texts of urban folklore with an unexpected issue.

Ключевые слова: анекдот, фольклор, литературный жанр, жанровые признаки анекдота, текст, диктема, диктемная теория.

Keywords: anecdote, folklore, literature genre, anecdote genre features, text, dicteme, dicteme theory.

Анекдот в последнее время все чаще становится предметом специального лингвистического изучения. Культурологическое изучение анекдотов представляется особенно актуальным, поскольку категории комического связаны с важнейшими концептами культуры, с такими параметрами жизни общества, как официальное и «карнавальное» отношение к миру [1].

В традиции описания анекдота можно проследить дифференциацию жанра на литературный тип, относящийся к авторскому литературному творчеству (Гроссман 1923, Зунделович 1929, Курганов 1997, Матузова 1967), фольклорный (Алаев 1995, Борев 1995, Кронгауз 1996, Кузьмичев 1983, Мелетинский 1990, Пермяков 1970, Померанцева 1985, Столович 1993, Томашевский 1996, Шмелева, Шмелев 2000) и художественно-публицистический (Тертычный 2000). В рамках данного исследования мы исходим из фольклорного типа реализации жанра анекдота как одной из бытующих форм устного повествования. Этот выбор обусловлен первичностью формы устного повествования фольклорного типа анекдота по отношению к литературному или художественно-публицистическому жанру анекдота.

Изучение анекдота в общей системе фольклорных жанров имеет ряд специфических особенностей. Зачастую анекдот рассматривается как шуточный жанр, наряду с такими жанрами, как афористическая миниатюра, юмореска, шуточная песня, скетч, пародия, куплеты и др. Прежде

всего, само определение анекдота не охватывает всего жанра целиком, а затрагивает его разновидности.

В зарубежных исследованиях XX в. было предложено различное понимание термина «анекдот». Согласно «Этнопоэтике» (Jason, 1975), «Словарю литературных терминов» (Cuddon, 1977), «Энциклопедии простых форм» (Simple Forms, 1994), «анекдот» представляет собой короткую, нередко нравоучительную историю о знаменитых людях и служит для репрезентации героя анекдота как представителя определенной социальной группы или эпохи. **Oxford Dictionary** даёт следующее определение «анекдота»:

Anecdote /'ænikdəʊt/ noun: 1. a short amusing or interesting story about a real incident or person: *he told anecdotes about his job*; 2. an account regarded as unreliable or hearsay: [*mass noun*]: *his wife's death has long been the subject of rumour and anecdote*; 3. [*mass noun*] the depiction of a minor narrative incident in a painting: *the use of inversions of hierarchy, anecdote, and paradox by Magritte, Dali, and others*.

Cambridge Dictionary определяет «анекдот» следующим образом:

Anecdote /'ænikdəʊt/, noun: a short often funny story, especially about something someone has done: *He told one or two amusing anecdotes about his years as a policeman*.

Отечественные толковые словари и нормативные справочники дают следующие определения анекдота:

Анекдот: 1. Короткий забавный рассказ о незначительном, но характерном происшествии. 2. Комический рассказ о поучительном случае из жизни исторического лица или фольклорного героя. 3. Своеобразная юмористическая, нередко гротескная притча. 4. Короткий устный рассказ злободневного бытового или общественного содержания с шутовой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой (Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1986).

Анекдот: Короткий рассказ об историческом лице, происшествии. Жанр городского фольклора, злободневный комический рассказ-миниатюра с неожиданной концовкой, своеобразная юмористическая, часто фривольная притча (Большая Российская Энциклопедия, 2001).

Анекдот: короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка (Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Т. 1. М., 1863).

Анекдот: небольшой устный смешной рассказ (нередко на злободневную тему) с неожиданной острой концовкой. Рассказывать анекдоты. Анекдотец (разг.) – небольшой анекдот. Смешное

происшествие. «С ним прямо анекдот приключился!» Рассказ о забавном или поучительном случае из жизни исторического лица или фольклорного героя. «Анекдоты из жизни Петра Первого» (Словарь иностранных слов под ред. Ф. Н. Петрова. М., 1964).

Анекдот (фр. *anecdote* – байка, небылица; от греч. τὸ ἀνέκδοτον – не опубликовано, букв. «неизданное») – фольклорный жанр, короткая смешная история, обычно передаваемая из уст в уста (Свободная энциклопедия – Википедия).

В нашем исследовании мы будем придерживаться определения, которое было дано М. Я. Блохом, так как оно является кратким и ёмким, отражая в себе все черты, присущие анекдоту: «Анекдот – это предельно короткий рассказ развлекательно-комического содержания городского фольклора с неожиданной развязкой».

Из вышенаписанного можно сделать вывод, что используемые до настоящего времени определения учитывают три характерные разновидности анекдота, которые впервые были подробно проанализированы А. П. Пельтцером: «Греческое слово анекдот первоначально обозначало сочинение “неизданное”, дотоле неизвестное публике. <...> С течением времени анекдот стал обозначать “неупомянутый” прежними авторами, преимущественно историками, какой-нибудь особенно характерный факт, случай или особенное обстоятельство. Желая щегольнуть друг перед другом начитанностью, историки разукрашивали свои сочинения разными подробностями, не только не имевшими никакого отношения к истории, но и отходившими часто в область фантазии. Наравне с историческими подробностями под этим термином стали подразумеваться вообще более или менее интересные отдельные факты, главным образом *остроумные рассказы, поражающие своей неожиданностью и легкостью*» [2]. Дополнительно А. П. Пельтцер указал ещё на один источник возникновения анекдота: «Для привлечения большего внимания и интереса паствы священники порой использовали *апокрифические тексты притчевого характера с остроумным решением в них*» [3].

Таким образом, анекдот способен развиваться из любого фольклорного/литературного жанра или, наоборот, трансформироваться в любой художественный жанр, в котором существенным элементом комического является игра слов или игра положений.

Жанровая сущность анекдота – это «топтанье на месте» перед острым, неожиданным финальным рывком. Причём последний непредсказуем, что во многом и порождает занимательность текста, определяет его фокус, весь его художественный смысл. Финал анекдота не только неожидан и непредсказуем – он при этом зачастую ещё и

отделён от основного текста, как бы не вытекает из него, противоречит ему, изнутри взрывает сюжет, заставляя его играть и искривляться. Очень часто завершающая реплика фактически не заключает текст, а спорит с ним, переворачивает его, кардинально смещает акценты. То есть структурные признаки анекдота, составляющие его жанровое ядро, специфически связаны с композиционной кульминацией анекдота. Само повествование может иметь любую вербальную структуру. Однако реализуется она как остроумная игра в, казалось бы, неподходящих для игры условиях [4]. Сущность анекдота, таким образом, можно сводить к неожиданной подмене контекста, снимающей напряжённость невербальной ситуации нетривиальным вербальным способом. Специфика анекдота как жанра также определяется его включённостью в речевую ситуацию. Для понимания анекдота важно учесть поведение (игру) рассказчика и реакцию слушателя.

Е. Я. Шмелёва и А. Д. Шмелёв с языковой точки зрения выделяют в тексте анекдота два чётко разграниченных языковых слоя: «метатекстовый» ввод и собственно текст анекдота, в котором можно выделить ещё два языковых слоя – текст «от автора» и речь персонажей анекдота [5]. Необходимость «метатекстового» ввода (т. е. такой фразы, как, например, *Кстати, знаете анекдот...?; Дайте я расскажу анекдот...; А вот ещё анекдот на эту тему...* и т. д.), по мнению этих исследователей, является важным нетривиальным признаком рассказывания анекдота. Наличие пропозиции (призванной обозначить общий фон) в анекдоте – явление необязательное: общий фон, сама ситуация могут быть выведены на коннотативном уровне или, как в драматическом анекдоте, на иллюзорном уровне – пространственно-временные отношения в этом случае могут выстраиваться в воображении самим реципиентом анекдотического сообщения [6].

Наконец, последнее, что позволяет рассматривать анекдот как модификацию фольклора – это его связь с традицией народной «смеховой культуры», в том виде, в каком описал её М. М. Бахтин применительно к европейской культуре. С эстетической точки зрения анекдот принадлежит к сфере комического – его художественная ценность определяется способностью вызывать улыбку или смех, даже если это «смех сквозь слёзы» [7]. Суть «смеховой культуры», так показал М. М. Бахтин, состоит в том, что она «выворачивает наизнанку» самые возвышенные для того времени идеи, позволяя себе высмешивать, высмеивать, пародировать мифологические представления и культурные действия, выражая тем самым сознание относительности, а подчас и иллюзорности их величия.

Текстовую структуру анекдота можно рассматривать с точки зрения сегментно-уровневого строения. Существенным элементом выражения с точки зрения строя текста является предложение – выразитель номинации и предикации. Вне предложения текст не может выражать суждений и умозаключений, лишается способности осмысленного отражения окружающего мира. Разные непредикативные изгласения (словосочетания, междометия, нечленораздельные возгласы) становятся носителями информативного смысла лишь в соединении с предикативными ядрами речи [8]. Первое уровневое зияние – между словом и предложением – заполняется «денотемой», соответствующей члену предложения (образуемого по реверсивному закону «одно или несколько слов»), а второе уровневое зияние – между предложением и целым текстом – «диктемой» (образуемой по реверсивному закону «одно или несколько предложений») [9].

Теория диктемы, разрабатываемая в работах М. Я. Блоха и последователей его школы, открывает новые перспективы для дальнейшего исследования механизма речевого воздействия и развития теории строя текста. Понятие диктемы было выдвинуто М. Я. Блохом в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах языка. Диктема строго отвечает принципу построения из «одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня», т. е. из одного или нескольких предложений [10]. Как составная часть этой структуры, она выделяется своей чёткой функцией, не сводимой к функциям нижележащих единиц, но вбирающей в себя эти функции в рамках своего собственного, интегративно-текстового назначения выражать определённую тему. Это значит, что вне диктемы, т. е. вне диктемого строения, текст как непосредственный продукт речевой деятельности не существует и существовать не может [11].

Следовательно, можно сделать вывод, что в речевой последовательности каждое отдельное предложение отражает предметный (тематический) переход в цепи сообщений. Это значит, что каждое из подобных предложений образует отдельную диктему, если в предложении нет драматических связей. И как таковое, оно в потенции может служить зачином связной текстовой последовательности, раскрывающей некоторую общую тему. Если в разговорной речи предложения не связаны друг с другом и если сменить тему разговора, то каждое предложение потенциально может быть развёрнуто в отдельный текст.

Анекдот является текстом художественной коммуникации, в связи с чем его структурно-композиционное строение зависит от художественного замысла автора. Анекдот может быть представлен как в письменной, так и в устной форме.

В устной монологической речи каждая диктема отграничивается диктемно-долгой паузой вместе с диктемно-финальным просодическим тоном (повышением или понижением тона). Тем самым слушающий правильно реагирует на рассказываемый анекдот, вычленив главный смысл, «соль» анекдота. В диалогической речи диктема, как правило, представлена репликой. Через диктему осуществляется действие текстовой пресуппозиции, обеспечивающей необходимое раскрытие всех имплицитивно передаваемых смыслов сообщений [12].

Для анекдота огромное значение имеют зачин и финальная формула. Самое важное – неожиданная, коронная концовка, с которой, надо думать, и начинается процесс формообразования анекдота – от конца к началу. Этот факт рассматривали в своих работах такие учёные, как М. С. Каган, В. И. Карасик, О. А. Дмитриева, В. В. Химик, Е. Я. Шмелёва и А. Д. Шмелёв и др.

В обобщённой форме композиционную структуру анекдота, принимая во внимание диктемную теорию строя текста, можно представить в виде трёх составляющих:

- 1) диктема-зачин,
- 2) диктема-развитие ситуации,
- 3) диктема-развязка.

Данные три стадии выделяются не во всех текстах анекдотов. Облигаторными являются диктема-завязка и диктема-развязка; развитие ситуации в некоторых анекдотах является усечённой или вовсе отсутствует. Анекдот может состоять всего из нескольких строчек, а может представлять собой всё-таки более или менее развёрнутый текст, прообраз новеллы, в котором заключены несколько диктем, объединённых общей темой.

В общем информационном комплексе, содержащемся в диктеме как непосредственной сегментной составляющей текста, можно насчитать целый ряд рубрик информации, каждая из которых является существенно важной с точки зрения когниции и коммуникации. М. Я. Блох в своей статье «Диктема в уровневой структуре языка» выделяет 11 рубрик [13]. Анекдот, прежде всего, актуализирует коммуникативно-установочную рубрику информации, поскольку она непосредственно определяет тип речедействительностного сотрудничества слушающего, требуемого говорящим соответственно его коммуникативной цели. В диктеме разговорного диалогического текста, коим и является анекдот, наряду с эстетической информацией, формирующей аспект художественно-образного выражения, заметное место занимает импрессивная информация, которая нередко и вполне естественно смыкается с эстетически-образной (или переходит в неё). Эмотивная часть высказывания связана с прямым

отражением эмоционального состояния говорящего. Импрессивная информация – это выразительность высказывания, его воздействующая сила, отражающаяся в действительности реакции слушающего, в его, так сказать, коммуникативной активности.

Возьмём, например, анекдот, высмеивающий как политику Дж. Буша, так и его интеллект: *In an attempt to thwart the spread of bird flu, President George W. Bush has bombed the Canary Islands. Turkey is next.*

В приведённом анекдоте присутствует несколько диктем, но относиться они будут только к стадии завязки и развязки, так как стадия развития ситуации отсутствует. Диктема-зачин имеет тему «птичий грипп»: грамматически она выражена первой частью предложения: *In an attempt to thwart the spread of bird flu.* Развязка представлена диктемой с темой «борьба с птичьим гриппом и её результаты». Комизм анекдота создаётся за счёт каламбура, а именно за счёт двойной трактовки значений слов “canary” и “turkey”, которые, с одной стороны, являются непереводаемыми именами собственными, а с другой – переводятся как имена нарицательные – «канарейка», «индейка». Данный приём вскрывает экстремизм Дж. Буша.

В следующем анекдоте не наблюдается активной смены событий, за которыми невозможно уследить. Финал, казалось, был предсказуем, однако:

She: Do you love me with all your heart and soul?

He: Uh-huh.

She: Do you think I'm the most beautiful girl in the world, bar none?

He: Yeah.

She: Do you think my lips are like rose petals, my eyes like limpid pools, my hair like silk?

He: Yup.

She: *Oh, you say the most beautiful things!*

Реплики героев будут представлять собой отдельные диктемы с темами «любовь», «красота», «внешняя привлекательность», все они связаны одной макротемой – «восхищение», «признание в любви». Причём реплики со стороны **He**, представленные междометиями, будут актуализировать лишь тему «согласия» с репликами со стороны **She**. Тема финальной диктемы-развязки, с одной стороны, не выбивается из общей темы анекдота, а с другой, учитывая поведение **He**, находится в противоположном эмоционально-психологическом измерении: “*She: Oh, you say the most beautiful things!*” Эта диктема и представляет «соль» анекдота – для **She** согласие с её словами со стороны **He** является важным и приятным, несмотря на то, что **He** не проронил ни слова.

Рассмотрим следующий пример:

A guy burned two ears... So they were asking him at the hospital how it happened. He said, "I was ironing my clothing and the phone rang... so instead of the phone I picked up the iron and burned my ear..."

"But how the heck did you burn the other ear?" the doctor asked.

"How do you think I called you, people?"

В представленном анекдоте присутствуют все композиционные стадии анекдота. Зачин представлен диктемой с темой «травма» и грамматически выражен первым предложением: *A guy burned two ears...* Развитие ситуации представлено несколькими диктемами, объединёнными на основе оккурсенной связи в диктеме с темой «причинение травмы». Развязка дана в виде первой диктемы, через реплику молодого человека, объясняющую причину второй травмы: *"How do you think I called you, people?"*

Мы можем сделать вывод, что в центре анекдота – одно событие, набор деталей – предельно скупой, а минимализм выбора деталей обуславливает символическую нагрузку на них; героев – максимум двое. Основным текстообразующим элементом анекдота является диктема – минимальная тематизирующая единица, в рамках которой реализуются основные текстовые категории когезии, модальности, концептуальности, прагматической направленности. В строе анекдота выделяется зачин, развитие ситуации, развязка, которые представлены диктемами, выражающими общую тему анекдота.

Примечания

1. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров. М.: Искусство, 1979. С. 60.
2. Пельтцер А. П. Происхождение анекдотов // Сб. Харьк. ин-та. Харьков, 1989. С. 60.
3. Там же. С. 61–62.
4. Руднев В. П. Прагматика анекдота. Рига: Даугава, 1990. № 6. С. 100.
5. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Рассказывание анекдота как жанр современной речи: проблемы вариативности // Жанры речи. Саратов, 1999. С. 262–264.
6. Там же. С. 266–269.
7. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 67.
8. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 57.
9. Там же.
10. Блох М. Я. Проблема основной единицы текста // Коммуникативные единицы языка: сб. науч. тр. М., 1985.
11. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка.
12. Там же.
13. Блох М. Я. Проблема основной единицы текста.

УДК 802/809.1-52

А. М. Зиннатуллина

УЗУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию узуального использования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Рассмотрены и проанализированы примеры адвербиальных фразеологических единиц качественной семантики через авторскую интерпретацию в художественных произведениях и публицистических текстах.

The article is devoted to the use of usual adverbial FE of the English and Russian languages. Reviewed and analyzed some examples of adverbial FE of qualitative semantics through the author's interpretation in lyrics fiction and publicistic texts.

Ключевые слова: качественность, адвербиальные ФЕ качественной семантики, узуальное использование, каламбур.

Keywords: qualitative, adverbial FE of qualitative semantics of usual use, wordplay.

Исследователи фразеологии различных языков неоднократно обращали внимание то, что роль внутренней формы ФЕ в восприятии фразеологического значения очень важна. При контекстуальном использовании фразеологизмов буквальное значение компонента ФЕ не только не исчезает, но является зачастую ключевым для его интерпретации. Анализ авторского обыгрывания буквального и переносного значения ФЕ, а также терминологического значения лексем – компонентов ФЕ, позволяет исследовать целый ряд механизмов творческого использования потенциальных возможностей языковых единиц.

Фразеологический каламбур (учеными также используются другие терминологические обозначения данного явления – так, А. В. Кунин, вслед за предложившей данный термин Л. М. Болдыревой, говорит о двойной актуализации) является преобразованием ФЕ, изменяющим его содержательную структуру, но не затрагивающим формальную. Прежде чем привести примеры каламбурного использования адвербиальных ФЕ английского языка, принадлежащих к различным семантическим разрядам, отметим, что основную массу примеров в нашей картотеке составляют обороты качественной семантики.

Как известно, качественность – оценка свойств предмета речи и соответствия этих свойств эталону, принятому в конкретном обществе. С одной стороны, оценка – общечеловечес-

кая, вненациональная, универсальная категория, с другой стороны, оценка – акт мышления, а мышление имеет национальную специфику. Качественная оценка происходящего является одним из основных проявлений сущности носителя языка (Юздова Л. П. Адвербиальные качественные фразеологизмы как средство отражения русской языковой картины мира // Вестник Челябинского государственного университета. № 17(155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. Челябинск, 2009. С. 119–120). В лингвистических исследованиях в настоящее время категория оценки признается функционально-семантической: она связана с модальностью, экспрессивностью и эмоциональностью, имеет особое, единое для всех репрезентирующих единиц содержание, многочисленную иерархическую структуру.

Поэтому неудивительно, что в текстах художественных произведений и в публицистических текстах, наиболее ярко отражающих национально-культурную специфику интерпретации действительности, авторская подача адвербиальных ФЕ качественной семантики становится одним из важных средств образной интерпретации фактов, явлений и событий.

Перейдем к анализу зафиксированных нами примеров.

1. Качественная адвербиальная ФЕ со значением неполноты действия *by (in) fits and starts* «нерегулярно, неравномерно» традиционно употребляется следующим образом: *I was working in fits and starts... I wrote one short story, then another: neither, I thought, was much good* (O'Connor E. All in the family).

Однако в тексте с элементами научно-популярного стиля узуальное значение данного оборота может быть обыграно в соответствии с пониманием механизма конкретной химической реакции: *His inspiration goes back to the early idea of Charles Frank, plus the fact that muon catalysed fusion was observed in 1956 by accident and the interest has grown in fits and starts ever since* (Close F. Too hot to handle).

Здесь автором обыгрываются технические значения компонентов ФЕ *fit* «аппроксимация» и *start* «пуск», что создает комический эффект, так как речь идет об открытии мюонного катализа ядерных реакций синтеза.

2. Качественная адвербиальная ФЕ образа действия с семантикой неожиданного характера действия *out of a clear (blue) sky* «откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба»: *He dropped upon me suddenly out of a clear sky and began asking questions which I had to answer* (Fr. Norris).

Используя указанную ФЕ одновременно в прямом и переносном значениях, автор посред-

ством такой двойной актуализации подчеркивает удивление персонажа, обнаружившего, что, вопреки метеопрогнозу, день оказался жарким: *By the time he reached Tyberton, which was only three miles from the camp, he was sweating, for the sun was shining fiercely out of a clear sky* (Cookson C. My beloved son).

3. Нами зафиксировано авторское употребление ФЕ английского языка со значением обстояательства времени совершения действия. В узуальном употреблении оборот *year in and year out* имеет значение «из года в год, много лет подряд»: *His life from school age on had been passed, year in, year out, from dawn till dark, with the cattle and their calves* (Galsworthy J. 'Caravan', The recruit).

Однако в контексте высказывания о спортивных клубах – участниках ежегодного соревнования указанный оборот приобретает каламбурное звучание: *No club has a divine right to win the League year in, year out as the Glens and Blues have done down through the years* (The Belfast Telegraph).

Автор спортивного обзора использует его одновременно в прямом и переносном значении. Дополнительно двойная актуализация ФЕ поддерживается употреблением в пределах высказывания другой ФЕ – *through the years*.

4. Обыгрываться в тексте могут в том числе и ФЕ обстоятельства причины, например оборот *in one's cups* – «спьяну, будучи нетрезвым». Приведем пример его узуального употребления: *...he's a good unconscious spy on Brass, and tells, in his cups, all that he sees and hears* (Dickens Ch. The old curiosity shop).

Однако данный оборот, взаимодействуя с конкретным контекстуальным окружением, актуализирует семантику оборота-прототипа, становясь средством создания юмористического эффекта: *At the table just beneath the dais, running parallel with it, they saw Sir Richard Springall, red-faced and deep in his cups* (Harding P. The Nightingale Gallery).

Здесь в сочетании с лексемой *table* (стол) оборот *in one's cups* словно бы «освежает» свою внутреннюю форму, так что его компонент, лексема *cups* (рюмки, бокалы), начинает функционировать одновременно в прямом и переносном значениях.

Итак, наблюдения над узуальным использованием адвербиальных ФЕ английского языка позволяет сделать вывод о том, что узуальные значения ФЕ в тексте в соответствии с художественными задачами автора трансформируются:

1) могут быть обыграны специальные значения компонентов ФЕ (*in fits and starts*);

2) ФЕ может использоваться и как свободное, и как несвободное сочетание, значение которого складывается из суммы значений компо-

нентов (out of a clear sky), причем стилистический эффект может дополнительно поддерживаться употреблением в пределах высказывания другой ФЕ тем же базовым компонентом (year in, year out и through the years);

3) в сочетании с контекстом, элементы которого относятся к той же понятийной сфере (оборот in one's cups в сочетании с лексемой table), внутренняя форма ФЕ актуализируется, что позволяет использовать ФЕ как свободное и как несвободное сочетание, значение которого складывается из суммы значений компонентов.

Все авторские преобразования адвербиальных ФЕ предпринимаются с целью придания дополнительных оттенков смысла, трансформации оценочности, стилистического маркирования. Изменение семантики адвербиальных ФЕ в художественном тексте позволяет усилить экспрессивность и одновременно лаконизировать художественное слово.

Как уже указывалось выше, при контекстуальном использовании фразеологизмов буквальное значение компонента ФЕ не только не исчезает, но является зачастую ключевым для его интерпретации. В русском языке, так же как и в английском, фразеологический каламбур строится на авторском обыгрывании буквального и переносного значений ФЕ, а также разных значений лексем-компонентов ФЕ. И так же, как и в английском языке, большинство примеров узуального использования адвербиальных ФЕ составляют примеры с ФЕ качественной семантики.

Приведем сначала примеры каламбурного использования адвербиальных ФЕ русского языка, принадлежащих именно к этому семантическому разряду.

Качественная адвербиальная ФЕ со значением образа действия **без задних ног** традиционно употребляется с глаголами «спать»/«заснуть» и их синонимами следующим образом: Он считал, что произошло это от смертельной усталости мужиков, воротившихся с фронта и свалившихся **без задних ног** подле своих баб (Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // Наш современник. 2003).

Однако в контексте узуальное значение данного оборота может быть авторски обыграно в соответствии с прямым значением компонента ФЕ – лексемы «нога»: И польщенный околodочный следовал за ним в сарай, а в сарае уж все требуемое было готово, и выпускался околodочный из сарая не иначе, как **без задних ног** – вверх ногами (Ремизов А. М. Крестовые сестры. 1910).

Здесь автор, чтобы подчеркнуть степень алкогольного опьянения, при которой перепивший спит так крепко, что его телу можно придать противоестественную позу, располагает рядом с ФЕ **без задних ног** свободное сочетание слов с тем же опорным компонентом **вверх ногами**.

Качественная адвербиальная ФЕ образа действия **без отрыва от производства**, представляющая действия как одновременные, в словарном значении употребляется для обозначения деятельности, одновременной профессиональной. Очевидно, что значение компонента «производство» было первоначально связано с производством конкретной, так сказать, осязаемой, продукции (в приведенном ниже примере – станков), а расширение семантического объема понятия «производство» произошло позже: Окончил Московское Высшее техническое училище имени Баумана, **без отрыва от производства** – Нижегородский государственный университет имени Лобачевского и Академию Народного хозяйства при Правительстве России (Нижегородский машиностроительный завод: на страже неба // Вестник авиации и космонавтики. 2004).

Однако в авторском употреблении рассматриваемая ФЕ может обозначать одновременность каких-либо действий выполнению профессиональных обязанностей, не связанных с производством материальных объектов: Шофер Боря кемарил **без отрыва от производства**, опустив голову на баранку (Лавришко В. Один день из жизни Очень Знаменитого Поэта // Октябрь. 2001).

Очевидно, что в данном случае осознаваемое отсутствие «производства» позволяет использовать этот оборот с прозрачной внутренней формой как средство создания комического эффекта.

Качественная адвербиальная ФЕ **без души** узуально употребляется как средство выражения семантики безразличия, безучастности, отсутствия заинтересованности в характеризуемом ею действии: А живя с Костиком и здесь, в тюрьме, она снова хотя на ночь и молилась, но **без души**, наскоро (Шаров В. Воскрешение Лазаря. 1997–2002).

Однако в авторском употреблении данная ФЕ становится средством создания иронического эффекта: Пусть эта догадка не покажется циничной, но, судя по всему, бизнес-план задуманной акции составлен как-то **без души** (Господа геймеры, какой восторг! // Культура. 2002).

Очевидно, что семантика ключевого компонента (душа по религиозным представлениям – особая нематериальная бессмертная сила) резко контрастирует с контекстом высказывания о бизнес-планировании, что и создает нужный автору стилистический эффект.

Нами зафиксировано авторское употребление ФЕ со значением обстоятельства времени совершения действия. В узуальном употреблении оборот **битый час** имеет значение «очень долго»: – Я **битый час** вам талдычу, – упорствовал Николай (Геласимов А. Дом на Озерной. 2009).

Однако в художественных произведениях данная ФЕ используется как единый именной ком-

понент количественно-именного сочетания с числительными два, три, шесть, несколько: Он пытался два раза – одна суета, стыд, он закомплексованный, сопит и **битых часа два** бормочет: сейчас, сейчас... (Слаповский А. Висельник. 1994).

Таким образом, ФЕ, с одной стороны, лишается свойственной ей «стандартной» экспрессии, обусловленной особенностями значения, однако приобретает иную, каламбурную экспрессию, ощущаемую носителями русского языка, так как превращается в обозначение длительных промежутков времени, которые поддаются счёту, и выполняет в тексте функции существительного.

Все приведенные примеры доказывают, что значение оборота – прототипа ФЕ является по-

тенциальным элементом семантической структуры ФЕ с живой внутренней формой. Стилистический прием двойной актуализации, основанный на обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее прототипа (как суммы значений, так и значений отдельного компонента (отдельных компонентов), является широкоупотребительным как в английском, так и в русском языке, что свидетельствует об универсальном характере подобного преобразования ФЕ.

Узуальное использование фразеологизмов расширяет коммуникативные возможности языка как для обозначения экстралингвистических объектов, так и для их стилистической характеристики.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Литературные образы. Поэтические функции. Архетипы. Межтекстовые связи

УДК 882

Е. М. Дзюба

ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ЖАНРАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XVIII в.

В статье анализируются образы, константные для общественного и художественного сознания 70–90-х гг. XVIII в.: идеологема *возвращение, просвещенная страна, страна-заповедь, «едемский край», райское место*. Рассматриваются характерные для предромантической поэтики изменения в способах освоения окружающего мира. Материалом для исследования послужили сочинения В. А. Левшина, М. И. Попова, М. Д. Чулкова, С. С. Боброва, П. И. Сумарокова, Н. П. Рычкова.

The following images, that are constant for social and artistic mind of 70–90 years of XVIII century, are analyzed in this article: ideologeme of return, enlightened country, plant-country, “Eden land”, paradise place. The changes in methods of environmental adoption, typical for preromantic poetics, are considered. Following works of W. A. Levshin, M. I. Popov, M. D. Chulkov, S. S. Bobrov, P. I. Sumarokov and N. P. Rychkov were used as materials for this research.

Ключевые слова: национальная идентификация, мифопоэтическое пространство, предромантическая поэтика, жанр.

Keywords: national identification, mythopoetic space, preromantic poetics, genre.

Формирование нового типа художественного сознания в отечественной литературе последних десятилетий XVIII в. находит свое выражение не только в традиционных для литературного процесса жанрах сентиментальной повести, путешествия, романа, песни, но также в тех сочинениях, которые не входят в традиционную художественную парадигму. Это жанры исторической прозы, словари («Российская история...» Ф. А. Эмина, 1767; «Описание древнего славянского языческого баснословия» М. И. Попова,

1769; «Абевега русских суеверий...» М. Д. Чулкова, 1786), «дневные записки»; наконец, переводы, свидетельствующие об интересе сочинителей к тому, как воспринимают и интерпретируют отечественную историю иностранцы («История польская. Сочинение г. Солиньяка тайного секретаря Его Величества короля Польского и герцога Лотарингского». Перевел с французского Федор Эмин, 1766).

В них в той или иной степени осмысливаются доминанты национальной истории и культуры, разворачивается рефлексия над открытием собственной «античности». По справедливому замечанию М. Я. Билинкиса, «пространство России было категорией более идеологической, нежели географической» [1]. В русской литературе актуализируется внимание к константам национальной идеи, она активно воспроизводит идеологемы и мифопоэтические образы, характерные для национальной культуры. Все эти процессы свидетельствуют о перестройке внутренней структуры художественного образа и нарастании элементов предромантической поэтики.

Жанры художественной прозы в 70–80-е гг. пополняются сочинениями особого рода: выходят сборник М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки», 1769–1770; роман М. И. Попова «Славенские древности, или Приключения славенских князей», 1770–1771; издание В. А. Левшина «Русские сказки», 1780–1783.

Романизованная славяно-русская история отражала мифопоэтическую концепцию возникновения русского государства. Легендарный рассказ «Повесть о золотом сосуде» из «Русских сказок» В. А. Левшина представляет одну из теорий переселения народов. В волшебном зеркале волшебник Роксолан видит картину движения племен: «Мне представилось, как многочисленная орда, под предводительством Руссовым, очищала себе мечом путь к своей державе, как храбрые алане ополчились, не допуская ее пройти сквозь свои земли, и с каким мужеством сражались. Но быв побеждены, нашлись принужденными заключить союз, дать свободную доро-

гу и пропитание непобедимым руссам; и потом видел я вшествие их в пределы нынешние земли русские и славянские и побеждающих старожителей там народов финских, которые либо покорялись, либо оставляли места свои, бежа в необитаемые страны к северу, востоку, югу, чтобы учиниться начальниками государств: черемисского, мордовского, чувашского, вотяцкого и прочих; казалось мне, как возносили главы свои две новые империи Славянов и Руссов, как созидались столицы: великий Словенск и Великая Руса, как строились многочисленные города и населялись храбрыми соотчичами» [2].

М. И. Попов в «Славенских древностях» одним из героев романа делает мифологического скифа Липоксая, который рассказывает историю своих братьев Арпоксая и Колоксая [3]. Этот фрагмент текста представляет собой художественно обработанную в авторском сознании «генеалогическую легенду», античный миф о почитателях плуга, известный со времен Геродота. Текст «Славенских древностей» подтверждает обострившийся интерес соотечественников к древней истории расселения праславян на территории днепровского Правобережья. М. И. Попов обладает этими знаниями и считает своим долгом поделиться ими с читателями.

Художественная обработка исторических сведений в сочинениях Чулкова, Попова и Левшина взаимодействует с мифопоэтическим пластом образной системы: героями «Русских сказок» Левшина становятся былинные персонажи Чурила Пленкович, Алеша Попович, Добрыня Никитич; воевода князя Святослава Игоревича Громобой (оба персонажи исторические) заключает брак с волшебницей Миланой.

Литература второй половины XVIII в. начиная с драматургии А. П. Сумарокова обратила внимание на героические исторические характеры, что, как писал Ю. В. Стенник, «отвечало общей атмосфере роста национального самосознания... На этой почве мифологические легенды обретали значение традиций, знаменовавших естественную принадлежность России к семье европейских государств, имеющих общие цивилизационные корни» [4].

В сочинениях Чулкова, Попова и Левшина путешествие становится главным сюжетобразующим приемом. Он позволяет автору текста делать от лица героев пространственные замечания о нравах и обычаях тех или иных племен. Князь Остан из «Славенских древностей» М. И. Попова вспоминает выслушанный им в пути рассказ Добрыни о жизни и характере древлян: «Таким образом определили мы выйти ночью из храма и Искореста, сей город называется также Коростенем в летописи преподобного Нестора... При сем также объявил мне он и о других обстоятельствах своей жизни,

которая довольно означала грубость и зверство Древлян и их соседей. Обычай сожигать усопшие тела, прах их полагая в сосуды, ставить на столпах при больших дорогах, и вместо порядочного бракосочетания хватать девиц у вод и иметь оных себе вместо жен переняли Древляне, по сказкам его, от соседей своих Радимичей, Кривичей, Вятчей и Северян» [5].

Русская литература вслед за историей генерирует собственное мифопоэтическое пространство, следуя, по словам О. Гончаровой, национальной мифопоэтической логике, «мифологической русской географии» [6]. Так, наряду с мифом о славянорусском единстве в сочинениях Чулкова, Попова, Левшина, в пространстве русской литературы пульсирует «Крымский миф». В литературоведении последних лет образ завоеванного русскими Крымского полуострова в сочинениях, в том числе XVIII столетия, не остался незамеченным, наполнилось содержанием и понятие крымская «геопоэтика» по отношению к сочинениям последних десятилетий XVIII в. Так, исследователи называют поэму С. С. Боброва «Таврида, или Мой летний день в таврическом Херсонисе» (1798), а также сочинение П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (1800) [7].

Не касаясь исследовательской оценки качества поэтического текста, назовем типологические характеристики мифопоэтического образа Крыма: хтонический рай, Эдем в Тавриде (Дайс, Сид, Гончарова); концепт возвращения/«присвоения» Византии; Крым – Византия (Гончарова).

В то же время тексты названных авторов содержат в себе не только имперско-византийский концепт, но сохраняют и столь традиционную для русской литературы XVIII столетия идеологему европейской ориентации России, позволяющую по-прежнему считать ее восприимчивой ценностей просвещенного мира. Поэтому изображение естественного мира Крыма, его поэтической природы («благотворящая природа... ликует в полной лепоте»; «коралловые холмы, Салгирски берега тенисты, Благоуханные дубравы, // И величавые раины и сено-лиственные ильмы и помавающие сосны»; «найду Гельвецию с хребтами»; «там темно-легкий Аист // Шагает по кристаллам гордо, // И длинной нос подъяв высоко // Рубинными глазами любит // Взирать на сланы зеркала» [8]) соседствует с упоминанием «эллиптического пути России». Россия, будучи восприимчивой Византии (Москва – третий Рим), столь долго добывавшаяся власти над Константинополем, возвращается на Таврический берег, обогащенная преобразованным европейским опытом просвещения: «Период славный просвещения, // О коем неподобный Петр // Пророчески провозвещал; // Безсмертны музы совершили //

Столь дивно странствие свое, // И эллиптический свой путь // Скончали б там, где начинали // Из знойного исшед Египта» // В Элладу, на берега Эгейски, // И населясь при гордом Тибре, // Тамизе, Таге и Секване, // Дунае, Рене и Неве, // Обратный путь бы восприяли // И возвратились бы в источник» [9] (курсив мой. – Е. Д.).

Эту идеологему поддерживает дважды упомянутый С. Бобровым «философский мир», здесь мир мудрости, познаваемый и завоевателями Крыма, и русскими просветителями, к которым, безусловно, относятся и сама Екатерины, и ее сын Павел, а также адресат поэмы адмирал Н. С. Мордвинов, ученые мужи Ломоносов и Рихман.

Мир Тавриды, природа Крыма готова к разумному освоению-завоеванию под мудрым надзором адмирала Н. С. Мордвинова («с коликим наслажденьем сердца... проходишь философский мир»; «с каким ты восхищеньем приятный шум трудов внимаешь» [10]).

Особо следует выделить фрагмент текста, в котором автор изображает опыты с электричеством Ломоносова и Рихмана и гибель последнего. Вероятно, вкрапление в сюжет поэмы этого фрагмента вызвало у автора буйство крымской природы. Цивилизация Крыма еще требовала своей жертвы и своих жрецов, подобных верным служителям науки, Ломоносову и Рихману. Оба «мудреца» также пытались осмыслить «философский мир», но лишь Ломоносову удалося проникнуть в него: «Он самый жребий превозмог: – // Прошед он философский мир, // Достиг святилища природы; // Не многие пределы крылись // В безмерной области наук // От взоров пламенных его». Жрецом изображен в поэме «герой премудрости, природы» физик Рихман [11]. Ломоносов награждает своего единомышленника высоким титулом служителя природы: «Я в нем лишился друга, // Жреца священныя натуры» [12]. Но печальный конец друга не может остановить исследование электрической силы – исследование природы: «Так северный мудрец вещал, // Мудрец со страждущей душою: // Вдохнул и опыт продолжал; – // Высокий дух не содрогнулся // От грозной ярости судьбы» [13].

Ломоносов осмысливается в поэме как символ современной просвещенной России, которая не утратила при этом устойчивых исторических национальных свойств: жертвенного служения делу, отваги, мудрости – словом, всего того, что заложено и в центральной мифологеме текста – мифологеме завоевания/возвращения России в Тавриду – Крым.

В книге П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» уже названные идеологема возвращения и мифологема райского места возникают из типичного для последних десятилетий XVIII в. поэтического вос-

приятия окружающего мира и наделены характерными элементами предромантической структуры.

Экзотический пейзаж Крыма: вода, горы, буйство растительного мира – все это порождает у путешественника «литературные» ассоциации. Таковы умозаключения автора в саду отставного штаб-лекаря грека (Кучук Юзень). Здесь человек мог бы обрести свой золотой век и наслаждаться жизнью в раю: «Не нашел ли бы человек в сем Едемском краю прямых услаждений в своей жизни?.. Он видел бы нивы, обещающие богатую жатву, деревья, обремененные плодами; все дышало бы вокруг его изобилием, весельем и свободой. Книги и милый сердцу человек разделяли бы его уединение, и он огражденной от света, им оставленного, неприступными горами... обрел бы здесь следы золотого века, и все часы его текли бы в непрерывных удовольствиях. Может быть, скажут, что сии слова романтическая представляют изображения, но наша жизнь еще более на роман походит» [14].

Крымский пейзаж, открывающийся путешественнику в пяти верстах от Феодосии, вызывает у него ассоциацию книжную, свойственную роману, что, безусловно, отсылает читателя к контексту русской литературы предшествующего периода – 70–80-х гг. XVIII в.

Романное пространство в книгах М. Д. Чулкова, М. И. Попова и В. А. Левшина также предстает как осознанно вымышленное автором, мифопоэтическое. В то же время образы-ассоциации складываются в сознании автора и разворачиваются в обратной по отношению к ассоциациям путешественника (П. И. Сумарокова) последовательности. Волшебный, «райский сад», «вертоград» индийского царя Видостана («Славенские древности» М. И. Попова) напоминает зарисовку ботанического сада, созданного благодаря просвещенным занятиям или, напротив, причудам хозяина загородной усадьбы XVIII в.: «Не было в нем ни одного простого дерева: Абрикосовые, Гранатовые, Миндальные, Оливковые, Персиковые и прочие плодоносящие деревья составляли его рощи; Кипарисы, Лавры, Мирты, Пальмы, Винограды составляли Алеи и Куртины; цветники были наполнены всякими наилучшими цветами, какия только находятся в поднебесной, истуканы, водометы, беседки и пещеры были наилучшее подражание природы, и достопамятность прения ее с искусством. Одним словом: вертоград сей превосходил описанные стихотворцами Елисейские поля!» [15].

Изобилующий роскошью южных даров сад хозяина-грека в Кучук Юзене поражает воображение путешественника («Путешествие по Крыму...» П. И. Сумарокова) не менее, чем волшебные сады Видостана: «Вскоре мы пошли в сад расположенный по берегу моря, где... перепле-

тающийся виноград занимал... великое пространство, и спеющие персики, абрикосы, дули, груши, сливы разных родов, черешня... составляли длинные и прелестные аллеи. Вот это, говорил он мне, рябина, величиною с шпанскую вишню приятного запаха и вкуса; здесь вы видите деревья Грецкого ореха...» [16].

Виды морского побережья Ялты (Ялты) («Все придуманные пейзажи суть ничто в сравнении с теми райскими местами. Тут везде зрение услаждается») вызывают у путешественника нескончаемые мифологические ассоциации и образ Елисейских полей: «Вы живо себе представляете на морских валах Нептуна с трезубцем в руках ведомого Дельфинами. Нереиды являлись бы пред вас из глубины вод; воспели бы здесь мирную и простую жизнь прошедших веков, и в оной-то стране вопреки Овидию положили бы прежнее существование Елисейских полей» [17]. Таким образом, и в путешествии П. И. Сумарокова рисунок, своего рода «арабеск», соединяющий непосредственное впечатление и литературную ассоциацию (в том числе мифо- и «геопоэтическую»), типологически встраивается в характерные приметы развития предромантической традиции. Восприятие окружающего мира в свете романного вымысла (*жизнь – роман*) в тексте П. И. Сумарокова отражается в зеркале национального литературного процесса последних десятилетий века.

Вариант романизированного освоения экзотического пространства Крыма представляет собой взгляд путешественника на мировую историю как на театрализованное пространство. Сравнивая современное положение Севастополя/Ахтияра и Херсонеса, автор замечает: «Коловратность нашего мира походит на театральное представление; великолепный храм заменял лачужку, блестящие чертоги превращались в дикие леса, и поля на местах городов появляются. Автор выдвигает столько декораций, сколько в пьесе его назначено; прошедшие отнимаются, настоящие на сцене, а будущие готовятся за кулисами» [18].

Театрализация пространства как писательский способ изображения мира активно используется авторами «славянских романов». Театральное пространство привычно автору и хорошо известно читателям. В «Славянских сказках» (сборник «Пересмешник») М. Д. Чулков подготовку к появлению идеального топоса связывает с изображением архитектурного сооружения – театра. Герой «сказок» Кидал видит на острове Тризлы особое сооружение, которое, по словам автора, превосходило «все те места, которыми деланы на украшение природы человеческими руками» [19]. Театральное пространство («...стояло здание, подобное божескому храму, сделанное из голубых камней, которые от солнечных лу-

чей блистали» [20]) помогает оторвать читателя от художественной условности, ставшей привычной. В тексте таким образом возникает эффект удвоения волшебного пространства: герой славянской «истории» отправляется на Луну («идеальный» топос), чтобы познакомиться с новыми формами общественного устройства.

Театрализация пространства помогает автору создать образ окружающего мира: от обобщенной философской картины, представленной в рассуждениях Мартоны («Я держалась всегда такого мнения, что все на свете непостоянно» [21]) до взгляда на мир как на театральное действие (Мартона называет «интермедиями» те сценки из жизни купеческого дома, которые ей удалось подсмотреть). В этом фрагменте романа Чулков представляет ожившие пороки, создает морально-социальный портрет времени. Совсем иного рода пейзажи фиксируют так называемые «дневные записки» капитана Н. Рычкова, составленные адъютантом императорской академии наук по следам его участия в экспедиции Палласа в Оренбургскую, Пермскую, Вятскую губернию, а также в Башкирию в 1769–1770 гг. В отличие от романтического Крыма с его «едемской» природой, воплотившего в себе политическую мечту русского человека о возвращении имперских амбиций, Россия, расширившаяся в восточные пределы Вятки и Башкирии, киргиз-кайсацких степей Оренбурга, предстает большой рабочей площадкой, кузницей, заводом, территорией, буквально реализующей мечту Ломоносова о прирастании русского государства полезными ископаемыми: «И се Минерва ударяет в верьхи Рифейские копием». Изображение нравов и жизни вятчан, черемисов, башкирцев, упоминание о ландшафте и природных особенностях существования той или иной территории соседствует с подробным рассказом о работе многочисленных заводов и рудников. Совершенно естественно, что подобного рода описание и было целью путешествия капитана Н. Рычкова, но обильное упоминание многочисленных производств, крупных и мелких, также работает на создание мифологемы мощного русского государства – России-завода. Вспомним, что образ России XVIII в., созданный будущим поколением писателей, воспроизводит, в том числе, и эти черты. Так, А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» пишет: «Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом. Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка...» [22].

Что же касается современников Рычкова, писавших в 1769–1770 гг., то здесь следует упомянуть все того же М. Д. Чулкова, для которого Россия – Москва, Петербург, Архангельск, Оло-

нец, Вологда, Тула – предстает большой ярмаркой, где кипит меркантильный дух, продают и покупают, в том числе и тульское оружие («Ружьем и шпагами – то Тула снабдевает») [23].

«Дневные записки» Н. П. Рычкова, не предназначенные для получения эстетического наслаждения, имеющие прагматическое назначение, все же воссоздают ритм трудовой жизни большей части неизведанной до конца страны – «мастерской», завода, рудника. Перечисление многочисленных медных заводов и рудников невольно начинает осмысливаться как специфический прием: медный завод Ивана Осокина на речке Кидаш, «в пяти верстах еще завод Нижним называемый»; «в вершинах реки Усенья, в шестидесяти верстах от сих заводов, есть еще медный завод его же Осокина и есть лучший изо всех вышеописанных» [24]; «в пятнадцати верстах от Мензелинска, в верх по реке Мензели, находится медный рудник, принадлежащий заводчику Масалову»; «в пятнадцати верстах от Нагайбак находится медный завод Казанского купца Еремеева, которого название Иштерьяк, по имени реки тут текущей»; «проехав пятьдесят верст от Нагайбацкой крепости находился медный завод, принадлежащий Тульскому купцу Григорию Красильникову...»; Халуницкий железный завод, заводчик Савва Сабакин, «стоящий в сороке верстах от города Слободской» [25]; «в десяти верстах от рудной горы, по пути, лежащему к реке Вятке, находится Ташевский медный завод, принадлежащий... Казанскому купцу Иоасафу Еремееву» [26].

«Геопоэтика» территорий, расположенных к северо-востоку от политического центра России, находит свое отражение в журнале Н. Рычкова. Она сочетает признаки уверенной поступи цивилизационного начала и вместе с тем сохраняет эпическое течение глубинной жизни населяющих эти земли народов. Автор пристально вглядывается в нравы населения, подмечая в жизни, например, «вятчан» архетипические черты: «Во нравах, в житии и в самом языке обитателей Вятской провинции примечается все, что слышим мы по преданиям о нравах древних Славян, обитавших в Новгородских пределах. Остатки простоты того времени, изображающей нам приятное добронравие отцов наших, сохранены между вятчанами более всех других потомков сего народа» [27].

Древнее и новое соединено и в обыденной жизни заводчиков. В первой части записок Н. Рычков упоминает восторженные отзывы о качестве железа, производимого в Халуницком заводе: «Железо, делаемое в Халуницком заводе, есть преимущественнее из всех родов сего металла; ибо оно мягкостью своею подобно больше свинцу, нежели железу; а по тому сделанное

из него какого либо виду орудия признаются от всех художников за самыя наилучшыя» [28].

Заводчик Семен Красильников знаком с легендарными (мифопоэтическими) и историческими сведениями о жизни древних народов, населявших территории вблизи от Елабуги: «По известиям, которыя мне сообщил недалеко от Елабуги живущий заводчик Семен Красильников, в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране. Он славен был вещуном или Оракулом, который будто бы в нем находился и ответы от него были столь почитаемы, что со всех сторон народ стекался к нему для вопрошения. Повествуют еще, что внутри храма сего обитал ужасной величины змей, которого бесчеловечные жрецы обыкновенно умилостивляли приношением ему в жертву иноплеменных, и сим его питали. Пред тем, как быть распущенну царству Болгарскому, сие чудовище неведомо куда пропало» [29].

Иногда в объективное повествование адьюнкта Рычкова вмешиваются и сугубо личные интонации, оценки, как в записи от 2 сентября 1770 г. (село Нароб), где во времена Бориса Годунова в заключении пребывал боярин Михаила Никитич Романов, «брат светлейшего патриарха Филарета Никитича»: «Я с ужасом смотрел на тяжкие оковы, которыми обременен был сей несчастный, и коми поныне еще хранятся во храме того села. Тягость их почти невместна носить силе человеческой... По сему можно вообразить, сколь жалко было состояние заключенного, и сколь велика была злоба сего царя противу истинного царского племени» [30].

Если в южных пределах России завоеванный Крым мыслился обретенной Византией, а пейзажные зарисовки С. Боброва и П. Сумарокова складывались в устойчивый образ райского места, то северо-восточные территории выглядели не столь идеальными. Экспедиция, направленная, дабы водворить на место сбежавших калмыков (II часть записок), нищета вятских земледельцев, голод в войсках – неотъемлемые черты современной Рычкову жизни. Однако и в этих условиях изобретательный ум русского человека преобразует окружающий его мир, создавая саму возможность рассмотреть в нем будущий «Едемский край». В дневнике от 25 августа 1770 г. автор описывает свои впечатления от знакомства с Троицким заводом, поселением и домом, принадлежащим титулярному советнику Тургенинову: «Собственный дом заводчика построенный в сем заводе можно назвать великолепным в сравнении со всеми строениями, находящимися в Соликамском. Пруды, наполненные различными рыбами, умножают приятность сего места: ибо в ведренной день, сидя на берегах сих прозрачных вод, можно видеть все действия тамо плавающих

рыб». Но образ настоящего райского сада появляется в связи с посещением автором на следующий день Александра Демидова и знакомством с причудливым увлечением хозяина, созданным вполне в духе века Просвещения: «На другой день довольствовался я зрением ботанического сада... находящегося в двух верстах от города при селе Красном. В нем можно было найти собрание большой части трав, растущих в Африке, в Америке, в Сибири и самых Камчатских пределах. Сад разделен на множество оранжерей и цветников, из которых каждый особливо заключает в себе растение других стран. Из овощей родятся там ананасы, лимоны, апельсины, померанцы, фиги, дули, груши и различных родов вишни и яблоки. Такой же сад разводят и в городском доме Тургенинова» [31].

Две границы исторического периода – начало и финал последней трети XVIII в. – 70-е и конец 90-х – отражают пульсацию устойчивых образов национальной жизни российского государства в художественных текстах и сочинениях, находящихся на границах собственно эстетического освоения окружающего мира: представляют динамику ее идеологем (возвращение; просвещенная страна; страна-завод), маркируют мифопоэтический сюжет обозначенного отрезка развития русской культуры («едемский край»; райское место). Вместе с тем образная система названных нами текстов откликается на характерные для предромантической поэтики изменения в способах освоения окружающего мира: игра воображения, усиление интереса к вымыслу, моделирование вымышленного пространства (театрализация истории; видение окружающего мира как театрального пространства); поиски собственной «античности»; движение от современности к древности; в целом, смещение интереса от центра к периферии.

Примечания

1. Билинкис М. Я. Спор о первенстве, или Основание мифа // Имя – сюжет – миф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1996. С. 39.
2. Левшин В. А. Русские сказки // Библиотека русской фантастики. Т. 3. Старинные диковинки. Кн. 1. Волшебные-богатырские повести XVIII века. М.: Сов. Россия, 1991. С. 256.
3. Попов М. И. Славенские древности, или Приключения славенских князей. Ч. I–III. СПб.: Тип. Морск. кад. корпуса, 1770–1771. Ч. III. С. 10, 12.

4. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. С. 101.
5. Попов М. И. Указ. соч. Ч. II. С. 69, 71.
6. Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст русской культуры: материалы междунар. конф. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 2008. С. 7–22.
7. Люсвий А. П. Крымский текст в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2003; Гончарова О. М. Указ. соч.; Дайс Е., Сид И. Переизбыток писем на воде. Крым в истории русской литературы // Нева. 2011. № 3. URL: <http://www.magazines.russ.ru/neva/2011/3> (дата обращения: 16.10.2012).
8. Бобров С. С. Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение соч. капитаном Семеном Бобровым. Николаев: В Черноморской адмиралтейской Типографии, 1798. С. 1–2, 25.
9. Там же. С. 164.
10. Там же. С. 78.
11. Там же. С. 185.
12. Там же. С. 187.
13. Там же. С. 188.
14. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым; с Историческим и Топографическим описанием всех мест. М.: Тип. Ун-та у Ридигера и Клаудия, 1800. С. 92–93.
15. Попов М. И. Указ. соч. Ч. I. С. 100–101.
16. Сумароков П. И. Указ. соч. С. 91–92.
17. Там же. С. 100.
18. Там же. С. 125.
19. Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки. Изд. 3-е с поправлением. М.: Тип. Пономарева, 1789. Ч. V. С. 15.
20. Там же.
21. Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины. СПб.: Тип. Морск. кад. корп., 1770. С. 39.
22. Пушкин А. С. Арап Петра Великого // Драматические произведения. Проза. М.: Худож. лит., 1980. С. 173.
23. Чулков М. Д. Стихи на семик (1769) // Поэты XVIII века. Л.: Сов. писатель, 1958. Т. I. С. 435.
24. Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства в 1769 и 1770 году: в 2 ч. СПб.: Тип. Академии наук, 1770. Ч. I. С. 102, 103.
25. Там же. Ч. I. С. 58, 62, 72, 75.
26. Там же. Ч. II. С. 9.
27. Там же. Ч. I. С. 51.
28. Там же. С. 59.
29. Там же. С. 45.
30. Там же. С. 123.
31. Там же. С. 100.

УДК 882/09

Н. В. Алексеева

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КРУГА В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «ЭВЕЛИНА И ЕЁ ДРУЗЬЯ»

В статье рассматривается универсальный характер поэтики круга в романе. Он структурирует формы «сцепления» сюжетно-композиционных и образно-смысловых пластов романа. Ассоциативно-семантическая и мифологическая многозначность круга как ключевого символа позволяет трактовать газдановский «союз» как авторскую утопию.

This article analyses universal character of the circle in the Gazdanov's novel. It organizes «cohesion» both with the plot and the composition and figuratively semantic layers. Association-semantic and mythological meanings of the circle as a key symbol makes it possible to interpret Gazdanov's «union» as the writer's Utopia.

Ключевые слова: круг, архитектоника, символ, экзистенциальное поле, ассоциативная поэтика.

Keywords: circle, architectonics, symbol, existential fields, poetics of associations.

«...Интуитивное осознание единства, слияния со всем миром и в то же время обособленности, уникальности каждого существования и дают человеку то, что можно назвать счастьем».

Г. Газданов

Роман Гайто Газданова «Эвелина и её друзья» (1968–1971) – один из последних романов писателя. Точнее, – последний законченный. В значительной мере – итоговый, завершающий лирическую исповедь, начатую «Вечером у Клэр», и наименее изученный. Возвращаясь (после романа «Пробуждение») к форме «речевого потока», Газданов продолжает творить духовную автобиографию своего вымышленного героя, расширяя и обогащая авторское представление о нравственно-гуманистических «опорах» человеческого существования в мире. Тончайший слой незыблемых нравственных ценностей, пронизывающий роман на уровне авторского подсознания, оказывается основой художественной концепции смысла жизни, судьбы человека и его отношений с миром.

По классификации А. В. Ламзиной [1], роман можно отнести к произведениям с персонажными заглавиями, точнее, с системой персонажных заглавий. Но в отличие от таких, внешне сходных с ним по заглавию произведений, как, например, «Егор Булычев и другие» или «Достига-

ев и другие» М. Горького, где грамматически заглавная фигура – и главный герой, и композиционный центр произведения, в романе «Эвелина и её друзья» конструкция принципиально иная. Главный герой романа не Эвелина, а один из её друзей. Писатель по роду своих занятий, фигура безусловно автобиографическая, он выступает одновременно в нескольких ипостасях: «герой жизненного события» [2], являющийся одним из членов университетского братства; нарратор, занимающий центральное место в романном действии; автор, творящий свою художественную реальность на глазах у читателя, вводя его в сам процесс и психологию творчества. Все это в той или иной мере было свойственно и «прежнему» Газданову. Однако та «нераздельность и неслиянность», которая характерна для героя романа «Эвелина и её друзья», позволяет говорить о новом качестве метагероя писателя, достигаемом не в последнюю очередь благодаря совершенному владению индивидуально-авторской формой «речевого потока».

Буквально в первых строках, которые можно рассматривать как своеобразную увертюру к роману, как его музыкальный код, герой-повествователь, слушая игру пианиста, скажет: «Я думал потом, что если бы его попросили повторить ту самую последовательность мелодии, он, конечно, не мог бы этого сделать – это была наполовину его собственная импровизация. Время от времени я узнавал отрывки знакомых мотивов, но они тотчас же сменялись новыми сочетаниями звуков, которых никто не мог предвидеть» [3].

В романе господствует та же стихия, та же композиционная импровизация, но блестяще срежиссированная автором. Неожиданное появление в маленьком ресторане на французской Ривьере друга студенческих лет Мервиля, с которым они не виделись больше года, прерывает «звуковое путешествие» героя-повествователя, но не прерывается авторская интонация, не меняется заданный темпоритм речевого потока. И потому, что эта встреча, как и многие другие, предшествующие и последующие, причем не только с Мервилем, но и с Эвелиной, Андреем, Артуром, давно стали привычными в своей непредсказуемости, а значит, утратили эффект неожиданности. И потому, что ни время (год или всего лишь несколько дней), ни расстояние (Америка, Канада, Испания или разные кварталы Парижа) ничего не могут изменить в давно сложившихся отношениях университетских товарищей. Все они «совершенно разные люди», у них «разная жизнь и разные взгляды на жизнь» (508). Тем удивительнее многолетний прерывисто-непрерывный круг их общения, их «своеобразный и нерасторжимый союз» (512).

«Союз», слово, впервые произнесенное едва ли не в самом начале романа и неоднократно

повторяющееся в дальнейшем, – та «мелочь солнечной жизни» (В. Набоков), которая пронизывает образную структуру произведения и через которую постигается своеобразие нравственно-эстетического мировидения писателя. Синонимически близким, адекватно выражающим романную суть «союза» является круг, обладающий богатейшим диапазоном лексико-семантических значений [4]. В художественном мире романа круг – ключевой символ, имеющий древнейшую мифологическую основу. В «Энциклопедии символов», составленной В. М. Рошаль, круг с точкой в центре трактуется как универсальная проекция мира. «Между точкой-центром и периферией круга происходит непрерывный обмен, и этот обмен творит жизнь на всей площади круга» [5]. Такой обмен, творящий подлинную жизнь, происходит на протяжении всего романа. С каждой новой встречей обнаруживаются непредвиденные и порой непредсказуемые события («смена звуковых сочетаний») в жизни героев, которые в своем единстве и динамике составляют духовное пространство «союза».

«Точкой-центром» этого круга-«союза» – и формально, и по существу – имеет право быть его главный герой. Формально, ибо его парижская квартира, где ничто не меняется («Все те же книги на тех же полках, тот же диван, тот же стол» (606), «где всегда стояла тишина и не было никакого движения» (527), – пожалуй, единственный надежный причал в ускользающей действительности. Сюда всегда можно вернуться; здесь тебя поймут. Фактом своего существования он вселяет «уверенность в незыблемости этого мира» (606).

По существу, ибо жизненный путь, «похожий на длительный бред во сне» («Я видел себя солдатом, рабочим, бродягой, студентом в Париже, наконец, автором романов и рассказов...» (376)), способствовал формированию мировоззренческих принципов, лишенных догматизма и нетерпимости. Собственный житейский опыт, как и многих из людей его поколения, привел к разочарованию, к неверию в возможности каких бы то ни было позитивных сдвигов в общественной жизни, к утрате интереса к происходящему. Возникло стойкое желание не принимать участия в мире «невежественных фанатиков, убийц, деспотов», держаться вдалеке от «человеческого мусора» (578).

Философия жизни, сложившаяся как реакция на абсурдность мира, на «бесформенную и неизменно смещавшуюся действительность», над которой ни у кого не было власти (511), двойственна в своей основе и постоянно подвергается рефлексии. С одной стороны, – уверенность в роковой предрешенности судьбы любого человека (544), в том, что «в этом мире наши места распределены раз навсегда» (552). И это, казалось бы, подтверждается «удивительной метаморфо-

зой» в жизни Андрея после неожиданно свалившегося на него богатства; непредсказуемым поворотом в судьбе Артура, когда «случайный литературный заказ» решительно изменил «его несчастное и нелепое существование» (675). С другой, – сомнение в этой роковой предопределенности, вера в случайное стечение обстоятельств, которое способно изменить любую человеческую жизнь. Например, Поля Клемана, осужденного за убийство, которого он не совершал, или нищей Анжелики, продающей у ночного кабака неизменный букетик фиалок. «Все могло быть, – рассуждает герой, – и для этого было достаточно одного сдвига, потерявшегося в далеком прошлом... сдвига во времени или в обстоятельствах, в мгновенном и непостижимом соединении тех или иных условий» (691). Об этом и воспоминание об одной из историй своего далекого прошлого. Только ему одному из четырех товарищей, давших клятву во время войны, в Крыму, встретиться через пять лет в Париже, удалось прийти к обелиску на площади Конкорд. Отсюда удручающе безрадостная, экзистенциальная безысходность: «Все было результатом миллионов случайностей – смерть, условия жизни, понимание или непонимание самых важных вещей, листок бумаги, на котором Эйнштейн впервые записал свои формулы – и оттого, что он это сделал, через сорок лет после этого на другом конце света сотни тысяч людей с желтой кожей погибли от взрыва атомной бомбы и весь облик мира изменился, но не стал ни понятнее, ни лучше» (576).

Необходимо отметить, что эти, казалось бы, разные подходы, имеющие свои pro et contra, не превращаются в противоположность, а сплавляются в единое экзистенциальное поле. Окружающий мир иллюзорен и призрачен. «Действительности, вообще говоря, нет. Действительность создаем мы, такую, какой она нам нужна» (567). Единственной ценностью, не подлежащей сомнению, является человек, уникальность его существования, его право на счастье, которое в реальном мире оказывается призрачным и практически недостижимым.

Не находя в событиях и проблемах общественной жизни ничего, «что стоило бы пристального внимания» (528), герой уходит в свой, «другой» мир. Он разделяет убеждение своего друга Мервиля, что «эмоциональная гармония и мир, в котором она заключена, это не бред и не воображение, это существует, только это надо найти» (567). И это было найдено в круге давних университетских товарищей – «нашем союзе». «Своеобразный и нерасторжимый» (518) «странный, но неразрывный» (547), «блистательно неизменный» (667), он воспринимается как своеобразная модель идеального мироустройства. «Против него бессильны обстоятельства, время и расстояние.

Каждый из нас знает, что он не одинок и что бы с ним ни случилось, есть товарищи, на которых он во всем и всегда может рассчитывать» (666). Парадоксальность этой «идиллической картины», которую нарисовал Андрей на вечере встречи друзей, заключается в том, комментирует герой, что она «действительно отражает то, что есть» (667)

В эстетике Г. Газданова семантика и мифопоэтика круга имеет сложную и разветвленную систему. Он структурирует архитектуру романа, формы сцепления и взаимодействия сюжетно-композиционных и образно-смысловых пластов произведения. По кругу, в котором изначально заключена идея постоянства и динамизма, складываются отношения как внутри союза, так и в жизни каждого из его членов в отдельности. Формально он выполняет функцию композиционной «скрепы», фактически раскрывает те нравственно-этические и психологические «нормы», которые рождаются в процессе общения и объясняют долголетие «союза», то, что «так будет всегда» (667). Каждая встреча [6] не просто знакомит нас с неповторимым разнообразием характеров и историями судеб. Она раздвигает пространство круга-«союза», насыщает его «живой жизнью», расширяет радиус действия, включая в его орбиту круговорот самых разнообразных событий. Загадочно-таинственная, почти детективная история жизни мадам Сильвестр, завершившей долгий поиск Мервилем «идеального романа с идеальной женщиной»; темная история смерти Жоржа, брата Андрея, и странное, казалось бы, за пределами гуманности, поведение Андрея; идиллически-сказочное превращение/перевоплощение Артура; ночное кабаре, Котик, метампсихоз как очередное проявление «вздорного существования» очаровательной Эвелины, – каждый из этих событийных сюжетов оказывается поворотным в круге жизни героев. В процессе преодоления и разрешения реальных конфликтных ситуаций, при моральной поддержке, а то и непосредственной помощи героя, происходит завершение долгого пути поиска и самоосознания каждым своей личности, смысла своего существования.

Структурно-семантическая природа круга обнаруживает себя в организации художественного времени романа как времени циклического, естественно-природного, вне исторических ориентиров и социальных «привязок». События «начались декабрьской ночью... и кончились через год, декабрьским днем» (690), – подытоживает в финале герой-повествователь. Но и это календарное время, которое фиксировалось на протяжении всего романа едва ли не с дневниковой дотошностью, однозначно определяется как «условная хронология, которая ничего не объясняла» (690). По Газданову, «романный» год хроно-

логически условен потому, что «этим событиям предшествовала долгая жизнь каждого из тех, кто в них участвовал или был их свидетелем, жизнь, которую нельзя было ни изменить, ни повернуть вспять. И каждая из этих жизней была, в сущности, попыткой найти известное душевное равновесие, ответ на немой вопрос». Ответ на него «Мервиль искал в своих иллюзиях, Эвелина в бурном эмоциональном движении, Артур в игре и тяготении к разным формам силы, Андрей в постоянной мечте о богатстве и я – в бесплодном созерцании» (690–691). «В этих незаметных и бесконечных превращениях» человеческой жизни на ее «пути к смерти» историческому времени места нет. «Не все ли равно, где именно быть?», – утверждал-вопросил Мервиль еще на первых страницах романа (508). Каждый проходит свой уникальный жизненный путь, обретая полноту существования лишь в своеобразном клановом братстве «союза».

Так рождается еще один аспект мифопоэтики круга – идея соборности как общности Дома, «существующего потенциально, без внешнего соединения», как «единство во множестве» [7], как возможность сочетать общие для всех ценности с сохранением своей неповторимой индивидуальности. Здесь каждый готов прийти на помощь другому, в чем бы она ни заключалась: в материальной помощи Артуру, Эвелине или в моральной поддержке Мервиля. «Ты, – говорит ему герой-повествователь, – возвращаешься *домой*, если хочешь. Ты очень хорошо знаешь, что если после долгого отсутствия ты явишься к нам, потеряв все свое состояние, усталый и отчаявшийся во всем, – мы тебе все устроим, и ты будешь спокойно жить, не нуждаясь ни в чем необходимом и ожидая наступления лучших времен. Потому что нам не нужны ни твои деньги, ни твое положение, и если завтра ты станешь нищим или миллиардером, то ни то, ни другое не изменит нашего отношения к тебе» (607). Здесь, в *доме-союзе*, происходит возвращение каждого из пятерых к своему подлинному «я» – существованию, к тому, каким он был и каким хотел быть.

В счастливом завершении каждым из героев своего превращения/перевоплощения [8] отражается не только философия роковой предопределенности и случая в судьбе человека, но и авторская установка на утопичность художественного решения проблемы поиска счастья в современном мире. Физически находясь внутри чуждого и враждебного пространства круга-социума, герои романа образуют свой круг-«союз». То не поддающееся логическому объяснению единство, где каждый, не утрачивая своего индивидуального своеобразия, входит в состав целого. Больше того, именно «союз», будучи «оберегом» уникальности человеческой личности, является, по Газданову,

ву, единственной реальной возможностью преодолеть одиночество, противостоять враждебной силе обстоятельств. «Сколько раз мы все убеждались, что у нас есть *дом* и каждый из нас может туда вернуться, куда бы ни заносила его судьба» (667).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об универсальном характере круга в художественном мире романа Г. Газданова «Эвелина и ее друзья». На внешнем уровне круг, как совершенная форма, является основным конструктом, цементирующим фрагментарную композицию в гармонически завершённую целостность. Это проявляется в архитектонике взаимосвязанных и одновременно автономных кругов жизни. Каждый из них имеет свое хронотопическое поле и в то же время включен в единое пространство «союза» пятерых.

На внутреннем, вертикальном срезе анализа символика и мифопоэтика круга обнаруживает глубинную связь Творца и его творения, раскрывает бытийный смысл романа как своеобразного космоса, художественно спроецированного писателем. Газдановский «союз» (круг, оберег, дом) – авторская утопия, антропоцентрическая модель «со-бытия» (М. Бахтин), в которой уникальность индивидуального человеческого существования, свобода выбора и личная ответственность являются высшими ценностями жизни.

Примечания

1. Ламзина А. В. Заглавие // Введение в литературоведение: основные понятия и термины. М., 1999. С. 99.

2. «Тематические и композиционные функции героя, – утверждает М. Бахтин, – нераздельно слиты в нем: лишь как герой жизненного события может он войти в произведение. С другой стороны, лишь сквозь призму его возможной роли в художественном единстве произведения... можно увидеть и понять известные стороны его жизненной действительности». *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 2003. С. 152.

3. *Газданов Г.* Эвелина и ее друзья // Гайто Газданов. Призрак Александра Вольфа. Романы. М., 1990. С. 504. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках. Курсив всюду наш. – *Н. А.*

4. См.: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: АН СССР. Т. V. С. 1714; Т. XIV. С. 455.

5. Энциклопедия символов. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. С. 103.

6. Сквозной мотив встречи «работает» одновременно и как метафора пути, с которого нельзя свернуть, и как сюжетобразующий элемент текста.

7. *Хомяков А. С.* Письмо к редактору «L'union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина-иезуита // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 242.

8. Мотив превращения/перевоплощения носит характер структурно-смысловой доминанты в процессе возвращения каждого из героев к самому себе: каким он был или хотел быть.

УДК 812

Н. В. Алексеева, К. В. Соломенцева

АРХЕТИП БОГАТЫРЯ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

В статье на примере анализа одной из пар романа, представляющей собой единство легендарно-эпического и авантюрно-плутовского, выявляется трансформация архетипа русского богатыря в карнавальную пару.

In the article, on the example of the analysis of one of the pairs of the novel, which is the unity of legendary-epic and adventurous – the picaresque, reveals a transformation archetype Russian hero in a couple of carnival.

Ключевые слова: архетип, богатырь, смеховое начало, карнавальная пара.

Keywords: archetype, hero, beginning of laughter, carnival couple.

По определению Е. М. Мелетинского, «архетипы – это первичные схемы образов и сюжетов, составившие некий исходный фонд литературного языка, понимаемого в самом широком смысле» [1]. Важнейшим свойством архетипа является его способность видоизменяться на разных исторических этапах, сохраняя при этом некое ценностно-смысловое ядро, в своей неизменности обеспечивающее высокую устойчивость архетипической модели [2]. Таким ядром для архетипа русского богатыря является физическая сила и житейская мудрость, сила духа и величие подвига. Богатырь – воплощение характера народного героя, всегда готового прийти на защиту родной земли.

Роман В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» по изначальной авторской установке и по тому всепоглощающему художественному пространству смерти, в котором разворачивается народная трагедия, казалось бы, абсолютно лишен героического начала. Тем более важно, с нашей точки зрения, взглянуть в удивительную пару – Колю Рындина и Леху Булдакова. «Удивительную» во многих отношениях: при отсутствии главного персонажа они проходят через весь роман. И не просто «проходят», но и запоминаются читателю своей исключительностью, оригинальностью. И, конечно же, доносят до читателя эхо героической борьбы русского народа за свое Отечество, на разных этапах символизируя его силу и непобедимость.

Поначалу богатырство этой «пары» обнаруживает себя в чисто внешних, бытовых ситуациях. Для двухметрового Коли Рындина и такого

же долговязого Лехи Булдакова, недавно при- сланных в роту, не нашлось подходящего обмун- дирования: «Все обутики, вся одежда в ворохах и связках была рассчитана на среднего человека, даже на маломерков» [3]. И на фронте, в холод- ную зиму, им «по размеру так и не нашлось ва- ленок во всей стране» [4].

Под статью гренадерской статьи и богатырский аппетит одного из них: «Дома, в Верхней Куже- баре, Коля Рындин <...> за обедом опоражнивал горшок щей, сковородку драчены на сметане и на верхосытку уворачивал чугунок паренок из брюквы, заливал все это крепкое питание ков- шом хлебного кваса либо опять же простоква- шей» [5]. Имея такой богатырский аппетит, ге- рой и силу имеет богатырскую. В совхозе, куда роту перед отправкой на фронт привезли, как это ни парадоксально звучит, на «уборку хлеба среди зимы» [6], «Коля Рындин обходился без волокуш – наворочает на свои вилищи две коп- ны (три не выдерживали навильники), взвалит на загривок и, двигаясь под этим возом к комбайну, орет что-то героическое, ведет себя словно от- чаянный таежный ушкуйник, весь осыпанный крошевом грязной соломы, землю, снегом. От- ряхнется у костра труженик, всыплет горстищей в рот поджаренной пшеницы, наденет рукавицы – и снова за дело» [7]. В романе Рындин напрямую называется богатырем: «развернул свои богатыр- ские плечи», «мужик видный, богатырь».

Описание внешности другого бойца, Лехи Бул- дакова, когда он увидел немца в прицел винтовки, напоминает характеристику былинного героя: «ноздри его побелели, шипели горячими поршня- ми» [8], «грудь его бугром вздымалась, из ноздри, из одной, из правой только, валил дым» [9].

Нелепые бытовые ситуации, в которые то и дело попадают герои, порождают смеховое на- чало в романе: «Едва напялили они на озябшее сырое тело опасно трещавшее белье, гимнастер- ки, штаны же застегнуть не могли, шинели до колен, рукава едва достигали локтей, на груди и на брюхе не сходилось. Коля Рындин и Леха Булдаков насунули в ботинки до половины ноги, ходили на смятых задниках, отчего сделались еще выше, еще нелепей, да и стоять приловчиться не могли – шатало» [10]. Ни того, ни другого на занятия не выводили, «чтоб не торчали они чу- челом над войском» [11]. «Чудо-богатырей Со- ветской Армии» (так их с гордостью называет старшина Шпатор) [12] «заставляли таскать воду... мыть пол... пешней и лопатой скальвать снег... чистить нужник» [13].

При безусловном сходстве в своей непохожес- ти на всех остальных бойцов, «гренадеры эти» по-разному ведут себя в, казалось бы, сходных ситуациях. «Коля Рындин терпел тычки и поно- шения, но вот Булдаков, споткнувшись раз-дру-

гой, спинал ботинок сначала с левой ноги, затем с правой, стиснул портянки в горсти и пошел по морозу босиком» [14]. А когда, наконец, пришли новые ботинки, Коля Рындин, «радуясь обновке, что дитя малое... примерял ботинки, притопывал, прохаживался гоголем перед товарищами. Булда- кову Лехе и тут не уноровили, он ботинки с вер- хотуры нар зафитилил так, что они грохнули об пол» [15]. Причем новую обувь Коля Рындин берег, протирал тряпкой, а Булдаков пропил.

Различно и поведение героев в строю: «Сто- ило Коле Рындину тряхнуться – и, считая, пол- торы бы этой мелкоты бы сшиб, но он покорно гнул под тычками» – «Булдакова бы вон, фи- лона, ширяли, так тот сам кого угодно зашибет либо толкнет так, что весь строй с ног повалит- ся» [16]. На занятиях по военной и строевой подготовке также вели себя различно: «Булда- ков возьмет и учебную гранату куда-то аж за версту зазвездит; испластовал ножиком финско- го штыка чучело до бедственного состояния...»; «Коля Рындин несмело двигался на командира, с макетом винтовки, шаг красноармейца замедлял- ся, бесстрашие слабело» [17].

Несмотря на то что на протяжении всего ро- мана Астафьев подчеркивает индивидуально-лич- ностное несходство «бойцов-богатырей», они являют собой единство русского национального характера в двух его ипостасях: легендарно-эпи- ческого (Коля Рындин) и авантюрно-плутовско- го (Леха Булдаков).

Эти два начала можно обнаружить и в семан- тике имен героев. В полном имени Коли Рынди- на все три его части (имя, отчество, фамилия) находятся в завидной гармонии, настроены на один лад. Так, имя Николай с древнегреческого переводится как «победитель народов», а фами- лия Рындин означает «Рында – телохранитель, оруженосец» [18]. Причем, своей непоколебимой верой в Бога, своей мудростью, схожестью имен Коля Рындин напоминает самого почитаемого на Руси святого – Николая Чудотворца, считающе- гося покровителем моряков, купцов и детей. Этот персонаж интересен еще и тем, что он чуть ли не единственный солдат, отчество которого мы зна- ем, – Евдокимович. Оно так же, как имя и фа- милия героя, позволяет понять его поступки и характер. Евдоким с греческого переводится как «славный», а человек, носящий данное имя, от- чество, наделен добродушным, спокойным харак- тером и отличается постоянством взглядов, при- вычек, принципов и чувств. Он терпелив и очень трудолюбив, способен прийти на помощь по пер- вому зову.

В имени и фамилии другого героя странным образом совмещены высокое с просторечным, былинное с плутовским. В переводе с древнегреческого Алексей означает «защитник», а фами-

лия Булдаков происходит от просторечного слова «булдак». Им называли либо крепкого человека, либо буяна, гуляку, бездельника [19]. Однако в романе Булдакова называют, как правило, не Алексеем, а Лёхой (такая вариация имени подчеркивает простоту его общения с окружающими, умение быть везде «своим» парнем), что является признаком плутовского начала в характере персонажа. В. Астафьев называет его «самым большим специалистом в окружающем войске по всяким хитроумным операциям» [20].

Различия в характерах и поведении Рындина и Булдакова можно объяснить условиями жизни и воспитания «чудо-богатырей». «Старообрядец» Коля Рындин – «из деревни Верхний Кужебар Каратузского района, что стоит на берегу реки Амыл – притоке Енисея. В семье Рындиных он, Коля, пятый, всего же детей в доме двенадцать, родни и вовсе не перечесть» [21]. Опорой его богатства, его житейской мудрости являются вера и заветы предков, которые он усвоил от бабушки Секлетины: «Лекарь и колдун, по всему Амылу известный». Именно бабушке обязан он прочностью своих жизненных устоев – по Божьему завету.

Булдаков, как и Рындин, тоже родом из глубинки, но не из деревни, а «из окраинного городского поселка Покровки, что на самой горе, на самом лютом ветру по-за городом Красноярском... О том, что папаня, буйный пропойца, почти не выходит из тюрьмы и два старших брата хорошо обжили приенсейские этапные дали, Булдаков, разумеется, сообщать воздержался... О том, что сам он только призывом в армию отвертелся от тюрьмы, Булдаков тоже умолчал» [22]. Получается, что с самого детства Булдаков был предоставлен самому себе, учился выживать, хитрить. В казарме и на войне именно эти качества стали отличительной чертой солдата Булдакова. И когда ему надоедали расспросы политработника капитана Мельникова, кричал бессмысленное: «У бар бороды не бывает!», а затем симулировал припадок, так что дальнейшие расспросы прекращались. «Симулянт», «разгильдяй», «пройдоха», «плут», «артист» – слова, чаще всего сопровождающие персонажа в романе.

И Булдаков, и Рындин, каждый по-своему, пользуются уважением среди солдат. Булдакова ценили за политическую грамотность и чтение газет. К тому же он был не только мастером по добыче пищи («даже кашу упрет не отсечется»), но еще и союзным человеком, всегда готовым поделиться со своими товарищами. А Рындина – за его непоколебимую веру, которой многие были лишены. Даже кухонный персонал в запасном полку, обманывающий всех, относился к Коле по-иному: «Видя, что он не шакалит, не рвёт, не шаромыжничает, лишь шепчет молитвы да крес-

тится украдкой, кухонный персонал проникался к этому богобоязненному чудачку всё большим доверием и расположением...» Да и Лёха Булдаков уважает его, просит командира Щуся позаботиться о Рындине: «Колю Рындина возьми сюда. Его надо беречь. Таких великих, порядочных людей на развод надо оставлять». Впрочем, лейтенант Щусь и сам уверен в том же: «Его бы дома оставить на развод как племенного жеребца, чтобы род крепить, народ плодить...» [23].

Наиболее ярко былинно-легендарное начало проявляется на передовой. Прежде всего, с новой стороны открывается Булдаков. В общении с Фенифатьевым (командир отделения) на первый план выходят не плутовские наклонности, а забота о ближнем человеке, доброта и порядочность. «Бродяга, сплавщик, матрос с “Марии Ульяновой”, плут и боец», он заботился о раненом Финифатьеве, о раненом Рындине, «перевязывая и ободряя своего товарища – своего пакета не жалел». Именно Булдаков вовремя успел на выручку Коли Рындина, когда на того напали немцы: «Бросился на помощь товарищу, выхватывая из кармана “лимонку”... разъяренный до последнего градуса Булдаков подскочил к своему ровику и полоснул длинной очередью вослед вражеским лазутчикам» [24].

Поражает и его способность за считанные секунды собраться и перевоплотиться из оболтуса в бойца и воина: «Проворно юркнул за выступ, зорко огляделся, еще бросок сделал – и никто бы сейчас не узнал в этом, еще минуточку назад ваньку валявшем оболтусе, лениво препирающегося со своим напарником, того парня, что вроде бы и в росте убавился и кошачьи гибок, стремителен сделался» [25].

Коля Рындин на войне остался при кухне – берегли его. Однако он выполнял свою работу рьяно: «...ломил будто конь неблагодарную работу». Даже после сильного ранения в грудь не захотел отлеживаться на больничной койке, а еще сильнее взялся выполнять свои обязанности: «...превозмогая боль, всем стремился доказать, что он в порядке, ломил, варил... яму под кухню сам копал, рубил и таскал дрова, пилил» [26]. Мужество Лехи Булдакова и Коли Рындина было отмечено государством: Коля Рындин получил орден Отечественной войны первой степени, а Леха Булдаков – орден Красной Звезды, третий по счету.

Как уже было упомянуто, изображение героев тесно связано со смеховым началом. Например, Коля Рындин из-за своей простоватости и наивности нередко попадает в комические ситуации, в которых автор добродушно посмеивается над своим персонажем: заснул под словесное убаюкивание капитана Мельникова. «Своды карантин огласил рокот – не иначе как камнепад начался над казармой, кирпичная труба рассы-

палась и рухнула, покатила по тесовой крыше» [27]. Свое поведение Рындин объяснил так: «Я всегда, коль не занят работой, сплю». На занятиях по обучению близкому бою солдаты над ним смеются, так как он различает левую и правую сторону благодаря словам «сено», «солома» и не может представить даже в игровой ситуации младшего лейтенанта Щуся врагом.

Комические ситуации возникают и при участии Лехи Булдакова – солдата, от которого можно ожидать практически всего, он непредсказуем в своих действиях, полон авантюризма. «Была Булдакову дикая удача: упер с кухни аж целого барана!» Автор здесь как будто сам удивляется ловкости своего персонажа, употребляя усиленную частицу – *аж*. При этом смех вызывают не только «организаторские» способности солдата и его находчивость, но и отношение к продукту питания как к другу – заботливое и добродушное: «Пойдем, дорогой, пойдем в землянку... окошел вон весь» [28]. Не менее интересна и сцена с «откровенной надуваловкой» (кусочек древесины выдать за кусок мыла, при этом дав ему соответствующее название), в которой участвовали Фенифатьев, сам Булдаков и художник Феликс Боярчик. Здесь герой проявил себя не только как изобретательный солдат, но и как человек, знающий возможные последствия такой авантюры: «За Сталина, да и за Ленина припадают десять лет дополнительно, а за Сакку эту и за Ванцетти [29] – морду набьют, и все дела» [30].

Наличие комического начала дает возможность говорить о том, что Коля Рындин и Леха Булдаков представляют собой трансформацию былинного архетипа в карнавальную пару. По мнению С. Е. Агранович одним из условий карнавальности является смех [31]. Другим неотъемлемым признаком данного вида пары является поведенческая неадекватность, которая в романе реализуется за счет «припадочного» Булдакова, что выливается чаще всего в открытый комизм. Также немаловажную роль в существовании карнавальности играет особое пространство, ограниченное от мира. Таким пространством в произведении становится в первой книге казарма («чертова яма»), а во второй – окоп. При этом происходит «деление» первоначальной пары, образуются новые «пары»: во второй части романа Булдаков сближается с дедом Фенифатьевым, а Рындин – с Ашотом Васконяном. Тем самым раскрываются новые грани характеров героев, заложенные, но не реализованные ранее. Так, например, Булдаков предстает теперь не только как «филон» и «пройдоха», но и как заботливый, честный товарищ, готовый прийти на помощь любому собрату по несчастью: «Я бы и тебя и деда в лодку к Нельке завалил... я б и тебя и деда спас» [32].

Однако не удается ему спасти своего товарища. Погибает Фенифатьев. Тяжело и опасно ранен Коля Рындин, и целое отделение пёрло его на берег на прогибающихся жердях. Переправившись на другой берег, Лешка Шестаков дотянет-таки полуживого Рындина до медсанбата, где раненого, «по тяжести и объемности фигуры» приняв за генерала, засунут в стоявшую наготове санитарную машину. Из-за стоптанных ботинок, привязанных тонкими шнурками к стопам, «потерял ту дольку времени, что стоит жизни», и сам Булдаков. Повержен «русский богатырь», сотворенный, как уверен Лемке, «Самим Богом. Лично. Для сказки» [33]. Пройдоха и плут Лёха Булдаков, рядовой «Булдаков Алексей Геннадьевич, 1924 года рождения» [34], изрешеченный пулями, впадая в забытие, теряя сознание, и впрямь, подобно былинным героям, возрождается из небытия: «...перекинув руки за борт, держась за лодку зубами, дежал чёрный человек... хрипя, он выдувал кровавую пену и в тяжком беспомыслии грыз дерево» [35]. Астафьев больше не вернется к дорогим его сердцу героям. Сказано все, что нужно.

Итак, не выходя за пределы реалистической достоверности изображаемого, писатель находит свой путь художественного решения традиционной для русского фольклора идеи бессмертия героя-легенды как бессмертия человеческого духа. Архетип былинного богатыря, трансформированный в живых, психологически убедительных образах «чудо-богатырей Красной Армии», подсвеченных любовным авторским «смеховым словом», приобретает в предельно жесткой эстетической системе романа В. Астафьева особенно значимую идейно-эмоциональную наполненность.

Примечания

1. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 1994.
2. Большакова А. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–177.
3. Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2010. С. 33.
4. Там же. С. 474.
5. Там же. С. 36.
6. Там же. С. 219.
7. Там же. С. 251.
8. Там же. С. 534.
9. Алеша Попович и Тугарин Змеевич. URL: <http://www.nameka.net/by14-2.php>
10. Астафьев В. П. Указ. соч. С. 33.
11. Там же. С. 35.
12. Там же. С. 33.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. С. 36.
16. Там же. С. 116.
17. Там же. С. 114.

18. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://dalonline.ru/r/36168-rynda.html>

19. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order/Булдаков>

20. Астафьев В. П. Указ. соч. С. 344.

21. Там же. С. 13.

22. Там же. С. 37.

23. Там же. С. 167.

24. Там же. С. 476.

25. Там же. С. 441.

26. Там же. С. 479.

27. Там же. С. 24.

28. Там же. С. 51.

29. Московский завод пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти – бывшая фабрика по производству карандашей и других пишущих средств.

30. Астафьев В. П. Указ. соч. С. 378.

31. Азранович С. Е., Саморукова И. В. Двойничество. Самара: Самар. ун-т, 2001.

32. Астафьев В. П. Указ. соч. С. 605.

33. Там же. С. 707.

34. Там же. С. 737.

35. Там же.

УДК 882(09)

С. В. Звягина

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И ИХ ФУНКЦИИ В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ»

Изучены роль и форма использования реминисценций в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ». Показано, что применение этого художественного приема в виде упоминания произведений и их создателей совместно с оценочными характеристиками позволяет автору углубить смысл повествования и успешно реализовать задачу по созданию произведения о литературе и обществе XIX в.

In the novel of A. F. Pisemsky “One Thousand Souls” there were studied the role and the form of using reminiscences. The application of this artistic device in the form references of writings and their authors, along with the evaluation characteristics has been shown to enable the author to make the meaning of his work more profound and succeed in fulfilling the task of creating a novel about literature and society of the XIX century.

Ключевые слова: реминисценции, роман «Тысяча душ», литературная традиция XIX в.

Keywords: reminiscences, novel “One Thousand Souls”, literary tradition of the XIX century.

Личность Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) как художника-реалиста формировалась в 40-е гг. XIX в. На протяжении ряда десятилетий его имя «неизменно присутствовало во всех перечислениях крупнейших мастеров самых живых, самых активных жанров литературы» [1].

А. Ф. Писемский создал в своих произведениях уникальный художественный мир, значительно расширивший представление о реалистическом искусстве. Он обогатил великую русскую литературу «рядом могучих произведений, сразу поставивших ее на один уровень со всеми европейскими» [2].

Главное творческое достижение писателя – это роман «Тысяча душ» (1853–1858), открывший перед ним двери в мир большой литературы.

Роман был задуман как история писательской карьеры главного героя, литератора не «по призванию, а из самолюбия» [3], в связи с чем предполагалось широко использовать факты литературного быта того времени. Однако впоследствии первоначальный замысел романа претерпел изменения и писательская деятельность главного героя отодвинулась на второй план. Тем не менее, поставив задачу написать произведение об искусстве, Писемский не мог не прибегнуть к воспроизведению различных литературных явлений на страницах романа. С этой целью он активно использует прием реминисценции, ставший неотъемлемой частью литературного процесса XIX столетия.

По словам И. Ю. Подгаецкой, «поэзия XIX в. начинается там, где “свое” и “чужое” поняты как проблема» [4], это применимо и к прозаическим произведениям.

В теории литературы термином «реминисценция» (от позднелат. *geminiscentia* – воспоминание) принято обозначать «присутствующие в художественных текстах “отсылки” к предшествующим фактам: отдельным произведениям или их группам, напоминание о них <...>. Наиболее распространенная форма реминисценции – цитата, точная или неточная; “закавыченная” или остающаяся неявной, подтекстовой» [5]. Однако, как пишет В. Е. Хализев, их сфера «значительно шире области цитирования как такового. Реминисценциями нередко становятся простые упоминания произведений и их создателей вкупе с оценочными характеристиками» [6]. Реминисценции такого рода широко представлены в «Тысяче душ».

Имена А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и Г. Р. Державина, У. Шекспира и Ж. Санд становятся знаковыми ориентирами на страницах романа, а литературные пристрастия героев – одной из форм их характеристики.

Так, отец Настеньки – Петр Михайлович Годнев – читает В. А. Озерова, Г. Р. Державина, А. И. Михайловского-Данилевского (в тексте романа – Данилевский) и других писателей конца XVIII – начала XIX в. Он склонен если не идеализировать прошлое, то считать ушедший век более чистым в нравственном отношении: «...прежде <...> для поэзии брали предметы как-то возвышеннее: Державин, например, писал

оду “Бог”, воспевал императрицу, героев, их подвиги, а нынче дались эти женские глазки да ножки... Помилуйте, что это такое?» [7].

Он в равной степени высоко ценит и оды Державина, и сиюминутные импровизации А. Ф. Мерзлякова: «...в мое время весьма справедливо и достойно славился Мерзляков. Человек был с светлой головой. Бывало, начнет разбирать Державина построчно, каждое слово. “Вот такой-то, говорит, стих хорош, а такой-то посредственный; вот бы, говорит, как следовало сказать”, да и начнет импровизировать стихами. Мы только слушаем, и если б тогда записывать его импровизации, прелестные бы вышли стихотворения» [8]. Ко всем литераторам Петр Михайлович относится с большим почтением, что характеризует его как очень неприятельного в искусстве человека. Он воспитан на лучших образцах литературы XVIII в. и потому живет несколько по-иному, нежели обитатели Энска – дети века XIX. Героя все время обманывают, а он, тем не менее, все продолжает верить в идеалы добра и милосердия.

Дочь Петра Михайловича – Настенька Годнева – позиции отца не разделяет: «Я этих од решительно читать не могу <...> или вот папенька восхищается этим Озеровым. Вообразите себе: Ксения, русская княжна, которую держали взаперти, едет в лагерь к Донскому – как это правдоподобно!» [9]. Произведения эпохи классицизма она судит по законам современного ей реалистического искусства.

К чтению юную Годневу приучил отец: «Все, я думаю, помнят, в каком огромном количестве в тридцатых годах выходили романы переводные и русские, романы всевозможных содержания: исторические, нравоописательные, разбойничьи; сборники, альманахи и, наконец, журналы. Из всего этого каждый вечер что-нибудь прочитывалось» [10]. Так Настенька и приобрела «к высшим проявлениям европейской и русской литературы» [11].

Когда девушке минуло восемнадцать лет, в провинциальный Энск приехала генеральша Шевалова, и Настенька вместе с отцом посетила организованный ею бал. Но выход в свет не дал ей ничего, кроме чувства глубокого разочарования, и тогда «чтение сделалось единственным ее развлечением <...> Она начала жить в каком-то особенном мирочке, наполненном Гомерами, Орадами, Онегинскими, героями французской революции» [12]. Настенька стала восторженной читательницей, юностью которой прошла в ирреальном мире романтических героев. Естественно, это не могло не оказать влияния на формирование ее характера: «Любовь женщины она представляла себе не иначе, как чувством, в основании которого должно было лежать самоотвержение,

жизнь в обществе – мучением, общественный суд – вздором, на который не стоит обращать внимания» [13]. Именно по такому принципу живет и жоржсандовская Индиана – любимая героиня Настеньки.

История Индианы – это история человеческого сердца, которое жаждет любви. Этому чувству Ж. Санд придавала особое, идеальное значение. За любовь нужно бороться, она должна быть «свободна и не может подчиняться никаким стеснениям» [14]. Мысль эту и усвоила героиня Писемского. Потому ее линия жизни во многом повторяет судьбу Индианы. Она, как и героиня Ж. Санд, отправилась за возлюбленным, не будучи его законной женой, и пережила предательство (Калинович, как и де Рамьер, женился на богатой девушке). Но, помня, что женская любовь всегда должна быть жертвенной, Настенька забыла все обиды и посвятила свою жизнь Калиновичу, не любя его так сильно, как прежде, но из осознания того, что «она одна осталась в мире для этого человека» [15].

Помимо романов Ж. Санд на судьбу героини А. Ф. Писемского повлияло и творчество гения Шекспира. Его пьеса «Ромео и Джульетта» стала для девушки счастливым билетом в жизнь, а все потому, что однажды по просьбе студента Иволгина, мечтающего о славе актера, Настенька читает за Юлию (так А. Ф. Писемский называет Джульетту), и он, придя в восторг от ее дарования, предлагает ей роль в спектакле. Оказалось, что найти актрису, готовую сыграть один из лучших образов, созданных Шекспиром, не просто, поскольку «Юлия любит Ромео, а выражать это чувство на подмостках неприлично» [16].

Роль Юлии она не исполнила, но ощутила в себе драматический талант, который, после того как Калинович предал ее, реализовала на подмостках театра. Вся губернская публика собралась, чтобы увидеть превосходную актрису Минаеву (это сценический псевдоним Настеньки) «в роли Эйлалии, которую она должна была играть в известной печальной драме А. Коцебу “Ненависть к людям и раскаяние”» [17]. Настенька была взволнована, но сыграла она великолепно, и потому всюду слышалось: «чудесная актриса» [18].

Любовь к искусству была заложена в ней с детства, а все потому, что Настенька читала «правильную литературу», которая развила в ней чувство прекрасного. «Нынче есть великие писатели» [19], – говорит она – и в качестве таковых называет Пушкина, Лермонтова и Гоголя, что характеризует ее как обладательницу хорошего литературного вкуса. Однако лишь этими именами круг ее литературных пристрастий не ограничивается. В числе своих фаворитов она называет М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова («Ле-

дяной дом» которого Настенька читала не раз), В. А. Соллогуба (его романы «Аптекарьша» и «Большой свет»), Н. В. Кукольника, А. Ф. Вельмана, В. И. Даля и Г. Ф. Квитка-Основьяненко (в тексте романа – Основьяненко).

Совсем по-иному к литературе относится ее возлюбленный Яков Калинович. Он в достаточной степени начитан и при необходимости в качестве довода может привлечь любое произведение. Однако понять, что ему действительно нравится, непросто.

Всех писателей того времени Калинович критикует. Так, говоря о Пушкине, он признает силу его таланта, но только относительно последних произведений. А та манера, с которой Калинович рассуждает о нем (медленно, с расстановкой), наводит на мысль о том, что на место всенародно признанного гения претендует сам Калинович, считая себя достойнее всех остальных писателей. Иначе чем еще объяснить его критику, например, Гоголя: «Гоголь громадный талант, <...> но покуда с приличною ему силою является только как сатирик, а потому раскрывает одну сторону русской жизни, и раскроет ли ее вполне, как обещает в “Мертвых душах” <...> – это еще сомнительно» [20]. Да, он выделяет Гоголя среди современных писателей, но общее направление его творчества считает односторонним.

Если у Пушкина и Гоголя Калинович хотя бы признает наличие таланта, пусть не до конца раскрытого, то другого любимого писателя Настеньки, Лермонтова, он ценит гораздо меньше, обвиняя его в подражательстве Пушкину, Байрону – но «несколько на военный лад» [21] и Шиллеру – «в одухотворениях стихий» [22]. Калинович признает ум и неподдельно страстную натуру певца природы, но обвиняет его в литературной ограниченности, следовании известной ему колее: «В том, что он (Лермонтов) писал, он был очень силен, зато уж дальше этого ничего не видел» [23].

Калинович произносит свои суждения с такой уверенностью, что окружающие начинают думать, что их литературные вкусы ошибочны. Герой умеет и молчать так многозначительно, что нетрудно догадаться: авторы, имена которых произносятся, ему не нравятся. Так, в первой главе романа, когда Настенька называет среди любимых писателей Загоскина, Лажечникова и Соллогуба, лицо ее отца сияет «удовольствием оттого что дочь обнаруживала такое знакомство с литературой» [24], а вот Калинович слушает «ее с таким выражением, по которому нетрудно было догадаться, что называемые ею авторы не пользовались его большим уважением» [25].

На всю русскую литературу он смотрит свысока, ведь в ней пока нет его, Калиновича. Однако пренебрежительная оценка, которой он награжда-

ет сочинения русских писателей, не могла не сказаться на его собственном литературном гении. Прозаический дебют Калиновича – «Странные отношения» – стал предметом критики его университетского товарища, а ныне талантливого литератора, Зыкова. По его мнению, повесть Калиновича больше напоминает произведение классицистов: он рассматривает жизнь великосветских господ и рассказывает, как они страдают от «странных отношений». Кроме того, даже идея повести не оригинальна: «мысль чужая: взята из “Жака”» [26], причем реализовал ее Калинович гораздо хуже, нежели Ж. Санд. Зыков укоряет его еще и за то, что он не умеет мыслить образами. «Смотри, – говорит он, – у Пушкина <...> “В час незабвенный, в час печальный я долго плакал пред тобой” – образ! А “Мои хладеющие руки тебя старались удерживать” – еще образ! “Но ты от горького лобзанья свои уста оторвала” – опять образ! <...> под всем лежит поэтическое чувство (речь идет о стихотворении «Для берегов отчизны дальней». – С. 3.). А с одной, брат, рассудочной способностью, пожалуй, можно сделаться юристом, администратором, ученым, но никак не поэтом и не романистом» [27]. Получается, что в сравнении с литературными корифеями его талант ничтожен: в нем «нет художника, нет <...> божьего огня» [28], нет всего того, что было у Пушкина, Гоголя, Тургенева и других великих русских писателей, потому Зыков и просит его лишь об одном – «только повестей уж больше не пиши» [29].

Сомневаться в справедливости слов Зыкова Калиновичу не приходится, ведь он слишком хорошо знал его «и никак уж не мог утешить себя предположением, что тот говорит это по зависти <...> Кроме того <...> он хоть смутно, но понимал свои творческие средства. Устами приятеля как бы говорило ему его собственное сознание» [30].

К тому же в профессии литератора Калиновича привлекало вовсе не желание «служить» искусству, а меркантильный интерес, со всеми вытекающими из него последствиями: признание, слава, почтение и самое, пожалуй, заветное – материальное благополучие. А все потому, что «“железный”, меркантильный и прагматичный век диктует свои правила игры, обесценивая человеческое» [31]. Но он «добрался» еще не до всех. Так, студент Иволгин готов пожертвовать целым состоянием ради того, чтобы постичь всю сложность и глубину образа Гамлета. Более того, Иволгин соотносит себя с шекспировским героем: «Отец мой, – говорит он, – к несчастью, имеет привязанность к нашей бывшей гувернантке, от которой страдала наша мать и, может быть, умерла даже от нее, а теперь страдаем мы все, и я, как старший, чувствую, что должен был бы отомстить этой женщине и не могу на это решиться» [32].

Иволгину, как человеку с состоянием, могла бы светить блестящая карьера, но он не желает «сделаться каким-нибудь офицером» [33], потому его, как и Гамлета, считают «почти сумасшедшим» [34]. Однако Иволгина это ничуть не расстраивает. Его жизненный путь, близкий к истории Гамлета, дает ему возможность прочувствовать образ шекспировского героя и «сыграть эту роль с душой» [35].

С целью узнать цену своему таланту он читает Калиновичу и Белавину – людям, способным, по его мнению, оценить настоящее искусство, – известный монолог Гамлета «to be or not to be».

«Быть или не быть – вот в чем вопрос. Что доблестнее для души: сносить удары оскорбительной судьбы, или вооружиться против моря зол и победить его, исчерпав разом! Умереть... уснуть!..» [36].

Однако эти строки из «Гамлета», включенные Писемским в структуру повествования «Тысячи душ», таят в себе более глубокий смысл. Они напрямую соотносятся с сомнениями Калиновича: покорно сносить удары судьбы ему мешают амбиции, а бороться со злом у него не получается – один человек против системы оказывается бессилён.

Для того чтобы еще ярче очертить образ Калиновича, Писемский вводит в структуру повествования романа Михайло Сергеевич Белавина, с которым герой знакомится в Петербурге в кабинете редактора журнала, где была напечатана его повесть.

Однажды как бы невзначай Белавин упомянул при Калиновиче о Чичикове, обращаясь при этом к другому господину: «Вы давеча говорили насчет Чичикова, что он не заслуживает того нравственного наказания, которому подверг его автор, потому что само общество не развило в нем понятия о чести; но что тут общество сделает, когда он сам дрянь человек?» [37]. Белавин произносит фамилию гоголевского персонажа не случайно, он таким образом взывает к чувству совести Калиновича, стремится больше уколоть его, ведь поступил Калинович подло: он предал любящую его девушку и даже попытался загладить свою вину перед ней деньгами. Потому Калинович правильно воспринял все сказанное Белавиным на свой счет, и самовнушение, что Белавин не прав, не помогло: «Калинович был уничтожен» [38].

Белавин был истовым романтиком и идеалистом. Вся его жизнь состояла из «стремления к образованию, из толков об изящном, о науке, о политике» [39]. Он, как человек, который знает толк в искусстве, не жалеет критики по отношению к актеру, исполняющему роль Отелло. «Двадцать пять лет <...> этот господин держит репертуар и хоть бы одно задушевное слово сказал!

Крики и крики – и больше ничего! <...> этот господин одну только черту выражает в Отелло, которой, впрочем, в том нет: это кровожадность <...> Эта страстная, нервная и нежная натура у него выходит только мясником; он только и помнит, что “крови, крови жажду я!”» [40].

Белавин жил в высшем свете и «имел там вес» [41]. На первый взгляд, он «всегда как-то возвышен, симпатичен и благороден» [42], однако на деле оказывается, что он лишь прячется за витиеватыми речами. Потому Настенька и разочаровывается в умном и честном Белавине: он «стал мне казаться каким-то идеалом мужчины, но потом, от первого же серьезного вопроса, который задала нам жизнь, вся эта фольга и мишура сразу облетела...» [43].

Помимо уже названных персонажей, проявляющих интерес к искусству, в «Тысяче душ» есть еще один герой, который не обходит стороной вопросы литературы. Это князь Иван Раменский, который, как мы узнаем из второй главы романа, был лично знаком с Пушкиным: «Мы почти вместе росли, вместе стали выезжать молодыми людьми в свет: я – гвардейским прапорщиком, а он, кажется, служил тогда в иностранной коллегии <...>. Это был гений <...> в полном смысле этих слов» [44]. Князь в таланте Пушкина нисколько не сомневается, ему даже выгодно превозносить его, ведь это только укрепляет его личный авторитет.

Затем выясняется, что сюжетом «известного импровизатора» Пушкин обязан не кому-нибудь, а именно князю, который рассказал писателю об итальянце Сольфини. Однако Писемский дает нам понять, что Раменский сочинил рассказ об «импровизаторе», чтобы «намекнуть на свое знакомство с Пушкиным, великим поэтом и человеком хорошего круга, – Пушкиным, которому, как известно, в дружбу напрашивались после его смерти не только люди совершенно ему незнакомые, но даже печатные враги его, в силу той невинной слабости, что всякому маленькому смертному приятно стать поближе к великому человеку и хоть одним лучом его славы осветить себя» [45]. Князь – человек неглупый, а потому чтобы его не уличили во лжи, он уточняет, что саму историю Пушкин не взял, но она подала ему мысль «вывести природного художника, импровизатора, посреди нашего холодного, эгоистического общества» [46].

Очевидно, что князь не способен постичь всю глубину литературы, он видит только внешнее, потому и считает, что заниматься литературой бессмысленно, если за душой нет ни гроша: «Пушкин был человек с состоянием, получал по червонцу за стих, да и тот постоянно и непрерывно нуждался; а Полевой, так уж я лично это знаю, когда дал ему пятьсот рублей займа, так он со

слезами благодарил меня, потому что у него полтинника в это время не было в кармане. Так вот вам наша русская литература! Мы еще слишком далеки от того, чтоб чтение сделалось общим достоянием» [47]. Такие речи наводят на мысль о том, что князь Раменский считает себя лучше любого писателя, ставит себя рангом выше их хотя бы только потому, что он богат.

Его слова – это не просто высокопарные речи, ведь князь Иван знает истинное отношение светского общества к литературе «и для кого из них необходимы книги? – ни для кого, кроме Четверикова <...> этот господин, наш предводитель, человек неглупый и очень богатый, он, я думаю, на грош не купил ни одной книжонки. Читает одну “Северную пчелу”, да и ту берет у меня...» [48].

Суждения князя о литературе достаточно легковесны, поверхностны, в них нет глубоких замечаний относительно тех или иных граней таланта писателя, анализа или раздумий над произведениями, все его «гениальные» мысли – это лишь светская болтовня, приятная беседа, призванная скоротать время. «Он хвалил направление нынешних писателей, направление умное, практическое, в котором <...> не стало капли приторной чувствительности двадцатых годов; радовался вечному истреблению од, ходульных драм, которые своей высокопарной ложью в каждом здравомыслящем человеке могли только развивать желчь; радовался, наконец, совершенному изгнанию стихов к ней, к луне, к звездам; похвалил внешнюю блестящую сторону французской литературы и отозвался с уважением об английской» [49]. Словом, как добавляет Писемский, являлся «в полном смысле литературным дилетантом» [50].

Мир литературы для него не содержит в себе никакой подлинной ценности, литература лишь обязательная часть божественной жизни, которая, тем не менее, исправно служит ему. Потому он как бы невзначай может вставить в разговор фразу о том, что «жил почти весь век свой между литераторами <...> был знаком с разного рода писателями и художниками» [51]. Примечательно, что никого из писателей он не критикует, а наоборот, отмечает в них «что-то особенное, не похожее на нас, грешных» [52]. Он дилетант, а потому «дурака писателя и артиста» [53] даже не может себе представить. Если бы его позиции придерживались все, то Калиновича на литературном поприще ждал бы успех, но, к глубокому сожалению главного героя, такие люди, как князь Иван Раменский, не принимают сочинений в печать.

Однако отметим, что в романе есть персонаж, чье слово оказывается для издателей куда весомее мнения таких профессиональных кри-

тиков, как, например, Зыков. Это статский советник Федор Федорыч, который выдает себя за любителя и покровителя великой русской литературы, при этом ничего в ней не понимая. Именно этого человека и просит о помощи Петр Михайлович, так как он, по словам Годнева, «пользуется между литераторами большим авторитетом <...> у него все эти господа редакторы и издатели по струнке ходят» [54]. Таким образом получается, что не беспристрастное мнение профессионала, а протекция высокого чина – вот главный козырь появления на свет какой бы то ни было рукописи; что приводит к увековечиванию в истории ничтожных творений.

Итак, мы видим, что Писемский довольно успешно реализовал задачу по созданию произведения об искусстве и современном обществе, используя прием реминисценции. Только лишь упоминание произведений и их авторов и оценка литературного наследия героями «Тысячи душ» позволяет Писемскому дать исчерпывающую характеристику своим персонажам и внести в структуру романа множество глубоких оттенков. Благодаря «вкраплению» в текст повествования реминисценций, Писемский углубил смысл своего творения и расширил границы его восприятия. Тем самым перед читателем более узнаваемо, выпукло предстали колорит эпохи, жизненная среда и пространство героев романа. Таким образом, можно смело утверждать, что прием реминисценции играет немаловажную роль в формировании художественного мира А. Ф. Писемского.

Примечания

1. Лотман А. М. А. Ф. Писемский // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1982. Т. III. Расцвет реализма. С. 203.
2. Скабичевский А. М. Алексей Писемский. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1894. С. 5.
3. Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клеймана и А. П. Могиланского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 62.
4. Подгаецкая И. Ю. «Свое» и «чужое» в поэтическом стиле. Жуковский – Лермонтов – Тютчев // Смена литературных стилей. М.: Наука, 1974. С. 201.
5. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. С. 267.
6. Там же. С. 267–268.
7. Писемский А. Ф. Тысяча душ. М.: Худож. лит., 1988. С. 48.
8. Там же. С. 47.
9. Там же. С. 48–49.
10. Там же. С. 19.
11. Лотман Ю. М. Женский мир // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Искусство – СПб», 2006. С. 50.
12. Писемский А. Ф. Тысяча душ. С. 23–24.
13. Там же. С. 24.

14. Анненская А. Н. Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность. М., 1893. URL: http://az.lib.ru/a/annenskaja_a_n/text_0024.shtml
15. Писемский А. Ф. Тысяча душ. С. 462.
16. Там же. С. 298.
17. Там же. С. 419.
18. Там же. С. 425.
19. Там же. С. 49.
20. Там же. С. 50.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же. С. 246.
27. Там же.
28. Там же. С. 248.
29. Там же. С. 247.
30. Там же. С. 248.
31. Фролова Ю. Ю. Поэтика романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (художественный синтез сентиментализма и реализма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. С. 21.
32. Писемский А. Ф. Тысяча душ. С. 274.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же. С. 275.
37. Там же. С. 347.
38. Там же. С. 348.
39. Там же. С. 294.
40. Там же. С. 250–251.
41. Там же. С. 252.
42. Там же. С. 435.
43. Там же. С. 435.
44. Там же. С. 128–129.
45. Там же. С. 132–133.
46. Там же. С. 131–132.
47. Там же. С. 184.
48. Там же.
49. Там же. С. 132.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же. С. 128.
53. Там же.
54. Там же. С. 84.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Надежда Васильевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре литературы Ульяновского государственного педагогического университета. 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия В. И. Ленина, д. 4.

E-mail: alexejeva31@mail.ru

АРЗАМАСЦЕВА Наталья Юрьевна – аспирант кафедры теории языка, ассистент по кафедре русского языка для иностранных граждан Курского государственного университета. 305004, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

E-mail: n_arz@mail.ru

БАЙКОВА Александра Васильевна – студентка II курса факультета лингвистики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga_baykova@yandex.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БАРИНОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614600, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

ГАЙДУКОВА Тамара Михайловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

E-mail: tgaydukova@hse.ru

ДЗЮБА Елена Марковна – доктор филологических наук, доцент по кафедре русской литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: dsjubannov@list.ru

ЗАГРАЕВСКАЯ Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Пятигорского государственного лингвистического университета. 357500, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9.

E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

ЗВЯГИНА Светлана Вадимовна – соискатель кафедры всемирной литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

ЗИННАТУЛЛИНА Лилия Махарямовна – старший преподаватель кафедры английской филологии Казанского Приволжского Федерального университета. 420073, г. Казань, ул. Аделя Кутуя, д. 70.

E-mail: globuskazan@yandex.ru

КЕРИМОВА Раузат Абдуллаховна – кандидат филологических наук, сотрудник отдела карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Инессы Арманд, 37А.

E-mail: K.roza07@mail.ru

КОМАРОВА Полина Геннадьевна – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

E-mail: KomarovaPolina86@yandex.ru

КЮРЕГЯН Амалия Левиковна – кандидат филологических наук, доцент факультета дистанционного и дополнительного образования Самарского государственного технического университета. 443100, г. Самара, ул. Невская, д. 9.

E-mail: amalia@samaramail.ru

МАРКОВА Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков неязыковых специальностей ВятГГУ. г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Miva009@gmail.com

МИШЛАНОВА Светлана Леонидовна – доктор филологических наук, профессор по кафедре лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: mishlanovas@mail.ru

МЯКОТНИКОВА Светлана Юрьевна – аспирант кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: myakotnikova@yandex.ru

ОВЧИННИКОВА Ирина Германовна – доктор филологических наук, профессор по кафедре речевой коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор Университета г. Хайфа, Израиль. 614600, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: ira.ovchi@gmail.com

ОСТРОВСКАЯ Ксения Зурабовна – аспирант кафедры немецкой филологии Педагогического института Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону), старший преподаватель кафедры немецкого языка Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132.

E-mail: xenija86@rambler.ru

ПОРЧЕСКУ Галина Васильевна – ассистент кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_perevod@vshu.kirov.ru

РЕДЬКИНА Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ex444libris@mail.ru

РЫСЕВА Ульяна Алексеевна – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ulyana-ryseva@rambler.ru

СИРОТКИНА Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета. 628417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.

E-mail: sirotkina71@mail.ru

СОЛОМЕНЦЕВА Клёна Викторовна – аспирант заочной формы обучения кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета. 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия В. И. Ленина, д. 4.

E-mail: kliona86@mail.ru

ЧИСТЮХИНА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18.

E-mail: suisi@list.ru

ЧИСТЯКОВА Ирина Валерьевна – аспирант заочной формы обучения, ассистент по кафедре второго иностранного языка Тульского государственного педагогического университета им. А. Н. Толстого. 300026, г. Тула, просп. Ленина, д. 125.

E-mail: Sirly-squirrel@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Филология и искусствоведение
Научный журнал № 4(2)

Подписано в печать 25.11.2012 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 1000. Заказ № 332.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, т. (8332) 673-674
www.vggu.ru

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674